

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ОДЕССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

Л.Н. Сумарокова

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛОГИКА:
КОММУНИКАТИВНАЯ
КОНЦЕПЦИЯ**

Монография

Одесса
«Фенікс»
2015

УДК 161/162:340
ББК 87.4:67
С897

*Рекомендовано к печати ученым советом
Национального университета «Одесская юридическая академия»
(протокол № 1 от 12 сентября 2014 года)*

Рецензенты:

Дудченко Валентина Витальевна – доктор юридических наук, профессор
Национального университета «Одесская юридическая академия»;

Терентьева Людмила Николаевна – доктор философских наук,
профессор философского факультета Одесского национального университета
им. И.И. Мечникова.

Сумарокова Л.Н.

С897 Юридическая логика: коммуникативная концепция : монография /
Л.Н. Сумарокова. – Одесса : «Фенікс», 2015. – 204 с.
ISBN 978-966-438-856-3

В книге отстаивается мысль о необходимости восстановления двустороннего характера отношений между логикой и юриспруденцией, о том, что тенденция к автономизации одинаково вредна для перспектив успешного развития обеих областей.

Юридическая логика – это вариант практической логики, который должен стать результатом синтеза двух ветвей исследования: направленной от логики к юриспруденции (прикладная логика) и направленной от юриспруденции к логике (креативная логика права). Термин «юридическая логика» является при этом сокращением для обозначения возможного результата подобного синтеза. Юридическая логика – пока лишь проект, но он успешно реализуется преимущественно в той ветви, которая является прикладной логикой и начинает осуществляться в отдельных идеях, наблюдениях, касающихся креативной логики права.

Изложение материала структурируется в соответствии с местом форм мысли в юридической коммуникации: есть формы, «отвечающие» за представление информации; формы преобразования, развития информации; формы обоснования, обеспечивающие принятие и включение результатов коммуникации в общее пространство смыслов права и в смысловое пространство культуры.

Книга предназначена для философов, теоретиков и практиков права, для аспирантов, магистрантов юридически вузов, для слушателей Института подготовки профессиональных судей и всех тех, кто интересуется философией права и логикой.

**УДК 161/162:340
ББК 87.4:67**

ISBN 978-966-438-856-3

© Сумарокова Л.Н., 2015
© Оформление ЧП «Фенікс», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В нашем отечестве отношение граждан к юриспруденции, в частности, к ее практической реализации, – деятельности судов, милиции, прокуратуры, – очень непростое, а временами накаляется до конфликтного. В этом контексте термин «юридическая логика» у некоторых вызывает иронию, и эта ирония, увы, не всегда является мягкой, – напротив, она простирается до границ прямо противоположного смысла: «юридическая логика» – это отсутствие всякой логики, это злоупотребление логикой на уровне софизмов или на уровне открытого цинизма. Однако в защиту названия книги можно привести следующие доводы. Во-первых, юриспруденция, несмотря ни на что, – по своим целям и сущности – весьма благородное и нужное поприще человеческой деятельности, и вполне заслуживают уважения те юристы, которые являются настоящими рыцарями на этом поприще. Во-вторых, термин «юридическая логика» относится не к уровню социальной психологии, а к уровню теории, то есть его смысл развертывается в ракурсе *как возможно то, что есть, и как должно быть*. Обращение к теории – это не бегство от действительности. Напротив, без обращения к теории, к тому, *как может и как должно быть*, невозможно найти выход из любой сложившейся кризисной ситуации. В-третьих, термин «юридическая логика» в силу своей краткости более удобен по сравнению с дескрипциями типа: «область теоретических и практических знаний, сложившаяся в результате взаимодействия логики и юриспруденции»; «вид практической логики, предназначенной для юристов» и т.п. – и уже данное прагматическое соображение позволяет использовать термин «юридическая логика» как сокращение, знак по отношению к указанным дескрипциям.

Начавшийся в прошлом веке спор о возможности построения юридической логики как дисциплины, возникшей «на стыке»

логики и юриспруденции, выявил две крайности среди его участников: одни ученые (преимущественно логики) уверены, что логика одна, она имеет общечеловеческий характер, и потому никакой особой *юридической* логики нет и быть не может. Другие (главным образом юристы-практики) считают, что главной логикой для юриста является логика правового опыта, логика закона, и никакая абстрактная логика фактически не используется в процессе принятия правовых решений.

Одним из главных импульсов, побудивших к написанию данной работы, послужило желание преодолеть основу указанных крайностей – тенденцию, заметную как в современной логике, так и в современной юриспруденции, – тенденцию к чрезмерной автономизации, которая, на мой взгляд, является одинаково опасной и для логики, и для юриспруденции в плане перспектив их дальнейшего развития.

В юриспруденции эта тенденция проявляется в том, что во многих теоретических исследованиях последних десятилетий акценты уверенно переместились на поиск критериев размежевания права и морали, правовых ценностей и ценностей общечеловеческих, языка права и естественного языка, профессионального правового мышления и «обычного» мышления и т.п. С одной стороны, это вполне естественное стремление, связанное с развитием профессионального самосознания юристов: существует необходимость четко знать специфику права как предмета постижения – и теоретического, и практического. Однако мы видим, как при этом часто из поля зрения юристов незаметно исчезает видение права как *подсистемы* жизни и общества, и отдельного человека, важной, но не единственной *части* бытия.

В этой связи вполне объяснима горькая ирония в адрес юристов: «Многие из юристов пребывают в убеждении, что кроме них никто и ничего понять в праве не может»¹. Самое главное следствие подобного «самосознания юристов» – потеря доверия в обществе к праву как таковому; появляется и сохраняется «традиция негативного правосознания в нашем обществе»².

¹ Шевцов С.П. *Метаморфозы права*. Ч. 1. – О.: Освіта України, 2013. – 448 с. – С. 145.

² Там же.

Тенденция к автономизации характерна не только для теории права, но и для многообразных юридических практик. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к проблеме реформирования правоохранительной системы Украины. Многие проекты реформ выглядят здесь как проекты самосовершенствования отдельно взятой системы путем перераспределения, модификации внутренних функций, связей, характеристик отдельных подразделений, структур, элементов. Невольно напрашивается аналогия с преобразованием технологии некоторого замкнутого производства. Почти не обсуждаются вопросы о стратегических целях реформ, об этапах их реализации исходя из фундаментальных потребностей развития общества и каждой отдельной личности. В лучшем случае говорится о целях евроинтеграции; однако известно, что единство целей и ценностей европейских стран в сфере правовых отношений не исключает разнообразия средств и форм их достижения, реализации. Само по себе сближение формулировок правовых норм стран Евросоюза и Украины не гарантирует эффективности их применения в нашем обществе: любое правило требует учета условий его применимости, в том числе, учета состояния правосознания общества, а также реальных возможностей большинства граждан Украины в осуществлении своих прав и обязанностей.

В логике тенденция к чрезмерной автономизации проявляется в двух тесно связанных аспектах: в понимании предмета логики и в понимании связи логики с другими науками.

Логика XX века позиционировала себя как наука о формализованных моделях доказательства. Она развивалась в двух главных направлениях: во-первых, в направлении увеличения точности формализованных языков, используемых при построении моделей доказательства, а во-вторых, в направлении приближения формальных моделей к реальным процессам доказательства, осуществляемых в науке – преимущественно в математике. Известно, что в обоих этих направлениях были достигнуты значительные успехи; без формализованных языков логики было бы невозможно возникновение компьютера и современных информационных систем. Но, несмотря на это, в общественном сознании, особенно в гуманитарной его сфере, постепенно назревает протест против отождествления предмета

логики с идеальным миром математических дедуктивных выводов, против того, что все, не связанное непосредственно с принятыми вариантами формализации дедукции, логики фактически перестали относить к сфере логики. За границами логического оказались теория понятия, основные законы логики, теория недедуктивных выводов и многое другое. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с содержанием учебников логики середины XX века. Да и само понимание доказательства в гуманитарной сфере было иным, чем в учебниках логики; оно не уместилось в рамки того образа, который представим в виде цепочки формул. Ограниченность платонистских представлений об универсальных идеальных структурах, существующих независимо ни от опыта, ни от чего бы то ни было вообще, узкой областью формализованных систем стало вызывать протест в сфере гуманитаристики. Многим гуманитариям формализованные модели логики стали казаться бесполезными для ориентирования в конфликтном мире человеческой коммуникации. Как закономерная реакция на сужение предмета логики и сужение понятия доказательства во второй половине XX века формируется новая область исследований, – во многом оппозиционная по отношению к логике, – неориторика как общее учение об аргументации. Ответ логиков на критику неориторов сводился к тому, что в аргументации есть ядерная, чисто логическая часть (доказательство как дедуктивная процедура) и периферийная часть, включающая психологические, речевые, социокультурные и прочие компоненты, которыми и занялась неориторика.

Проведение демаркаций между логикой и другими дисциплинами при изучении процессов «живой» аргументации, конечно, актуально. Однако этого недостаточно. Не менее актуальным является осознание важности единства знания, осознания необходимости наведения мостов не только между миром вещей и миром идей, но и между миром вещей и идей, с одной стороны, – и миром человеческих действий, поступков, решений, целей, ценностей, – с другой. «Автономизация» логики проявляется в сведении всех этих отношений к одному – к *приложению* логики ко всем остальным наукам, к выделению теоретической логики и множества прикладных логик, которые являются только пространством воплощения, интер-

претации и подтверждения теоретической логики. На наш взгляд, это весьма односторонний подход, ведущий к обеднению возможностей для развития логики как науки, к уменьшению и даже исчерпанию интереса к ней в других сферах познания и практики.

Подобно тому, как тенденция к «автономизации» юриспруденции способствует укреплению тенденции к формированию «негативного правового сознания», так же и тенденция к «автономизации» логики как узко понятой формализации дедуктивного рассуждения невольно способствует укреплению тенденции к отрицанию значимости любой формализации мышления, значимости логики как науки, а вслед за этим и рациональности как таковой.

При этом существенно отметить, что тенденция к «автономизации» и в логике, и в юриспруденции нередко сопровождаются односторонней технологической, инструменталистской трактовкой и знания, и методологии, в ущерб более широкому их пониманию, включающему онтологическое, гносеологическое, праксеологическое измерения.

Исторически взаимодействие логики с другими сферами познания и практики всегда было двусторонним процессом, за исключением периода конца XIX – первой половины XX в. В частности, отношения логики и юриспруденции были двусторонними на самом раннем этапе их истории – на этапе формирования. Достаточно сослаться на то, что само понятие доказательства возникло в судебной практике задолго до появления логики как науки (М.В. Попович, В.Д. Титов привлекли к этому внимание). В свою очередь, римское право включило в себя все наиболее важные результаты, достигнутые к тому времени в логике, а потому до сих пор является образцом рациональности для всех правовых систем, задающим стандарты определенности, последовательности и обоснованности. Многие выдающиеся логики имели юридическое образование, и их вклад в дальнейшее развитие логики во многом был обусловлен именно запросами правовой теории и практики.

Эти связи почти оборвались с возникновением математической логики. Внедрение методов математики в логику стало мощным фактором ее развития в XX веке. Это бесспорно. Но не может ли стать столь же мощным фактором ее развития в XXI веке внедрение

форм и методов исследования, накопленных в гуманитарной сфере? В частности, в юриспруденции?

Проект под условным названием «юридическая логика» будет успешно осуществлен, если в нем будет отражен именно двусторонний характер отношений логики и юриспруденции, если прикладное понимание юридической логики будет дополнено изучением влияния опыта профессионального мышления юристов на развитие теоретической логики, на ее обогащение. Второе направление исследований – изучение рабочих схем, правил, обобщающих опыт юриспруденции, – можно условно назвать креативной логикой права. Юридическая логика должна объединить прикладную и креативную логики, осуществить их синтез, в результате которого выигрывают и логика, и юриспруденция. Логика не может развиваться без подпитки свежими идеями, обобщающими реальный опыт мышления в разных сферах человеческой деятельности. Юриспруденция не может успешно функционировать, если все ее «рабочие схемы», образцы, приемы, правила не будут соотнесены с принятой в обществе рациональностью. Мысли и действия человека могут быть иррациональными, но закон и его применение иррациональными быть не должны. Если деятельность правоохранительных органов становится непонятной, не соответствующей рациональности закона, рациональности и морали общества, это становится трагичным и для общества, и для государства, и для личности.

В качестве общей философской идеи, скрепляющей предлагаемый текст в некоторое содержательное единство, автором принята идея коммуникативности. Логика коммуникативна в том смысле, что одной из главных ее функций является способность обеспечивать взаимопонимание людей; право коммуникативно, поскольку оно регулирует реальные отношения людей – их общение в самом широком понимании. Наконец, юридическая логика как научная дисциплина коммуникативна по своему предназначению: она должна обеспечить продуктивный диалог логики и юриспруденции, нацеленный как на взаимное согласование, так и на критическую оценку, апробацию полученных результатов.

Насколько автору удалось показать значимость двусторонности связей логики и юриспруденции и тем самым ограничить разумны-

ми пределами представления логиков и юристов о самодостаточности, автономности сфер своего профессионального мышления, – судить читателю. Но если книга поможет хотя бы привлечь внимание к проблеме, автор будет считать свой труд не напрасным.

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам кафедры философии НУ «ОЮА» за дружескую помощь и содействие в подготовке этой книги, а также участникам методологического семинара НУ «ОЮА» и системного семинара ОНПУ за доброжелательность и конструктивную критику. Особая благодарность профессорам А.А. Ивакину, Ю.Н. Оборотову и А.Ю. Цофнасу за моральную поддержку, а также А.С.Щёголеву за техническую помощь; без их участия издание данной работы было бы невозможным. Разумеется, все замечания о недостатках и ошибках изложения следует адресовать только автору.

ГЛАВА I

О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

1.1. О предмете юридической логики

Юридическая логика – это новый, еще только формирующийся раздел философии права. Если философия права – результат взаимодействия философии и правоведения, то юридическая логика – это результат взаимодействия логики как философской науки и юриспруденции как единства теоретической и практической ее составляющих. Указанное взаимодействие осуществляется, в основном, через коммуникацию логиков и юристов, когда они включены в процессы решения общих проблем.

В понимании автора юридическая логика – это область знания, которая отвечает на вопрос: каковы структурные критерии, которые позволяют отличить надежное, правильное правовое мышление от ненадежного, неправильного? Если детализировать этот вопрос, то получим целую серию вопросов: как оценить по формальным признакам степень адекватности и правильности разных способов *представления* (соответственно *понимания*), *преобразования* и *обоснования* юридически значимой информации в разных видах правовой коммуникации? Каковы *формы* и *общие принципы* такой оценки? И, наконец, каковы формы и принципы *принятия решений* на основе этой информации?

Юридическая логика в настоящее время – пока еще проект, который активно реализуется, по меньшей мере, в двух направлениях.

Первое направление состоит в применении логики в юриспруденции (прикладная логика). Цель прикладной логики – примене-

ние результатов логических исследований для решения задач юриспруденции. Например, для каждого юриста ясно, что нарушение логического закона непротиворечия в аргументации – достаточное основание для отмены решения суда, опирающегося на эту аргументацию. Закон тождества требует, чтобы все юридические термины и все утверждения понимались одинаково всеми сторонами на всем протяжении юридического спора и т.д. Здесь мы идем от логического знания к юридическому.

Второе направление исследований касается внутренних рабочих схем, эталонов, правил, закрепляющих собственный мыслительный опыт юристов (креативная логика права). Цель креативной логики права, – двигаясь в направлении «от юриспруденции – к логике», – выявить логический смысл рабочих схем, приемов, правил, алгоритмов, форм, которые устанавливаются, скажем, в процессуальном праве. Например, существуют такие процессуальные требования к аргументам в судебном доказывании как относимость и допустимость. Если первое из этих требований может быть истолковано как логическое – аргумент должен подтверждать или опровергать выдвинутый тезис, – то второе касается соответствия способа получения аргумента принятым юридическим нормам и порождено именно внутренней логикой права, которая предполагает соответствие всех юридических действий специальным нормам их регулирующим. Такого рода «внутренние правила» могут быть в любой области мышления. Их нетривиальное обобщение, быть может, станет в будущем элементом общей логики.

Обе указанные ветви юридической логики не действуют изолированно друг от друга. Особенно заметной их взаимосвязь становится при более детальном изучении процессов реального функционирования права. Например, принцип презумпции невиновности можно истолковать как частный случай применения закона достаточного основания. Вместе с тем, этот принцип имеет в юриспруденции более широкий смысл, поскольку он подчинен принципу формального равенства и еще более фундаментальному принципу права – принципу справедливости. Человек, которого обвиняют в преступлении, получает с помощью принципа презумпции невиновности некоторое преимущество, восстанавливающее равновесие

сторон в судебной коммуникации: отчасти нейтрализуется тот перевес в активности, наступательности, который получила обвиняющая сторона, говорящая в суде первой. Как видим, логическая и юридическая составляющие указанного принципа взаимно дополняют друг друга и гармонично сосуществуют в коммуникации сторон, усиливая и поддерживая друг друга. Этот пример можно считать иллюстрацией сути юридической логики: общие эталоны и правила логики модифицируются в юриспруденции в процессе своего применения, а внутренняя (креативная) логика права действует лишь при согласованности с общей логикой – без этого она не может быть понята и принята в тех разнообразных коммуникативных ситуациях, из которых состоит вся «жизнь права».

Весьма важным моментом является включенность логики в контекст современной научной коммуникации и, соответственно, включенность юриспруденции в правосознание общества, пронизывающее собою все реальные правовые отношения.

Сам проект под названием «юридическая логика» возник не случайно на рубеже XX и XXI столетий. Это, по сути, острая реакция на деформацию отношений логики и юриспруденции, а вернее – на их фактическую изолированность во внутринаучной коммуникации первой половины XX века. Была нарушена многовековая традиция их сотрудничества. Почему это произошло? Ответ следует искать в особенностях исторического пути и логики, и юриспруденции, в особенностях разных отрезков этого пути, создающих разные условия и возможности для их взаимодействия.

Наиболее гармоничными отношения логики и юриспруденции были на стадии их формирования, на самых ранних отрезках их истории. Известно, что сфера права была одним из ведущих источников формирования логического знания как своего рода «протологики»¹. Сама идея доказательства зародилась в судебной практике задолго до появления логики как науки, до появления понятия доказательства как центральной категории логики. В ранних формах правосознания обозначались прообразы будущих законов тождества, не-

¹ Вступ до сучасної юридичної логіки / за ред. М.І. Панова та В.Д. Титова. – Х. : Ксилон, 2001. – 198 с.; Титов В.Д. Логическое знание в его социально-исторической детерминации. Моногр. – Х. : Регион-информ, 2004. – 260 с.

противоречивости и исключенного третьего¹. Термин «суждение» обязан своим появлением также судебной практике². С другой стороны, со времен римского права логика стала обязательным инструментом при формулировании и понимании любого юридического текста. Логика стала обязательным предметом профессиональной подготовки будущих юристов. При заметных элементах иронического отношения практичных римлян к греческому теоретическому стилю мышления, римское право, тем не менее, включило в себя все наиболее ценные результаты, достигнутые к тому времени в логике и Аристотелем, и стоиками, а потому оно до сих пор остается образцом рациональности для правовых систем, задающим стандарты ясности, отчетливости формулировок, последовательности изложения норм и ситуаций, в которых они применяются, обоснованности юридических решений. Римское право в этом смысле – образец воплощения практической логики, задающей эталоны рациональности профессионального мышления юристов.

Средние века были весьма неоднородными и неоднозначными по отношению и к логике, и к юриспруденции. Господство религиозного мировоззрения накладывало сильный отпечаток на их развитие; но само это развитие не прекращалось, нередко скрываясь за жанром комментариев. Этьен Жильсон отмечает, что в XIII веке («Золотом веке» средневековья) логика и правоведение становятся модными и относятся к полезным знаниям наряду с медициной. При этом единство права и логики не подвергалось сомнению; один из средневековых авторов утверждал, что «из-за недостатка образованности в области человеческого права происходит злоупотребление и в логике», «если бы не злоупотребляли правоведением, то не злоупотребляли бы и логикой»³. Иными словами, логика считалась обязательным инструментом в работе юристов, а правовая культура выступала в роли своего рода хранительницы культуры логической. Если нарушалась одна, то вместе с ней страдала и другая.

¹ Вступ до сучасної юридичної логіки / за ред. М.І. Панова та В.Д. Титова. – Х. : Ксилон, 2001. – 198 с. – С. 9.

² Там же. – С. 19.

³ Этьен Жильсон. Философия в средние века. Пер. с фр. 2-е изд. – М. : Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с. – С. 308-309, 637.

Новое и Новейшее время сопровождались осознанием необходимости перемен и в логике, и в юриспруденции, соответствующих потребностям научно-технического прогресса. Одной из знаковых фигур XVII века стал в этом плане Г. Лейбниц – доктор права, первоначальная деятельность которого была связана с анализом проблематичных случаев из юридической практики, с теорией точных юридических определений; затем Лейбниц участвовал в практической работе по реформе законодательства¹. Осознание важности разработки надежных механизмов разрешения спорных, конфликтных ситуаций приводит Лейбница к идее универсального метода логики, который состоит в построении точного формализованного языка и в придании самому процессу рассуждения четкой структуры, похожей на структуру математических исчислений. Знаки формализованного языка, по Лейбницу, должны были служить не только для передачи мысли, но и для облегчения самого процесса мышления. Причину неудач схоластической логики, в том числе и ее применения в юриспруденции, Лейбниц видит в «отсутствии строгого и точного языка, продуманной системы формализации»².

В центре внимания Лейбница постепенно оказывается не взаимодействие логики и юриспруденции, а взаимодействие логики и математики. Лейбниц стремится математизировать логику и логизировать математику. Он внес заметный вклад в развитие математики, но осуществить до конца замысел создания символической логики не сумел.

Важно отметить, вслед за С.Г. Секундантом, что Лейбниц понимал логику «в соответствии с духом той эпохи, в которой жил, – достаточно широко, как общеметодологическую дисциплину», руководствуясь при этом «предписанием» П. Рамуса – искать логику в частных научных дисциплинах»³. Лейбниц считал, что логика – «искусство правильно рассуждать». Более того, «искусство мыс-

¹ Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. – М. : Наука, 1967. – 508 с. – С. 208.

² Там же. – С. 217.

³ Секундант С.Г. Логика и метафизика у Лейбница // С.Г. Секундант. Критика та метод. Ідея критичного методу в німецькій філософії 17-18 ст. Ст.1. – Київ : Дух і літера, 2012. – XXVII. – 365 с. – С. 188.

лить», по Лейбницу, – это искусство открытия того, что скрыто, и оценки того, что дано»¹.

С помощью новой, символической логики Лейбниц мечтал облегчить труд юристов, историков и других специалистов, предоставив им в распоряжение надежный способ «посчитать с карандашом в руках», кто прав, где истина, как следует поступить и т.д. Идеи Лейбница намного опередили то время, в котором он жил.

По иронии судьбы, осуществление (точнее: переоткрытие его идеи) о создании символической логики как широко понимаемой методологической дисциплины привело на рубеже XIX и XX веков если не к полной изоляции развития логики и юриспруденции, то к весьма одностороннему и узкому пониманию их взаимоотношений, к фактическому прекращению процесса их взаимообогащения. Такой трансформации замысла Лейбница во многом способствовало различие мировоззренческих оснований логики и права в XVII веке и в начале XX века: XVII-й век находится во власти возрожденческих идей и закладывает фундамент для века Просвещения; а начало XX века характеризуется распространением влияния позитивизма и на логику, и на юриспруденцию, изоляцией их от философии, от общих культурных контекстов и, тем самым, друг от друга. К тому же, в самом развитии науки от идеи ее целостности у таких мыслителей как Ф. Бэкон и Г. Лейбниц постепенно совершается переход к все более углубляющейся идее дифференциации наук.

В начале XX века в логике происходят коренные изменения, которые до сих пор не получили достаточно адекватного и полного философского осмысления, но, тем не менее, привели к заметному изменению профессионального самосознания и логиков, и юристов.

На рубеже XIX и XX столетий в логику были внедрены математические методы, возникла особая ветвь логики – математическая логика, которая сосредоточила свои усилия на создании формализованных моделей дедуктивных выводов, весьма актуальных для решения целого ряда проблем математики того времени. В отличие от проекта Лейбница, имеющего общегуманитарную направленность,

¹ Секундант С.Г. Эпистемология Лейбница в ее нормативно-критических основаниях. – О.: «Печатный дом», 2013. – 556 с. – С. 109.

проект символической логики XX века многими понимался как проект метаматематики. Даже если новая логика трактовалась шире – как продолжение развития общей логики, то делалось это весьма своеобразно. Поскольку точные формализованные языки логики оказались эффективными не только для решения проблем математики, но и – в силу универсальности самой математики – для уточнения понятий выводимости, доказательства в науке вообще, а успехи, достигнутые в этом направлении, были весьма впечатляющими, – то появилась и стала господствующей тенденция ограничить предмет логики как науки формализованными моделями дедуктивного доказательства, построенными в математической логике. Этому во многом способствовали применения математической логики в прикладных, технических областях, что, в конечном счете, привело человечество в эпоху компьютера. «Обратная сторона медали» состояла в том, что все, что нельзя было выразить в формализованных языках математической логики, что не имело непосредственного отношения к моделям дедуктивного вывода – молчаливо было выведено за пределы логики вообще. До-математическая логика стала называться «старой», «традиционной» и оценивалась в категориях «до-логического», «вне-логического», «содержательного», «неформального» знания, считалась своего рода недоразвитой «пред-логикой». Вопрос об отношениях логики с другими науками перестал обсуждаться, поскольку сама по себе универсальность формализованных моделей доказательства не вызывала никаких сомнений, а потому дело обстояло так, что остальным наукам следовало лишь *применять* эти модели, их категориальные элементы везде, где речь идет о доказательстве, выводе, обосновании.

Возникает парадоксальная ситуация в отношениях логики и юриспруденции. Юристы не считали «не-логикой» учение об основных законах логики, о понятии, о недедуктивных умозаклучениях – индукции, аналогии и др. на том простом основании, что все это хорошо работает в юриспруденции. Все это не входит теперь в «современную логику»? Значит, есть другая логика – та, что отражает практическое мышление юристов, протекающее на естественном языке – на том языке, на котором написаны нормы права, на котором зафиксированы правовые прецеденты, на котором осуществляется

правосудие. Отметим, что в среде самих юристов протест против необоснованного сужения предмета логики нередко проявлялся не столько как «защита» традиционной логики, сколько как весьма сдержанное отношение к современной логике и даже к логике как таковой. Это вполне объяснимо: «традиционная» логика со времен Римского права уже была внедрена в сознание юристов не только через образование, но и через юридическую практику, весьма рационально организованную. Логика давно стала частью права, даже, быть может, тривиальной частью. А «новая логика», занимающаяся цепочками формул, представляющих модели дедукции, разработанные для идеальных миров математики, переставала восприниматься как наука о мышлении и казалась многим бесконечно далекой от практики мышления в юриспруденции.

Протест против априоризма математической логики, против абстрактности чистого логицизма, против сугубо «технической» трактовки логики проявился, с одной стороны, в высказываниях юристов, подобных следующим: «Право вообще не имеет демонстративной достоверности математики, и к его достоинствам не относится стандарт, как в естественных науках» (К. Лэнгделл); «Жизнь права не была логикой: ею был опыт» (О. Холмс)¹. А с другой стороны, этот протест проявился в возникновении разных вариантов «практических», «содержательных», «неформальных» логик, а также в формировании современных теорий аргументации, например, «неориторики». К этой же серии «протестных» движений можно отнести и идею современной юридической логики. Ради справедливости следует сказать, что не имеют отношения к «протестным» вариантам те учебники с названием «юридическая логика», которые сводят предмет этой области знания только к простому *приложению* общей логики в сфере права. В этом случае особой необходимости в юридической логике как области знания «на стыке» логики и юриспруденции не ощущается. Многие области освоения мира взаимодействуют между собой, но далеко не всегда «пограничная территория», реализующая это взаимодействие, может быть признана предметом самостоятельной научной дисциплины.

¹ Цит. по: Титов В.Д. Юридическая логика в США. – Харьков : Ксилон, 2007. – 250 с. – С. 40, 44.

Насколько правомерно выделение особой областью знания, называемой «юридической логикой»? В ответах на этот вопрос единства взглядов пока нет: одни исследователи уверены в существовании относительно самостоятельной дисциплины «на границе» логики и юриспруденции, а другие столь же уверенно отрицают какое-либо право юридической логики на существование. Часто в споре более убедительными выглядят противники признания юридической логики, а не ее сторонники. Это происходит потому, что последние в качестве ключевого аргумента приводят утверждение о важности и о специфичности применения логики в праве. Но это утверждение не оспаривается и противниками юридической логики. Необходимость применения логики во всех сферах познания и практики, учета специфики этих сфер признается всеми участниками спора. Но этот аргумент не достаточен в данном случае. Эпитет «юридическая» может быть оправдан только при каких-то более сильных аргументах, раскрывающих весомый вклад юриспруденции в развитие логики. Но таких аргументов многие авторы книг под названием «Юридическая логика» не приводят, ограничиваясь приведением «юридических» примеров, иллюстраций и т.п.

К немногим исключениям можно отнести работу авторского коллектива во главе с проф. В.Д. Титовым, где выделено три направления исследований в юридической логике: прикладная логика, логика права и логика правосознания¹. Авторы обращают внимание на то, что первое направление о себе заявило достаточно отчетливо; второе и третье лишь зарождаются, но имеют огромные перспективы, поскольку важны для будущего развития всей системы права. Суверенная Украина остро нуждается в реформировании правоохранительной системы, что невозможно без серьезных теоретических и философско-правовых исследований. Так А.А. Козловский считает, что «логическая природа права порождает правовую логику как свой метод самораскрытия и самореализации, ... логика завершает любую систему права», хотя «чисто формального права не существует»².

¹ Вступ до сучасної юридичної логіки / за ред. М.І. Панова та В.Д. Титова. – Х. : Ксилон, 2001. – 198 с.

² Козловський А.А. Гносеологічні принципи права // Проблеми філософії права. Том III. (№ 1-2). – Київ – Чернівці : Рута, 2005. – С. 32-44. – С. 41.

Отсюда вытекает необходимость изучать юридическую логику – логику права – как часть философии права. А.В. Тягло видит вклад юридической логики в развитие права, в основном, в реализации концепции критического мышления, через разработку инструментария критики реальных форм и методов юридического мышления¹.

Позиция, которая отстаивается в данной работе, состоит как раз в том, что юридическая логика – актуальный и вполне осуществимый проект, реализация которого весьма полезна и для логики, и для юриспруденции. Два направления исследования, о которых было сказано выше, – прикладная логика и креативная логика права не противоречат тому структурированию юридической логики, которое произведено В.Д. Титовым и его соавторами. Третье направление, выделяемое ими, вполне может быть отнесено к особому уровню второго направления – к логике права в ее широком понимании, поскольку логика права без контекста правосознания, то есть без учета способов принятия или непринятия, «способов употребления» норм в культуре данного общества постигнута быть не может.

Продолжая ход мыслей В.Д. Титова, можно предположить, что процессы логогенеза, происходившие в судебной практике древнего мира, не закончились вместе с возникновением логики как самостоятельной науки. Логическое знание развивается, уточняется, систематизируется и пополняется не только в результате внутривидового творчества; существуют креативные процессы в различных сферах человеческого мышления, результаты которых фиксируются, осмысливаются в научной коммуникации и могут представлять интерес для логики как науки. Убедительным примером успешной «подпитки» логики за счет анализа мыслительных схем, выработанных в естественных науках, является, на мой взгляд, создание интересного варианта теории выводов по аналогии А.И. Уемовым².

Вклад современной юриспруденции в развитие логики может стать фундаментальным. Он может быть осуществлен в разных направлениях, но главными среди них являются: уточнение предмета

¹ Тягло О.В. Критичне мислення. – Х. : Основа, 2008. – 189 с.; См. также: Бандурка О.М., Тягло О.В. Юридична логіка. – Х. : Золота миля, 2011. – 224 с.

² См. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. – М. : 1970; Его же: Логические основы метода моделирования. – М., 1971.

и метода логики как науки; расширение знаний о формах и методах представления информации, ее переработки и использования, и, что самое важное, – расширение и углубление логических знаний о доказательстве как виде обоснования, его структуре и видах, о правилах принятия решений.

Формирование юридической логики должно, на наш взгляд, поддержать статус юриспруденции в жизни современного общества – статус образцовой сферы действия тех стандартов рациональности, без которых невозможно решение многих жизненно важных проблем, касающихся самосохранения, выживания человечества и Человека в собственном смысле этого слова.

Главная цель права – не обеспечение господства государства над обществом, общества над личностью или одних личностей над другими; главная цель права – гармонизация всех тех отношений в обществе, которые связаны с соотношением прав и обязанностей, закрепленных и принятых в данном обществе в качестве справедливых, правильных. Без сознательного принятия гражданами определенных стандартов справедливости, закрепленных в праве в виде понятий, утверждений, норм, принципов, целей-ценностей, эталонов вывода и обоснования, – самосохранение и развитие общества, отдельной личности невозможны.

Вот почему взаимодействие логики и права, логики и юриспруденции как важнейших составляющих жизни современного человека актуально как никогда.

Подводя итог обсуждению вопроса о предмете юридической логики, перечислим те составляющие этого предмета, которые станут – в разной степени – предметом дальнейшего обсуждения в предлагаемом ниже варианте основ юридической логики:

- понятие формы, формализации в логике и праве; метод формализации и его варианты;
- логические формы представления юридически значимой информации;
- логические формы переработки, развития юридически важного знания, в том числе логические формы вывода, обоснования знания и действия в юриспруденции; юридическое доказывание;

- анализ соотношения дескриптивной информации и прескрипций, перформативов в процессе принятия юридических решений;
- принципы логики и принципы права, их связь с мировоззренческими, философскими принципами, с концептами культуры;
- идея множественности логик и проблема системности права.

Как видим, предмет юридической логики включает в себя многие ракурсы исследования мышления, которые были обозначены в истории развития логики как науки, и которые в то же время являются важными составляющими профессионального мышления юристов. Доказательство, обоснование находятся в центре внимания юридической логики, но не исчерпывают ее предметной области. Вместе с тем, нашей дальнейшей целью является обоснование тезиса о том, что именно юриспруденция может помочь обогатить учение современной логике о доказательстве, о его структуре, видах и правилах.

Вопросы для обсуждения к разделу 1.1.

1. Является ли сама идея юридической логики случайной или она имеет основания в истории развития как логики, так и юриспруденции?

2. Насколько правомерна аналогия между математической логикой и юридической логикой как науками

– с точки зрения их задач;

– с точки зрения «миграции» и взаимодействия методов;

– с точки зрения дальнейших перспектив развития?

3. Насколько удачен термин «юридическая логика» для обозначения области теоретических и практических знаний «на границе» логики и юриспруденции?

4. Если отказаться от идеи юридической логики, то следует ли отсюда признание неважности, неактуальности, перечисленных выше проблем как возможного предмета рассмотрения юридической логики? Если нет, то какие науки могут их решать?

1.2. Понятие формы, формализации в юриспруденции и в логике. Метод формализации как основной метод юридической логики

Любая юридически значимая информация выражается в языке – либо естественном, либо искусственном. Правовые отношения всегда вплетены в систему иных отношений между людьми, в живые процессы общения, предполагающие определенный уровень взаимопонимания субъектов этих отношений, а потому исторически так сложилось, что главную роль в «живом праве» играют естественные языки, а искусственным отводится вспомогательная роль.

Исторически и логически первым уровнем формализации права можно считать его репрезентацию в естественном языке – его закрепление в письменных текстах. Греки весьма высоко ценили неписаное право как воплощение божественной, высшей справедливости; неписаное право, по Аристотелю, не может быть использовано ни одним тираном ради собственной выгоды. Римляне, в целом усвоив эту традицию, тем не менее, на практике отдавали предпочтение закону писаному. Римское *lex*, в отличие от *jus* было сугубо человеческим законом, имеющим форму текста, выбитого в камне или бронзе, а позднее – воплощенным в императоре как носителе права. Для римлян *lex* – это прежде всего Закон XII таблиц в редакции V века до н.э., а затем – «то, что записано в груди», «записано в сердце»¹, то, что предполагает свободный выбор, а не принудительное разделение, подчинение².

Таким образом, первое близкое по смыслу к современному употребление идеи формы и формализации в юриспруденции было связано с фиксацией норм права в письменной речи – в тексте, в общепринятой символике, что и явилось фундаментальным опытом формализации права. «Формализованность» здесь означает *закрепленность*, *однозначность* для понимания и применения, а также официальную *принятость* текста в качестве закона, нормы.

Этот смысл сохраняется в повседневном употреблении и сегодня. Например, он присутствует в сообщениях вида: «Принципиальное

¹ Lex / jus // Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Пер. с др. Том другий. – К.: Дух і літера, 2011. – 488 с. – С. 261.

² Там же. – С. 258.

согласие сторон достигнуто; остается его формализовать, то есть подготовить и подписать тексты соответствующих официальных документов».

В самом широком понимании позитивное право можно считать формализацией естественного права. Форма при этом – языковая, текстовая репрезентация естественного права; обязательными признаками этой репрезентации являются *большая определенность*, однозначность, *большая ясность и простота* понимания и применения, *официальный статус*. Это лишь один из исторических уровней формализованности права, связанный с его символическим выражением в естественном языке. Сами символические формы, воплощенные в естественном языке, проходят сложный путь развития, преобразования. Э. Кассирер обращает на это внимание в своей «Философии символических форм»; начальный период генезиса естественного языка он связывает с мифологическим сознанием, а развитый, зрелый период – с появлением теоретического мышления. Этапы формирования естественного языка Кассирер связывает с этапами освоения человеческим Духом мира как единства устойчивого и изменчивого. Это единство всегда противоречиво. Языковая картина мира должна соответствовать этому миру, быть тождественной ему; но всякое тождество предполагает различия; всякое равенство есть не что иное как частный случай различия. Слова естественного языка, с одной стороны, фиксируют *постоянное*, моменты *стабильности мира*, а с другой стороны – не могут иметь раз и навсегда заданных значений и не охватывают всего целого. Мудрость языка состоит в том, что он лишь намечает опорные точки возможных смыслов, задает направленность их изменчивости. По Кассиреру, язык подчиняется Духу, проявлением которого он выступает¹. Языковая форма живет и меняется вместе с «работой духа», обнаруживая «единую связь, проходящую начиная от экспрессивности восприятий и репрезентативного характера представлений ... вплоть до общих истолкований смысла в языке и теоретическом познании»².

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. – М.; СПб: Университетская книга, 2002. – 398 с. – С. 13-22.

² Там же. – С. 41.

Формирование понятий разной степени общности – следующий этап развития, усложнения языка как способа структурирования смыслов. Понятие – это форма организации значения слова, состоящая в том, что коммуникантами фиксируется такая часть *признаков объекта*, которая может представлять, замещать этот объект как целое; такой тип формализации – когда часть представляет, замещает целое, – увеличивает смысловую емкость слова как единицы языка и повышает обобщенность и эффективность мыслительной деятельности.

Но естественный язык как форма представления сферы человеческого сознания развивается не только за счет повышения разнообразия и смысловой емкости своих элементов, но и в направлении совершенствования своей структуры как целого, за счет появления разнообразия и на этом уровне.

Появляются качественно разные подсистемы естественного языка, обладающие рядом характеристик, присущих языку в целом, – лингвисты называют их подъязыками. Язык юриспруденции – один из таких подъязыков. С формированием этого подъязыка связано появление нового уровня формализации права, – его репрезентации на специализированном языке юриспруденции, включающем в себя много новых элементов. Появляется и новая область исследований в теории права, которая должна анализировать язык права в соответствии со всеми научными стандартами, в частности, со стандартами *семиотики* как науки о языках, их структуре и функционировании в коммуникации, а также с более общими стандартами *коммуникативной философии, теории коммуникации, философии языка*.

Семиотические стандарты, в частности, требуют различения и последующего соотнесения в юридическом языке трех аспектов любого развитого языка – синтаксиса, семантики и прагматики. Синтаксис языка – это совокупность допустимых в нем отношений между знаками и их сочетаниями; семантика – это принятые носителями языка отношения между знаками и их значениями; прагматика фиксирует взаимосвязь синтаксиса и семантики языка, с одной стороны, и субъектов коммуникации – с другой (здесь имеется в виду соотнесенность выбора семантики и синтаксиса текстов с целями, задачами коммуникантов, с их поведением в широком понимании).

К числу семиотических стандартов относится также выделение двух подсистем функционирования языка: подсистемы адресанта и подсистемы адресата. Без учета их реального взаимодействия в процессе общения невозможно адекватное постижение смысла употребляемых языковых конструкций.

Обязательным семиотическим правилом успешной языковой коммуникации является также учет *способов употребления* языковых знаков и их сочетаний; особенно это касается специализированных языков. Специализированные языки могут быть как подъязыками естественного языка, так и искусственными языками. Искусственные языки всегда связаны с естественными языками, на базе которых они возникли. И часто специфика специализированного языка состоит именно в особом способе употребления слов естественного языка, который превращает их в специализированные термины или в знаки таких терминов в искусственном языке.

Стандарты, выработанные в коммуникативной философии, ориентированы на рассмотрение естественного языка как своего рода «посредника» коммуникативных взаимодействий, как условия и инструмента достижения коммуникативной рациональности. Главной функцией языка выступает здесь не репрезентация действительности, не описание, а участие во взаимодействии людей. От семантики и синтаксиса языка центр внимания исследователей перемещается здесь на прагматику. Не случайно взгляды Юргена Хабермаса, одного из основателей коммуникативной философии, получили название «универсальной прагматики»¹. Цель универсальной прагматики – добиться не только взаимопонимания, но и консенсуса, гармонизации, согласованности взглядов и действий коммуникантов. Хабермас делает центром рассмотрения *коммуникативное действие*, различая при этом три вида коммуникативного действия: *констативное*, в котором излагается и оценивается с точки зрения истинности информация; *регулируемое нормами* действие, для которого главное – нормативная правильность; *драматургическое* действие, воплощающее экспрессивный образ коммуниканта,

¹ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с. – С. 95.

его субъективность как саморепрезентацию¹. Например, коммуникант, участвуя в судебном споре, может в своей речи влиять на других коммуникантов с помощью изложения *фактов* (констатив, семантика); с помощью *связи фактов, образов* (констатив, синтаксис); с помощью ссылки на *нормы* и демонстрации правильности (или неправильности) своих или чьих-то действий (регулятив, в т.ч. норматив); с помощью *оценки* в виде экспрессивной окраски: уверенности или сомнения, неуверенности, согласия или протеста, положительного или отрицательного отношения, спокойного или возбужденного состояния и т.д. (экспрессив или драматургическое действие). В юриспруденции экспрессивная составляющая обобщается в понятии *чувства справедливости* участников коммуникации. Если, скажем, Г. Кельзен отрицал какое-либо значение этого чувства в жизни права, считая безусловной принудительную силу правовых норм, то в истории европейского права известны и другие случаи, когда для достижения реальной справедливости создавали специальные инстанции (суд претора в Риме, суд лорда-канцлера в Англии), где решение принималось по совести и по справедливости². Такое «право справедливости» обеспечивает полноту понимания права, предполагающую выход за пределы стандартного узкого трактования символической формы правовых норм. Язык права – не только средство передачи юридически важной информации, это и средство выражения духа права во всем богатстве его граней. Вот почему современное более сложное представление о языке, намного более сложное, чем 100 и даже 50 лет назад, нельзя не учитывать при изучении процессов формализации права.

Юридически значимая информация *формализуется* (проясняется) в процессе коммуникации с помощью различения, особого выделения разнообразных элементов знания и действия, представленных в языке, в речи – устной или письменной – через призму многих аспектов, в том числе перечисленных выше: синтаксис, семантика, прагматика, подсистемы адресанта и адресата, способ употребле-

¹ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с. – С. 83.

² Дудченко В.В. Традиція правового розвитку: плюралізм правових вчень. Монографія. – О. : «Юридична література», 2006. – 304 с. – С. 86-87.

ния, функции в коммуникативном действии (констатив, регулятив, экспрессив).

Все эти аспекты формализации присутствуют в двух главных видах формализации правовой информации в естественном языке.

Первый вид формализации связан с построением формы как образа объекта, ситуации, события и т.д. Здесь действует матрица: часть признаков объекта (ситуации) репрезентирует объект как целое. Успех этого вида формализации зависит от того, насколько существенны признаки, выбранные в качестве опорных, насколько достаточен перечень этих признаков для идентификации, узнавания или построения объекта. Типичный пример такой формализации – выбор юридического термина для обозначения какого-то объекта, поступка, ситуации; формирование юридического понятия; формулировка предложения, описывающего ситуацию, в частности, формулировка суждения.

Второй вид формализации состоит в выделении *правил* действия, эталонов поведения. Правила формализуют действия; если нет правил, то данный вид действий не формализован. Приведем для иллюстрации пример из книги В.Н. Брюшинкина¹. Поведение называется формальным (правильным), если оно осуществляется в соответствии с заранее заданными правилами. Поведение называется антиформальным (неправильным), если действия не соответствуют правилам, регулирующим их. Поведение называется неформальным, если оно происходит в ситуациях, для которых не установлены правила, – и которые можно назвать неформализованными. Если человек стоит перед красным сигналом светофора, а машин нигде до линии горизонта нет, то для пешехода может возникнуть конфликт возможностей: поведения по правилам и поведения по интересам. Если человек стоит, он поступает правильно (по правилам); если человек переходит улицу на красный сигнал светофора, то он нарушает правило и его поведение неправильно, антиформально. Если человек находится на перекрестке сельских дорог, который не регулируется дорожными знаками, там все равно действуют некоторые

¹ Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с. – С. 9-10.

общие правила дорожного движения и ситуация примерно такая же, как в случае со светофором. Но если человек ходит там, где нет дорог, то его перемещение не регулируется правилами дорожного движения, и в этом случае его поведение может быть названо неформализованным, неформальным.

Нормы права – это тоже правила, формализующие нашу жизнь. Право – область формального поведения. И здесь мы также сталкиваемся с возможностью конфликта, подобного тому, что описан выше. Поведение и здесь может быть правильным (законным) или неправильным (незаконным), а может быть неформальным – если правила отсутствуют или неизвестны. Цивилизованное общество всегда стремится быть правовым, а значит, соответствовать принципу поведения: «Если нельзя, но очень хочется или очень надо, то все равно нельзя»¹. Уважение к правилу как принятой обществом форме поведения – само по себе ценность, т.к. способствует самосохранению общества.

Различие между формой-образом, структурирующим информацию, и формой-правилом, структурирующим поведение, не означает, что между ними нет тесной взаимосвязи. Это подчеркивает Ю. Хабермас, когда он, различая стратегическое действие, состоящее в передаче информации, и коммуникативное действие, предполагающее согласованность поведения участников, подчеркивает, что именно коммуникативное действие является универсальным элементом человеческого взаимодействия, ибо всякое стратегическое действие предполагает для своего осуществления задачу взаимопонимания².

Все, что сказано современной наукой о процессах формализации мышления с помощью *естественного языка*, в полной мере относится к области права, поскольку, как мы уже отмечали, все функционирование права осуществляется с помощью естественного языка или его специализированных подъязыков. Специализированный подъязык подчиняется всем требованиям, предъявляемым к естественному языку, а его специфика связана с особой прагматикой, которая, в свою очередь, влияет на выбор единиц языка, на выбор

¹ Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с. – С. 11.

² См. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с. – С. 181-182.

семантик языковых выражений, на выбор вариантов синтаксиса текстов, на соотнесение констативной, нормативной и экспрессивной составляющих. Общее требование к языковой форме правовой информации состоит в требовании а) максимальной *определенности* выражения информации и формулировки правил; б) *истинности* для «формы-образа», для сообщения информации, в) *правильности* для «формы-правила», для действий и г) *приемлемости* для формы в целом, относительно данного вида коммуникации.

Теперь обратимся к процессам формализации в логике.

Первые логические системы были примером формализации мышления средствами естественного языка. В естественном языке выделялись те элементы, которые обозначали *способ связи* между элементами мысли, и именно эти выделенные языковые элементы, иногда с помощью приданных им специальных знаков, стали обозначением первых логических констант, которые фиксировали устойчивую *связь элементов мысли*, то есть ее форму, выраженную в языке.

В логике Аристотеля исходным видом формализации является фиксирование *связи* между элементами простого суждения (терминами), выраженной с помощью слов: «Нечто сказывается обо всех», «Нечто присуще всем» или «Нечто сказывается о некоторых», «Нечто присуще некоторым». Соответственно, для отрицательных высказываний: «Нечто не присуще ни одному», «Нечто не присуще некоторым», «Нечто не сказывается ни об одном», «Нечто не сказывается о некоторых». «Сказываться» может слово, мысль о чем-то, а «присущим» может быть признак какому-то предмету. Онтологический, гносеологический, логический и языковой аспекты простых суждений четко пока еще не различались; их единство, согласованность друг с другом у Аристотеля молчаливо подразумевались. «Термином» Аристотель называет слово, словосочетание, которое может обозначать и то, что сказывается, и то, о чем, нечто сказывается. Отсюда его формулировка, касающаяся силлогизма: «Если же одно и то же одному всему присуще, а другому вовсе не присуще или и тому, и другому всему присуще или вовсе не присуще, то такую фигуру я называю второй...»¹.

¹ Аристотель. Первая аналитика // Аристотель. Соч. в 4-х т., т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 117 (126). – 25 ч.

Аристотель определенно выделяет силлогизм как вид умозаключения, очерчивает полно и отчетливо все варианты (модусы) силлогизма, а также формулирует правила, по которым правильные (научные, доказательные) силлогизмы можно отличить от неправильных (ненаучных, недоказательных).

Перед нами вполне законченный вариант теории силлогизма, сегодня его можно назвать формализованной моделью некоторого вида дедуктивных выводов. С той оговоркой, что формализация осуществлена с помощью особого способа употребления фиксированных элементов естественного языка. Логика опирается здесь на ту формализацию мысли, которую уже произвел естественный язык, и обозначает логически значимые *отношения* особыми средствами.

Другой вариант логики, также опирающийся на исследование логически значимых компонентов языка, построили стоики. Они изучили логическую роль языковых союзов, соединяющих между собой простые предложения: «если ... то», «и», «или» и т.д.

Аристотель, выделив логические константы, иногда (не систематически) использовал переменные для обозначения терминов («Если А сказывается обо всех М...»). Стоики ввели другие логические константы, и тоже использовали (не систематически) переменные для обозначения высказываний («Если А, то В»).

Для логических констант Аристотеля («все», «некоторые», «присуще», «не присуще»), представляющих доказательство, для оценки необходимости вывода существенно наличие *общего* знания в посылках, важен учет семантики и синтаксиса элементов доказательства (термины, посылки, заключение). В логических константах стоиков («если ... то ...», «или» и др.) на первый план выходит идея *необходимости* вывода, имеющая выражение исключительно в синтаксических языковых связях посылок с заключением¹.

Не случайно именно логика стоиков считается античной предшественницей математической логики XX века. В формализованных моделях доказательства в математической логике также фиксируется в качестве главного синтаксический аспект языка; именно

¹ Маковельский А.О. История логики. – М.: Наука, 1967. – 502 с. – С. 189.

синтаксические связи между высказываниями, обозначенные условными, соединительными и разделительными союзами естественного языка, получили однозначную интерпретацию, которая была зафиксирована с помощью специальных символов (импликации, конъюнкции, дизъюнкции), используемых далее при построении формул. Язык таких формул получил статус единственного языка логики. Логика Аристотеля многими авторами тогда считалась полупормальным, а то и вовсе содержательным учением. Но можно с этим не согласиться и признать силлогистику хорошо построенной формальной системой, если учесть то, что само понятие формы исторически менялось, что при этом ни одно понимание формы не является устаревшим: просто в разное время при решении разных задач более ценными, а потому и более употребимыми оказываются *разные формы*, релевантные ситуациям, контекстам познавательной и практической деятельности людей.

Формы мысли и у стоиков, и у Аристотеля были представлены с помощью *выделенной части естественного языка*. Этот вариант структурирования мысли удовлетворял основным *требованиям метода формализации*: он повышал степень определенности, конструктивности, простоты, последовательности мышления, что, в свою очередь, повышало его эффективность и «степень сознательного контроля за правильностью рассуждения»¹. Именно эти качества: определенность, адекватность, конструктивность, последовательность, прозрачность для сознательного контроля принадлежат *форме* как способу представления информации и как эталону действий с этой информацией в процессе общения людей. Отметим, что оба понимания формы – форма как образ и форма как правило – фактически использовались во всех логических учениях, но с разной степенью эксплицитности, иногда одно из этих пониманий явно принималось, а другое – неявно. Это дало основание некоторым ученым различать логические учения, центрированные на образ, и логические учения, центрированные на правило². Для первых главная оценочная категория – истинность, а для вторых –

¹ Герасимова И.А., Новоселов М.И. Искусство убеждения в традициях логической науки // Мысль и искусство аргументации. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 23.

² Бейкер Г.П., Хакер П.М. Скептицизм, правила и язык. – М.: Канон, 2008. – С. 44.

правильность и эффективность. Современное развитие идеи формы и метода формализации требует многомерности их понимания. Синтаксис, семантика и прагматика должны быть учтены в их единстве и тесной взаимозависимости.

Формализованные модели дедуктивного доказательства в математической логике первой половины XX века были основаны на представлении, что в языках логики, в отличие от естественных языков, прагматики нет. Семантика и синтаксис есть, а прагматики нет, так как по самому замыслу формализованного языка он должен быть свободен от какой-либо субъективности, от внешнего влияния. Однако контекстно-свободные логические языки быстро обнаружили свою недостаточность даже при решении элементарных задач. Усложнение языков логики, состоящее в обогащении семантики и синтаксиса за счет введения ряда прагматических компонентов, в конце концов, приводит к осознанию того, что прагматика *всегда была* в математической логике, но она присутствовала в имплицитной форме, на уровне метаязыка и проявлялась при выборе констант, аксиом, правил, исходных символов и т.д. Сколько бы ни развивались «хорошо формализованные» языки современной логики, они все равно остаются частичным воплощением некоторых фрагментов естественного языка; естественный язык всегда останется для них и «материалом» для развития, и метаязыком. Как повысить точность, определенность, последовательность, обоснованность, конструктивность мышления, и, тем самым, его эффективность, адекватность при решении коренных проблем человеческого бытия – эта задача была и остается главной задачей логики и ее метода – метода формализации. Это в полной мере относится и к юридической логике.

То, что форма мысли может быть выражена с помощью *выделенных* элементов естественного языка, с помощью принятых правил *употребления* этих выражений в процессе рассуждения, это само по себе не дает оснований исключать эту форму из предметной области логики. Логика в процессе ее исторического развития использовала разные уровни формализации, разные варианты представления целого с помощью некоторых его «избранных» человеком элементов. Эти элементы могут быть обозначены любыми символами – и буквами, и цифрами, и рисунками, и чертежами, и словами, и жестами,

и картинками. Главное, чтобы эти символы были *принятыми* всеми коммуникантами и их применение *повышало бы эффективность* познавательной и практической деятельности человека, и в том числе – эффективность процессов гармонизации отношений между людьми, их взаимопонимания при решении глобальных и локальных жизненных проблем.

Теоретическое резюме

Метод формализации – это способ представления некоторого целого через фиксацию его *структуры* с помощью определенных символических средств. Эта структура объекта, закрепленная с помощью символов, и называется его *формой*.

Виды форм и, соответственно, *виды формализации*, различаются в зависимости от характера изучаемого целого (объекта) и от характера используемых символических средств.

Если целое – это *информация, знание* об объекте (предмете, ситуации, процессе, отношении, качестве и т.п.), то в качестве формы выступает символическое обозначение выделенной части объекта (его структуры), наделенное функцией *представлять* объект как целое, создавать образ этого целого. На языке теории систем различают при этом *два вида структур: атрибутивную и релятивную*¹. *В этом случае перед нами форма-образ.*

Если целое – это поведение человека, его деятельность, то формой здесь выступает отношение между действиями, закрепленное в правилах. Тогда перед нами форма-правило.

Если целое – это *отношения между людьми, их коммуникация в общем жизненном пространстве*, то форма коммуникации как целого представлена *правилами*, предназначенными для гармонизации, согласования знаний, пониманий и действий коммуникантов. Эти правила коммуникации направлены на достижение релевантности, когерентности всех видов форм – представляющих и знание, и поведение, а также цели, ценности, внутреннее состояние коммуникантов.

¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М. : Мысль, 1978. – 272 с. – С. 128-129.

В зависимости от характера используемых символических средств различают виды формализации:

- основанные на использовании естественных языков;
- основанные на использовании специальных подязыков естественного языка;
- основанные на использовании искусственных языков;
- основанные на разных вариантах комбинирования естественных и искусственных языков.

Следует отметить, что последний из перечисленных видов формализации является наиболее типичным для современного научного познания, для юриспруденции и логики в их теоретической и практической частях.

Вопросы для обсуждения к разделу 1.2.

1. *Можно ли считать выражение мысли на естественном языке первым, начальным видом ее формализации?*

2. *Является ли естественный язык обязательным метаязыком при создании всех искусственных языков логики?*

3. *Можно ли рассматривать существующие формализованные языки как «особую часть» естественных языков, построенную с помощью упрощения, сокращения, переобозначения, «свертки» последних?*

4. *Насколько эффективна идея о существовании целой иерархии видов формализации?*

5. *Насколько правомерно различать на каждой ступени этой иерархии «форм-образов» и «форм-правил»?*

6. *Насколько приемлемым для Вас является утверждение о том, что эволюция и логики, и юриспруденции происходила в направлении перехода от «формы образа» как основной клеточки мышления к «формам-правилам – регулятивам эффективной деятельности – как главному «звену» мышления?*

7. *Как Вы оцениваете роль тех видов формализации, которые опираются на выделение элементов естественного языка, элементов речевой коммуникации в качестве исходных структур для создания специализированных языков логики и юриспруденции?*

Глава II

ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

2.1. Формы представления информации на уровне слова

С логико-семиотической точки зрения, слово может быть носителем разных форм мысли. Наиболее изученной из них считается понятие. В сочинениях Аристотеля еще не было термина, равнозначного термину «понятие» традиционной логики, но присутствовали его два основных смысла: 1) законченная мысль о предмете или множестве предметов в их существенных признаках и 2) любое смысловое общее значение термина, то есть элемент некоторой законченной мысли. Аристотель понятие в первом значении называет «речью о сущности», «речью о форме», «определением» как знанием сущности, «логосом», а понятие во втором смысле у него – всякое мыслимое содержание («мыслимое», «ноэма»), термин как элемент силлогизма¹. В.Ф. Асмус отмечает, что Аристотель в качестве двух основных методов выяснения достоверного знания выделял *определение* и *доказательство*².

В логике средних веков у реалистов разрабатывался первый из отмеченных выше смыслов термина «понятие», а у номиналистов – преимущественно второй. В логике нового времени осуществлялись попытки объединения разных аспектов понятия как формы мысли. Например, в «Логике Пор-Рояля» (XVII век) понятия обозначались как «идеи», выраженные словом, и делились на общие,

¹ Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. – М. : Изд. соц-экон. лит., 1960. – 316 с. – С. 160-162.

² Асмус В.Ф. История античной философии. – М. : Высшая школа, 1965. – 320 с. – С. 242.

частные и единичные, а определения идей – на реальные и номинальные; большое внимание уделялось вопросу о ясности и разделенности идей в противоположность их неясности и случайности. Избежать путаности мысли, с точки зрения авторов, можно с помощью создания нового языка; для этого можно пользоваться обычными словами, «только нужно сделать так, чтобы они для нас не имели никакого другого значения, кроме желаемого»¹.

Г. Лейбниц, в противоположность Декарту и картезианцам, которые отождествляли «идею» и «восприятие», разграничивает их; для него идея – непосредственный внутренний объект познания². В своих исследованиях для обозначения идей Лейбниц использует слово «термин», а не «имя»: «Я розумію «термін» не як ім'я, а як поняття, або те, що позначене іменем, що можна назвати поняттям або ідеєю». Как видим, «понятие» и «идея» здесь весьма близки; бесспорно то, что они относятся к сфере идеального³. Значения идей и понятий не должны смешиваться с предметами материального мира. Здесь Лейбниц солидарен с Й. Юнгом, который считал большой ошибкой логиков то, что они допускают, что термины логики могут быть не только именами идей и понятий, но и именами вещей⁴. Однако номиналистическая трактовка понятий в логике сохранялась, и предметом логики считались имена единичных вещей и их классов.

У Дж.-Ст. Милля (XIX век), продолжателя номиналистической традиции, понятия анализируются как имена, термины языка, а все определения понятий – с точки зрения Милля, «касаются имен и только имен»⁵.

В математической логике начала XX века понятие как форма мысли, по существу, вообще выпало из поля зрения. Внимание к слову как носителю информации, как форме выражения мысли

¹ Маковельский А.О. История логики. – М.: Наука, 1967. – 504 с. – С. 341.

² Секундант С.Г. Логика и метафизика у Лейбница // Секундант С.Г. Критика та метод. Ідея критичного методу в німецькій філософії 17-18 ст. Ст. 1. – Київ: Дух і літера, 2012. – XXVII. – 365 с. – С. 179.

³ Европейський словник філософій. Том третій. – К.: Дух і літера, 2013. – 328 с. – С. 187.

⁴ Там же. – С. 188.

⁵ Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер.с 10-го англ.изд. под ред. В.Н. Ивановского. – М.: Книжное дело, 1899. – 781 с. – С. 110.

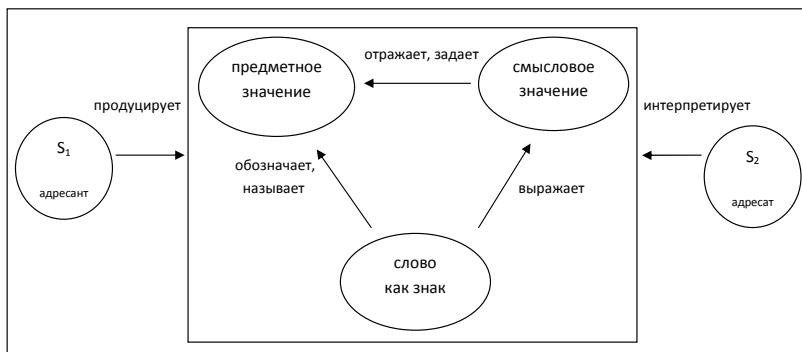
возвращается в конце XX века – во многом благодаря наукам о языке, благодаря прогрессу в философии языка, в философии коммуникации, – и в логику также. Логика стала опираться на семиотические модели языка и семиотический образ слова как его единицы.

В семиотике слово рассматривается не только как элемент простого высказывания или как элемент текста, интертекста, но и как самостоятельная единица языка, которая функционирует и в тексте, и независимо от текста, в словаре и в смысловом поле языка как целого.

2.1.1. Слово с точки зрения семиотики

Для того, чтобы выяснить, какие формы мысли могут выражаться в слове, следует обратиться к механизму функционирования слова в коммуникации, к тем связям, которые формируют значение слова. Самая краткая схема коммуникативной ситуации включает в себя следующие элементы: по меньшей мере двух коммуникантов (S_1 и S_2), само слово и три вида значения слова: предметное, смысловое и прагматическое (см. схему 1).

Схема 1. Семиозис

Предметное значение слова (экстенционал) – это способность слова обозначать, именовать, представлять в коммуникации некоторый предмет (в широком понимании), находящийся вне языка. Следует подчеркнуть, что предметное значение слова охватывает

представленные в воображении предметы любой природы. Смысловым значением (интенционалом) является закрепленный за словом признак или группа признаков (образ), с помощью которого можно найти, узнать, построить этот предмет. Прагматическим значением является функция слова осуществлять связь слова, его предметного и смыслового значений с коммуникантами, с их поведением и намерениями. Прагматическое значение слова реализуется как непосредственное влияние на поведение коммуникантов, вызывающее изменение этого поведения, и как опосредованное влияние целей, задач коммуникантов на выбор слова через выбор его семантики – то есть предметного и смыслового значений, – а также на выбор способа употребления слова через способ продуцирования и способ интерпретации его семантики.

С учетом указанных трех измерений значения слова в семиотике и отчасти в логике различают несколько способов употребления слова и, соответственно, несколько форм мысли, носителем которых может выступать слово. Среди них имя, предикатор, понятие, категория, концепт, идея и др.

Имя – это такой способ употребления слова, при котором в данной ситуации наиболее значимым и эксплицитно выраженным является предметное значение, а смысловое значение присутствует неявно.

Предикатор – это такой способ употребления слова, при котором явно фиксируется смысловое значение, а предметное значение присутствует неявно или является неопределенным.

Иными словами, имя и предикатор – это наиболее простые, сокращенные, «свернутые» формы представления мысли, передающие неполную информацию о действительности, но достаточную (или: возможную) в данной коммуникативной ситуации. Ребенок начинает усваивать язык именно с этих простых форм: он запоминает именование, название предметов и их признаков. Однако с появлением более сложных способов употребления знаков простые не исчезают, они функционируют в определенных коммуникативных и познавательных ситуациях. Например, когда следователь просто составляет перечень предметов, обнаруженных на месте преступления, он употребляет слова как *имена*; если он фиксирует признаки

орудия преступления, еще не зная, что это за орудие, он употребляет *предикаторы*: «что-то тяжелое», «что-то острое», «с характерными признаками ржавчины» и т.п.

Выражать *понятие* как форму мысли слово может тогда, когда оно, во-первых, имеет четко выраженные и предметное, и смысловое значение, а во-вторых, в качестве смыслового значения содержит не любые отличительные признаки, а только *общие и существенные* для данного класса предметов, то есть признаки, по которым можно уверенно выделить предмет среди других предметов в разных ситуациях, а не в какой-либо одной.

Важно пояснить, что значит *общность* и *существенность* признаков, включенных в содержание понятия. *Общность* признаков – это семантическое структурное свойство, которое фиксируется с помощью разных видов абстракции. Есть абстракция *повторяющихся* признаков, то есть присутствующих во всех предметах некоторого множества (*абстракция отождествления свойств*); есть *абстракция через отношение*: предметы объединяются (обобщаются) в один класс не в силу повторения свойств, а в силу включенности в число элементов некоторого отношения, в некоторую целостность. *Существенность* признаков, входящих в содержание понятия, – это прагматическая характеристика, которая касается соотносительности смысла понятия с коммуникантами как субъектами познавательной и практической деятельности.

Например, юридическое понятие преступления помогает выделить преступление среди разнообразных случаев поведения людей: «Преступление – общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом государства под угрозой наказания»¹. Слово «преступление» в разных контекстах может быть и именем (газета: «число преступлений растет»), и предикатором (из беседы: «его поступок – преступление!»), и понятием (прокурор: «есть все признаки состава преступления»). Иными словами, различие между именем, предикатором и понятием функционально; оно зависит от контекста, целей и возможностей человека в данной коммуникативной ситуации, то есть от прагматики этой ситуации.

¹ Юридический научно-практический словарь-справочник (основные термины и понятия) / под общ. ред. Скакун О.Ф. – Х. : Эспада, 2007. – 488 с. – С. 305.

В одних случаях достаточно сокращенных вариантов семантики слова, в других – не достаточно. Без учета прагматики невозможно определить, насколько эффективно представлена мысль в слове, и, в частности, насколько соответствует смысл понятия данной ситуации. А между тем, прагматический уровень функционирования языка стал изучаться сравнительно недавно в семиотике, философии языка, теории коммуникации. В логике пока еще только обсуждается проблема возможности построения логической прагматики.

В семиотике, в философии языка подключение прагматического аспекта к анализу употребления слов позволило расширить круг возможных значений слова за счет выхода в смысловое пространство языка как целого, имеющего свою историю и свои перспективы дальнейшего развития. Образованием понятий не ограничивается процесс модификации слова как носителя информации: сами понятия дифференцируются, меняют статус в сознании носителей языка, структурируются по разным критериям – по степени обобщенности, значимости, по принадлежности к той или иной сфере деятельности, по степени влияния на смысловое поле данного языка и т.д.

Сама идея многообразия значений, выражаемых словом, исследовалась многими авторами. Умберто Эко проследживает формы образования все новых и новых коннотаций (дополнительных значений) для одного и того же слова¹. Если у коммуникантов с одним и тем же словом связаны разные коннотации, то слово как форма, несущая информацию, при обращении может оказаться «пустой»².

Абрам Соломоник, опираясь на результаты современных семиотических исследований, указывает на наличие иерархической связи между такими возможными значениями слов как повседневные (обычные) понятия, научные понятия, концепты и идеи³.

Категория, концепт и идея – это специальные способы употребления понятий, приводящие в результате к образованию новых форм передачи информации на уровне слова.

¹ Эко Умберто. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 544 с. – С. 69-70.

² Там же. – С. 92.

³ Соломоник Абрам. Философия знаковых систем и язык. Изд. 3-е. – М. : ЛКИ, 2011. – 408 с. – С. 277-278.

Категория – это такое понятие, которое имеет большую степень общности, значимости в определенной сфере знания и которое выполняет дополнительную функцию, – функцию связывания, объединения между собой других понятий внутри теории, группы теорий или теоретической и практической сфер научной деятельности.

Как видим, здесь в равной степени присутствуют и дескриптивная, и регулятивная части значения. Давая обобщенный образ действительности (ее элементов, связей, признаков и т.д.), понятие становится категорией только тогда, когда оно участвует в установлении связей между остальными понятиями данной теории, учения или другой системы знания. «Слово», «морфема», «предложение», «синтагма» – примеры категорий лингвистики. «Право», «гражданское право», «закон», «правосудие», «суд», «физическое лицо» – примеры категорий юриспруденции.

Концепт – это форма мысли, имеющая все признаки понятия и категории, но приобретающая в процессе исторического развития языка дополнительные признаки, которые отражают расширение круга ситуаций, контекстов жизненного мира коммуникантов до ценностно окрашенного универсума культуры.

Ю.С. Степанов считает характерными признаками концепта, отличающими его от обычного понятия, во-первых, то, что понятие «определяется», концепт же «переживается». Иными словами, кроме дескриптивного и регулятивного компонентов значения в концепте присутствует *экспрессивный компонент*; а во-вторых, то, что концепт *минимизирует, сокращает* – он всегда минимален и краток как форма выражения сложного смысла¹.

Концепты существуют и в науке, и в искусстве, и в естественных языках объединяя собою всю сферу духовного освоения мира. Концепты как элементы естественных языков являют собой пример устойчивых, существующих в свернутом виде смыслов культуры народа-носителя языка. Они организуют, связывают смысловые поля этой культуры в некоторое единство. Исследуя такие концепты (константы) культуры, Ю.С. Степанов приходит к выводу, что

¹ Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с. – С. 20.

концепт как «общечеловеческое, вненациональное» естественно тяготеет к «научному»; концепт как «национальное» столь же естественно тяготеет к «художественному». Кавычки здесь употреблены, по словам автора, как своего рода «вакцинация» против узкого, буквального понимания соответствующих терминов¹. Основным различием научного и художественного типов мышления, по мнению Ю.С. Степанова, является то, что ученый ищет «повторения с видоизменениями», пытается развить идеи предшественников, соединить концепты в пары или другие связанные сочетания, а художник стремится избежать повторения своих предшественников, найти «неповторимые несоединимые концепты»².

К сказанному о соотношении «общечеловеческого» и «национального» в концептах культуры, концептах отдельных ее сфер (религии, политики, права) в наше кризисное время следует добавить еще один вывод, к которому приходят многие исследователи. Это вывод о росте влияния религии, культурных традиций, включающих элементы мифологии. «Значение политически принимаемых во внимание религий возросло во всем мире»³. Религиозное чувство, уважение к нему вновь включаются в экспрессивный компонент концептов культуры, концептов политики и права. Во всяком случае, проблема взаимодействия уникальных, локальных и универсальных смыслов в концепте – одна из самых интересных и мало изученных проблем в современной философии языка, философии науки и философии права, где такие концепты как «справедливость», «равенство», «свобода», «ответственность» имеют весьма сложный и емкий смысл.

Идея как форма существования и выражения знания не всегда может быть выражена в слове, часто для ее выражения используются высказывания и целые тексты. А. Соломоник считает, что у идеи другой генезис, нежели у понятия и концепта. Идея может рождаться в сознании человека задолго до ее словесного оформле-

¹ Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с. – С. 22.

² Там же. – С. 23.

³ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М.: «Весь Мир», 2011. – 336 с. – С. 111; Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції. Монографія / за ред. Ю.М. Оборотова. – Одеса: Фенікс, 2012. – 492 с. – С. 53-62.

ния – в виде образов, воспоминаний, индивидуальных представлений, ощущений, стремлений и эмоций. Но даже если она появляется под воздействием словесных, понятийных стимулов, она не сводится к ним полностью¹.

Идея – такая единица смысла, закрепленная в слове, которая имеет еще более свернутый характер, чем концепт, и которая неявно предполагает, намечает возможную программу своего развертывания до полного образа, если речь идет о знании, или до полной системы правил, алгоритма, метода, если речь идет о действии. Иными словами, идея – это символ, обозначающий своего рода «сгусток смысла», стимулирующий мыслительную активность человека и подсказывающий некоторое направление развития этой активности. Если концепт – это итог, результат свертывания многих смыслов в один, то идея, напротив, это исходный смысл, потенциально предполагающий развитие в целую систему смыслов. Любая логическая форма *ограничивает число возможностей*, сокращает, или, лучше сказать, уплотняет информационный потенциал и уменьшает меру его неопределенности. Идея может рассматриваться как форма представления информации только в том случае, если она удовлетворяет этому требованию и уменьшает неопределенность информации о мире и о человеческом поведении, о возможных путях решения проблем. Например, идея, появившаяся у следователя в процессе расследования и обозначенная одним термином («скрываемый мотив», «четвертый участник» и т.п.), может «шифровать» появление нового направления следственных действий, заменяющего большое число первоначальных версий одной новой версией.

Современная семиотика и теория коммуникации могли бы присоединить к указанному выше списку фрейм как способ представления и хранения информации, который тоже может быть обозначен *словом* естественного языка.

Фрейм – это существующая в сознании коммуникантов типовая мыслительная схема, которая помогает воспринимать новые массивы информации, расчлняя эти массивы на узнаваемые части; фрейм организует процесс восприятия, помогает установить

¹ Соломоник Абрам. Философия знаковых систем и язык. Изд. 3-е. – М. : ЛКИ, 2011. – 408 с. – С. 278.

известные и неизвестные элементы, «прогнозирует» и направляет действия субъекта коммуникации. Механизм фреймового восприятия информации основан на том, что если коммуниканту известно некоторое отношение, то при обнаружении одного из элементов этого отношения в памяти «всплывают», «достраиваются» и другие элементы – корреляты этого отношения. Кроме термина «фрейм», используются также термины «сценарий», «скрипт» и др. Термин «frame» («рамка») был введен в 1957 г. американским лингвистом Ч. Филлмором, а теорию фреймов разработал М. Минский¹.

Фрейм как форму представления информации можно считать более общей, охватывающей все перечисленные выше формы, но выходящей далеко за их пределы. Например, понятие вполне можно считать частным случаем фрейма. Но фреймовая организация информации весьма типична для представления значимой информации также с помощью метафор, клише, слов, вызывающих определенные ассоциации. Существующие схемы-образцы многих юридических документов (иск, встречный иск, договор, заявление в прокуратуру, в суд и т.д.) – это не просто дань привычному ритуалу, порядку, традиции; это форма организации информации, которая должна обеспечить достаточность, полноту необходимых сведений. Это тоже можно отнести к аналогам фреймов.

2.1.2. Понятие в логике и в юриспруденции

Из всех перечисленных форм представления информации в логике, как уже отмечалось, наиболее изученной считается *понятие*. Основное содержание логического учения о понятии внедрено в опыт юриспруденции. Но учение о понятии отстает от потребностей современных коммуникантов. Какие моменты теории понятия могут разрабатываться в качестве актуальных в юридической логике?

Уже Х. Зигварт на рубеже XIX и XX веков проводил достаточно четкое различие значения слова и понятия: если *значение слова* –

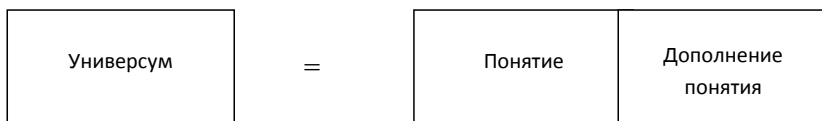
¹ Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания (52-92). Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного (281-309) // Новое в лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.

это естественно стихийно возникшее общее представление, которому свойственны *неопределенность* и *безграничность*, что является следствием «экспансивной тенденции» слова *присоединять* к себе все сходное, то *содержание понятия*, напротив, «придает форму и устойчивость», *определенность*; оно четко *отграничивает, отличает* некоторый круг предметов.

Современный логик В.А. Светлов обращает внимание на два аспекта определенности понятия как формы мысли: 1) свойства, включенные в содержание понятия, необходимы, а все вместе достаточны для нахождения, узнавания некоторого класса вещей; 2) «каждое понятие существует только как часть более общей классификационной системы – классов вещей, обозначаемых понятием, его дополнением и объединяющим их оба универсальным классом, который ... будем называть универсумом». Нельзя уяснить, что такое справедливость, подчеркивает В.А. Светлов, не противопоставляя ее несправедливости в пределах всех возможных отношений между людьми и, следовательно, не зная ни того, ни другого¹. Фрейм такого понимания В.А. Светлов изображает с помощью схемы 2.

Схема 2

Фрейм предметных областей, представленных понятием

Зигварт считает, что «логика завершает то, что начал язык» и естественно возникшие представления преобразуются в «искусственно образованные понятия»². Объем понятия и предметная область значения слова, по Зигварту, также не совпадают. Таким образом, и содержание, и объем понятия целенаправленно формируются, закрепляются в научной или практической коммуникации, для которой точность употребления слов важна. Возникшее понятие созна-

¹ Светлов В.А. Современная логика. – СПб: Питер, 2006. – 400 с. – С. 43-44.

² Зигварт Христоф. Логика. Т.1. – М.: Изд-дом «Территория будущего», 2008. – 463 с. – С. 277-279.

тельно *принимается* научным сообществом, в отличие от значения слова, которое складывается в коммуникации стихийно, и в этом смысле понятие конвенционально; слово, обозначающее понятие, тем самым, становится элементом специализированного подъязыка естественного языка. Если же многозначность слова в естественном языке слишком велика или подходящего слова для данного смысла не нашлось, то научное сообщество внедряет в естественный язык внешние, искусственные для него, специально подобранные символы. Часто в роли таких символов используются слова, взятые из мертвых языков (древнегреческого, латыни), из области искусства («кварки»), из формализованных языков математики и т.п. Тем самым специализированные подъязыки естественного языка, к числу которых относится и язык юриспруденции, приобретают некоторые черты искусственных языков. Однако язык юриспруденции в целом не предполагает полного перехода к искусственным формализованным языкам. Правда, иногда разграничивают искусственный язык юридической науки и естественный язык правовой жизни как разные уровни языка юриспруденции¹. Но с таким разграничением вряд ли стоит согласиться. Если вслед за Зигвартом признать искусственно, целенаправленно созданной структурой каждое специализированное понятие, в отличие от стихийно возникшего значения слова, то следует признать, что не только язык теории, но и язык правовой практической жизни неизбежно содержит искусственно созданные элементы. С другой стороны, язык юридической теории и юридической практики не может быть целиком и полностью искусственным; он все-таки остается подъязыком национального литературного языка² и использует богатство семантических, стилистических возможностей естественного языка для выражения прагматики языка юриспруденции. Для исследования языка права вряд ли будут достаточными подходы, обозначенные терминами «юридическое языкознание», «юридическая лингвистика», «лингвоюриспруденция», поскольку лингвистика – наука о естественных

¹ Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції. Монографія / за ред. Ю.М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – 492 с. – С. 91.

² Титов В.Д., Захарина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права. Моногр. Изд. 2-е, доп. – Х. : «Финн», 2011. – 560 с. – С. 5.

языках, а язык права – это все-таки *специализированный* подязык естественного языка с широким использованием целенаправленно созданных понятийных и иных структур.

Юридическая лингвистика может исследовать лишь некоторые проблемы функционирования языка права. Более подходящим общим термином, обозначающим учение о языке права, является, по-видимому, термин «семиотика права». С семиотикой связаны также теория коммуникации, информатика, герменевтика и другие учения, объединяющим базисом для которых при изучении языка права должны выступать философия языка и философия права. Такой широкий подход позволил бы более адекватно формулировать и решать проблемы достижения «единства языка права», закрепления «необходимого состава конвенциональных понятий, которые используются в юриспруденции»¹.

Если подходить к проблеме анализа понятия и логических операций над понятием с позиций семиотики и философии языка, философии права, философии коммуникации, то общая концепция понятия может быть намечена следующим образом. При этом все, что касается понятия, может быть отнесено к категориям и концептам, поскольку последние – особые, более сложные виды понятий.

Генетически любое научное понятие, в том числе юридическое понятие – это результат целенаправленного мыслительного процесса формализации знания, своего рода «искусственный продукт» специализированного познания и специализированной практики, направленный на выяснение сущности, природы объекта, важных его характеристик. Как бы ни пересекались признаки, составляющие содержание понятия, и признаки, образующие значение слова, – это все-таки разные единицы смысла: понятие представляет специализированное научное мышление, а значение слова причастно к более широкой сфере – сфере стихийно образованного коммуникативного сознания общества.

Структурно понятие – это устойчивое единство термина (слова) и его предметного, смыслового и прагматического значений. Системообразующим в этом единстве является смысловое значение,

¹ Общетеоретическая юриспруденция как наука и учебная дисциплина / под ред. Ю.М. Оборотова. – О.: Феникс, 2011. – 436 с. – С. 3.

включающее в себя комплекс общих, существенных признаков; производным от смыслового является предметное значение, то есть класс предметов, этими признаками обладающих. Прагматическое значение соотносит семантику понятия с целями, задачами, ситуациями коммуникации и детерминирует выбор способа употребления понятия, в том числе способа его введения, понимания, уточнения.

Термином в данном случае мы называем слово, значение которого в данном языке уточнено, и которое употребляется в соответствии с этим уточнением. Слова, обозначающие понятие, относятся к числу терминов, но не исчерпывают всех терминов данного языка. Следует отметить, что трактовка понятия как единства трех граней термина: смыслового, предметного и прагматического значений, помогает избежать отождествления его с одним из этих элементов, что нередко и происходит в логической и юридической литературе.

Функционально понятие – это и есть способ употребления данного слова как знака понятия: слово может фиксировать, закреплять результат познания, может вводить новую смысловую единицу (либо новое имя), может фиксировать результат коммуникативного соглашения, согласования смысловых и предметных значений терминов.

Полное владение понятием предполагает четкое знание (теоретическое и практическое) и генетического, и структурного, и функционального его аспектов в их единстве и взаимосвязи.

Все логические операции над понятием, известные в логике, служат достижению взаимопонимания людей, употребляющих данное понятие в некотором коммуникативном взаимодействии, и направлены на прояснение перечисленных выше аспектов понятия.

Примем два исходных положения, которые предваряют последующее изложение проблемы определения (дефиниции) понятий в логике и в юриспруденции.

Во-первых, проблема дефиниции должна быть включена в более широкую проблему уточнения значений юридических терминов. Не все юридические термины – понятия. Некоторые из них проще, чем понятия. Это имена и предикаторы. Другие – нечто большее, чем понятие. Это категории и концепты. Эта более общая постановка проблемы предполагает опору на современные семиотические модели языка.

Во-вторых, проблема уточнения значений юридических терминов выходит далеко за пределы собственно языковой проблематики, и ее решение зависит от принятой общей концепции права. Любая мода на плюрализм, изменчивость и субъективность в оценке правовых понятий рано или поздно заканчивается осознанием значимости единства, осознанием бесспорности того обстоятельства, что это единство, во-первых, существует не вопреки, а благодаря разнообразию, гибкости, вариативности, а во-вторых, является необходимым условием самосохранения права. Логическое учение об определении (дефиниции) понятий нуждается в обновлении, в уточнении и дальнейшем развитии, главной целью которого является приближение к реальным процессам коммуникации, в том числе к современным дискурсам в юриспруденции.

Сегодня разногласия относительно самой сути определения достаточно велики: одни признают определение операцией по уточнению содержания понятий (традиционная точка зрения); другие – процедурой уточнения имен; третьи – операцией по уточнению значений слов, имеющей внелогический характер, относящейся к сфере гносеологии и методологии познания. Например, в учебнике Е.К. Войшвилло и М.Г. Дегтярева утверждается, что определение «это не операция с понятиями, а операция со словами, с выражениями языка»¹.

Эти разногласия во многом связаны с трактовкой сути метода формализации в логике. Главным аргументом авторов, исключая определение из числа логических операций, является то, что теория определения не строится с использованием формализованных языков современной логики и является чисто содержательной. Другим молчаливо признаваемым основанием выступает неразличение и, по сути, отождествление значения слова и понятия. Но оба эти довода, как отмечалось выше, не состоятельны.

Сущность определения как логической операции состоит в уточнении понятия как целостности, включающей термин и три вида его значения: предметное, смысловое и прагматическое. Как видим, определение касается структурной стороны понятия.

¹ Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. – М.: Владос, 2001. – 528 с. – С. 249.

Определение будем считать полным, если оно раскрывает и смысловое, и предметное, и прагматическое значения понятия, а также их взаимосвязь. Частичное, редуцированное определение имеет место тогда, когда явно уточняется лишь некоторая часть перечисленных компонентов, а остальные компоненты могут мысленно подразумеваться. Классическое понимание определения как логической операции, уточняющей содержание понятия, является частичным; будем называть его традиционным определением. Оно достаточно эффективно во многих ситуациях, так как позволяет однозначно уточнить смысловое значение, а через него – предметное значение. Прагматическое значение при этом также может быть реконструировано, в той или иной мере.

Менее эффективными являются другие варианты частичных определений, более редуцированные, чем традиционное определение, и полезные лишь в некоторых коммуникативных ситуациях. К их числу можно отнести остенсивные и номинальные определения.

Остенсивные определения явно фиксируют только предметное значение термина. В юриспруденции часто употребляются остенсивные определения; скажем, понятия «наследники первой очереди», «уполномоченное лицо», «договаривающиеся стороны» и т.п. определяются *путем простого полного перечня* всех тех категорий лиц, которые составляют предметное значение (объем) данного понятия в определенной ситуации. Для сравнения: выражения типа «это – вещественное доказательство», «это – участник ДТП», «это – официальный документ» не являются остенсивными определениями; здесь присутствует прием, заменяющий определение, – указание. Другим видом редуцированных частичных определений являются *номинальные определения*, которые уточняют только сам термин, например, указывая его исходный языковой смысл; этот языковой смысл может иметь прямое или косвенное отношение к предметному, смысловому или прагматическому значениям термина как знака понятия; от этого отношения зависит степень полезности, эффективности номинального определения. Обычно номинальные определения противопоставляются реальным, при этом подчеркивается, что реальные определения уточняют предметное значение термина. Некоторые логики в разное время весьма скептически относились

к возможности четкого разграничения номинального и реального определений во всех коммуникативных ситуациях; особенно это касается сторонников номинализма. Сочетание реального и номинального определений часто осуществляется в одной и той же формулировке. Иногда они приводятся рядом друг с другом. Особенно это характерно для уточнения терминов, имеющих иностранное происхождение. Например, «Імпічмент (англ. impeachment, від старофранц. empeeschment – осуд, обвинувачення) – особливий порядок (процедура) обвинувачення посадових осіб держави (президентів, міністрів, суддів та ін.), передбачений конституціями ряду країн»¹. Здесь первая часть текста – номинальное определение, поскольку здесь указывается языковой (словарный) смысл термина в английском и старофранцузском языках. Вторая часть – собственно определение, реальное, так как здесь уточняются общие, существенные признаки реальной юридической процедуры, зафиксированные в содержании соответствующего понятия.

Функцией быть знаком понятия обладают далеко не все слова в языке права. Уточнение смысла слов, не обозначающих понятия, к определению не относится. И в этом случае уточнение термина не регулируется правилами определения, например, правилом соразмерности. Это касается описания, указания, характеристики, сравнения и других видов уточнения значений терминов.

Дальнейшее развитие теории определения и в общей логике, и в юридической логике связано, по-видимому, с исследованием и формализацией прагматического значения понятия. Следует отметить, что в юриспруденции раньше, чем в логике была осознана необходимость уточнения прагматического аспекта определений и, в частности, учитывалась важность механизмов принятия юридическим социумом наиболее важных определений. Именно на основании анализа юридических практик было предложено выделить новый вид определений – арбитражных определений². Отметим, что арбитражные определения – это вид частичных определений, направленных на уточнение прагматического значения

¹ Юридична термінологія. Довідник. – К. : Юринком, 1998. – 224 с. – С. 63.

² Титов В.Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. Вып.3. – СПб, 2005. – С. 205.

(факта принятости дефиниции сообществом в определенное время). *Темпоральная отнесенность* свойственна многим юридическим конструкциям, не только арбитражным дефинициям; она оказывается весьма важной в процессе функционирования многих юридических терминов и правовых норм. «Правовое время» – новая категория правопведения, отражающая атрибут правовой реальности, и нуждающаяся в формализации, т.е. в придании большей определенности, устойчивости дифференцированности смыслов соответствующих терминов (время действия нормы, презумпция необратимости нормативно-правового акта, срок, давность и т.д.), причастных к выражению граней этой категории. И.Г. Оборотов исследует эти и другие современные аспекты смысла формирующейся категории правового времени¹.

Правила определения. Известные в логике правила определения были рассчитаны, главным образом, на традиционные определения, уточняющие семантику соответствующего термина, то есть предметное и смысловое значение. Однако неявно они соотносятся и с некоторыми аспектами прагматики.

Так, правило соразмерности требует равенства объемов определяемого и определяющего понятий. Подчеркнем, что при этом имеются в виду именно *два разных понятия*, обозначенных разными терминами; при этом одно из них неопределенно, неизвестно (дефиниендум), а другое – более определено, более известно (дефиниенс). Если оба понятия равно неизвестны или равно известны для коммуникантов, операция определения теряет свой смысл. Отождествление неизвестного понятия с известным – суть определения как логической операции. Направление отождествления – от признаков, сообщенных в дефиниенсе, к признакам дефиниендума; при этом происходит проверка (или постулирование) *взаимозаменяемости* этих двух понятий как критерия их тождества и по содержанию, и по объему.

Правило запрета круга требует независимости всех признаков, входящих в содержание определяющего понятия, от содержания

¹ См. Оборотов И.Г. Темпоральні грані права : Монографія. Розд. 2,3. – Миколаїв : ТОВ «Фірма Іліон», 2009. – 230 с.

определяемого понятия. Конечно, независимость признаков, включенных в дефиниенс, является относительной и зависит от уровня и полноты знаний коммуникантов. Признаки, включенные в дефиниенс, должны быть понятными, известными в опыте S_2 (адресата) до операции определения и независимо от нее, в то время как дефиниендум не известен в этом опыте. Опора на дефиниенс как более известное для уточнения дефиниендума как неизвестного нормальна. Но опора на неизвестное в процессе его же уточнения – ненормальна и неэффективна.

Оба эти правила, как видим, касаются критериев отбора признаков в процессе формализации семантики соответствующего термина: эти признаки должны быть необходимы и достаточны для отождествления объемов дефиниендума и дифиниенса в процессах коммуникации и для S_1 (адресанта), и для S_2 (адресата) в некоторое коммуникативное время.

Правило ясности и отчетливости определения, по сути своей, относится к прагматическому аспекту значения. Оно явно фиксирует то, что неявно подразумевалось в первых двух правилах: определяющее понятие должно быть более известным и понятным, чем определяемое. Если это не так, то определение не будет эффективным: одно неизвестное нельзя определять через другое неизвестное; определенности нельзя достигнуть, опираясь на неопределенные, двусмысленные, метафорические, загадочные и т.п. выражения.

Для определений, включающих в себя большое количество признаков и выраженных в развернутых, пространственных текстах, трех основных правил определения бывает недостаточно. А.И. Уемов, например, считает целесообразным в этих случаях использовать ряд дополнительных правил. В частности, правило целостности, правило простоты, а для системы определений – требование не быть замкнутой системой¹.

Правило целостности может быть сформулировано так: признаки, включенные в определяющее понятие, должны быть упорядоченными и создавать целостный образ объекта. Если порядок

¹ Уемов А.И. Основы практической логики с задачами и упражнениями. – О.: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1997. – 388 с. – С. 106.

признаков никак не задан, и они составляют свободный, несвязный список, то таким определением плохо пользоваться, т.к. возможность перестановок уменьшает определенность, устойчивость создаваемого образа.

Правило простоты: определение не должно быть слишком сложным. Критериев, по которым можно отличить слишком сложное определение от не слишком сложного, два. Один из них психологический, другой – лингвистический. Психологический состоит в следующем: если для большого числа коммуникантов затруднительно понять и точно воспроизвести данное определение после двух-трехкратного его прочтения, значит, оно слишком сложное. Лингвистический: число значимых синтаксических узлов в тексте определения должно быть равным 3 ± 2 . Значимый синтаксический узел – это знаменательное слово вместе с синтаксически зависимыми от него словами. Если в определении один синтаксический узел, то оно очень простое, если пять – сложное; если больше пяти – слишком сложное. Здесь срабатывают законы восприятия речи, устроенной линейно: существуют временные и пространственные пределы для восприятия отрезка речи.

Над-логическим правилом для научных определений, относящимся к уровню методологии, является следующее правило: поскольку каждое определение характеризует объект с одной стороны, то для полного познания объекта нужна целая система определений. Ввиду многокачественности, изменчивости любой вещи, ввиду ее вовлеченности в разные отношения, в разные взаимодействия, такая система определений не может быть замкнутой (закрытой, окончательной, единственной и т.д.).

Насколько значимо все сказанное выше об операции определения, о правилах определения для современной юриспруденции и, в частности, для понимания так называемых дефинитивных норм?

Определения в юриспруденции. Юриспруденция, как никакая другая сфера теоретической и практической деятельности дает возможность убедиться в том, что одновременное существование классической, традиционной и современной логики не только как «этапов развития», но как «полноценных участников исследовательских проектов», требует обстоятельного изучения, которое

не должно ограничиться констатацией противостояния «академизма» и «прагматизма»¹, «дескриптивизма» и «нормативизма», «синхронии» и «диахронии» и т.д. – в логике как таковой и в понимании определения юридических терминов, в частности.

Средоточием логических особенностей уточнения значений юридических терминов является проблема так называемых «дефинитивных норм» – определений ключевых понятий в общей части кодексов.

Часть правоведов подчеркивает, что это «нетипичные» нормы, выполняющие роль «трафаретного указателя», который вносит точность и ясность в анализ обстоятельств дела, то есть, фактически выполняют роль фреймов; другая часть отбрасывает само понятие «нетипичности» специализированных норм, в том числе и норм-дефиниций. Некоторые специалисты обращают внимание на то, что нормы-дефиниции, как и нормы-принципы, непосредственно не регулируют правоотношения, а принимают участие в таком регулировании лишь опосредованно, через другие нормы². Иными словами, это нормы метауровня, влияющие на способ применения норм первого уровня.

Как видим, разногласия касаются не столько предметного и смыслового значений юридических терминов, сколько их прагматического значения, в частности, функций дефинитивных норм в правовых дискурсах, способов их использования.

Типичным для дефинитивных норм является их системный, дизъюнктивный характер, когда дается не одно, а несколько определений, фиксирующих разные аспекты правовых отношений, разные ситуации их осуществления. Например: «Убытками являются: 1) утраты, которые лицо понесло в связи с уничтожением или повреждением вещи, а также расходы, которые лицо произвело или должно произвести для восстановления своего нарушенного права (реальные убытки); 2) доходы, которые лицо могло бы реально получить при обычных обстоятельствах, если бы его право не было

¹ Логіка за часів перемін: академізм vs прагматизм. Круглий стіл «Філософської думки» // Філософська думка. – 2010. – № 5. – С. 5.

² Сурилов А.В. Теория государства и права : учебник. – К.-О. : Вища школа, 1983. – 439 с. – С. 348, 356.

нарушено (упущенная выгода)» (Гражданский Кодекс Украины, Книга первая. Раздел 1. Глава 3, Ст.22.)¹.

Среди дефинитивных норм прочное и заметное место занимают оstenсивные определения с элементами смысловых указателей, дающие полный перечень предметов, составляющих объем соответствующего понятия (его предметное значение) и одновременно содержащие их ограничительные признаки. Например: «Актами гражданского состояния являются события и действия, которые неразрывно связаны с физическим лицом и начинают, изменяют, дополняют или прекращают его возможность быть субъектом гражданских прав и обязанностей» (ГК Украины. Книга первая. Раздел 1. Глава 4. Ст.49)².

Своеобразным синтезом двух операций над понятиями – определения и деления – являются такие дефинитивные нормы, где а) уточняется предметное значение термина путем перечисления видов, и, одновременно, б) раскрывается смысловое значение каждого выделенного видового понятия. Это говорит о том, что юриспруденция ищет пути формирования не частичных, а все более полных вариантов определений, где соединяются воедино предметное, смысловое (семантика), структурное (синтаксис) и функциональное (прагматика) значения термина.

В качестве примера приведем определение термина «валютні цінності» в Таможенном Кодексе Украины. «Валютні цінності»:

а) валюта України – грошові знаки у вигляді банкнотів, казначейських білетів, монет та в інших формах, що перебувають в обігу та є законним платіжним засобом на території України, а також вилучені з обігу або такі, що вилучаються з нього, але підлягають обмінові на грошові знаки, які перебувають в обігу;

б) іноземна валюта – іноземні грошові знаки у вигляді банкнотів, казначейських білетів, монет та в інших формах, що перебувають в обігу та є законним платіжним засобом на території відповідної іноземної держави, а також вилучені з обігу або такі, що вилучаються з нього, але підлягають обмінові на грошові знаки, які перебувають в обігу;

¹ Гражданский Кодекс Украины. – Х. : ООО «Одиссей», 2008. – 400 с. – С. 24.

² Там же. – С. 34.

в) платіжні документи та цінні папери (акції, облігації, купони до них, векселі (тратти), боргові розписки, акредитиви, чеки, банківські накази, депозитні сертифікати, інші фінансові та банківські документи), виражені у валюті України, в іноземній валюті або банківських металах;

г) банківські метали – золото, срібло, платина, метали платинової групи, доведені (афіновані) до найвищих проб відповідно до світових стандартів, у зливках і порошках, що мають сертифікат якості, а також монети, вироблені з дорогоцінних металів¹.

Многие дефинитивные нормы относятся к операциональным определениям или содержат операциональную часть, так как фиксируют характер и порядок действий, благодаря которым осуществляется норма. Например: «Покарання є заходом примусу, що застосовується від імені держави за вироком суду до особи, визнаної винною у вчиненні злочину, і полягає в передбаченому законом обмеженні прав і свобод засудженого»².

Признаки, включаемые в содержание определяющего понятия, как правило, отбираются с учетом прагматического аспекта коммуникации юристов. Поскольку целью дефинитивных норм и иных юридически значимых определений часто является подведение фактического материала под соответствующие понятия и категории, то в них может не раскрываться *весь смысл*, а указываются только признаки, достаточные для распознавания фактов для их подведения под соответствующие понятия. Х. Зигварт называет такие определения диагностическими. Выделенные в них признаки с необходимостью предполагают наличие других – существенных, главных, следствием которых, собственно, и являются выбранные признаки. Здесь включенные в определение признаки являются своего рода сокращенными символами для обозначения всего содержания данного понятия. Если этого не учитывать, то некоторые формулировки, используемые юристами, могут казаться идущими вразрез с логикой. Например: «Злочином невеликої тяжкості є злочин, за який

¹ Митний Кодекс України. Офіційний текст. Вид. Паливода А.В. – Київ, 2013. – 368 с. – С. 5-6.

² Кримінальний Кодекс України. Загальна частина. Розділ Х. Стаття 50. – Х. : Одіссей, 2013. – 232 с. – С. 22.

передбачене покарання у виді позбавлення волі на строк не більше двох років, або інше, більш м'яке покарання за винятком основного покарання у виді штрафу в розмірі понад три тисячі неоподатковуваних мінімумів доходів громадян». «Особливо тяжким злочином є злочин, за який передбачене основне покарання у виді штрафу в розмірі понад двадцять п'ять тисяч неоподатковуваних мінімумів доходів громадян, позбавлення волі на строк понад десять років або довічного позбавлення волі»¹. Эти формулировки нельзя отнести к обычным дефинициям; Зигварт называет их диагностическими, служащими только для облегчения диагноза, для облегчения процедуры подведения. В современном обозначении это, скорее всего, определения, раскрывающие прагматическое значение термина, условия присвоения названия. То есть, этот вид частичных, редуцированных определений, в которых в качестве более известных, понятных для коммуникантов-профессионалов, признаков выступают меры наказания, а в качестве менее известных – называние-измерение степени тяжести. Здесь нет круга в определении в тех случаях, когда для юриста-практика мера наказания устанавливается в результате анализа состава преступления, опирающегося на понятие законного наказания. Но тогда меру наказания нельзя обосновать через понятие степени тяжести. Наш действующий Криминальный Кодекс, к сожалению, не избегает «круговых» определений меры наказания (через степень тяжести) и степени тяжести (через сроки наказания).

Теоретическое резюме

Слово в языке юриспруденции (термин) может быть носителем разных значений: оно может быть термином-именем, термином-предикатором, термином-понятием, термином-категорией, термином-концептом, термином-идеей, а также некоторыми «промежуточными» вариантами в цепочке перечисленных видов значения. Здесь перед нами выступает вертикальный срез функционирования юридических терминов, отражающий их различие по степени сложности, общности предметных и смысловых значений, по степени

¹ Кримінальний Кодекс України. Розділ III, стаття 12. – Х. : Одіссей, 2013. – 232 с. – С. 9.

«свернутости» или, напротив, «развернутости» смыслов в зависимости от контекста и решаемых коммуникантами задач. Имя – самый простой способ организации термина, где явно устанавливается связь слова с предметным значением, а все остальные связи существуют неявно, имплицитно. Термин-предикатор (знак признака) формально столь же прост, однако генетически предполагает более высокий уровень абстрагирования, поскольку неявно опирается на связь признака с некоторыми предметами, которые должны быть в какой-то мере известны коммуникантам. Термин-понятие более сложен по сравнению с именем и предикатором. В нем – в разной степени – эксплицированы и предметное, и смысловое, и прагматическое значения, поскольку общность и существенность признаков, закрепленных в понятии, могут быть установлены лишь в некоторой «системе отсчета», в некотором классе коммуникативных ситуаций.

Вот почему операции, связанные с уточнением понятий, достаточно разнообразны и выбираются в зависимости от того, что наиболее существенно, что менее существенно, а что практически не существенно в той или иной конкретной ситуации. Если практически важно уточнить, что входит в ограниченный объем (предметную область) понятия-термина, то весьма уместно использование остренсивных определений или операции деления, а если важно уточнить признаки, по которым уверенно и безошибочно можно установить для *любого* предмета из *неограниченной* области входит ли он в эту область, то применяются явные определения (родо-видовые, генетические, функциональные, целевые, операциональные и др.). Если затруднительно дать явное определение термина X, которое построено по форме «X – это...», то строится неявное определение – через некоторый текст, который, будучи понятным, создает практическую возможность понимания смысла термина X, включенного в данный текст. Такие определения называются контекстуальными.

В силу своей сложности – и структурной, и генетической, и функциональной – категории и концепты определяются более сложно, чем «рядовые» понятия; при этом могут быть использованы комбинации явных и неявных определений, а также комбинации элементов других логических операций: соотнесение по объему, обобщение и ограничение, деление (классификация) и др.

Анализ дефинитивных норм в существующих кодексах приводит к выводу, что известных в логике «классических» форм определения здесь явно недостаточно: значительное место занимают здесь «комбинированные» формы определений, где объединены генетическое и функциональное, операциональное и квалифицирующее определения, где определение синтезировано с делением и т.д. Этот вопрос мало изучен, а между тем эффективность дефинитивных норм в значительной степени зависит от выбранного способа их построения и применения.

Сложность определения ряда юридических терминов может быть связана с тем, что они «мигрируют» по вертикальной оси значений, в разных ситуациях выполняя разные логические функции. Ярким примером является юридический термин «ответственность».

Понятие «уголовная ответственность», «административная ответственность» могут быть уточнены в рамках соответствующих областей права. Термин «юридическая ответственность» становится категорией юриспруденции в целом, тесно связываясь с категориями «правовая обязанность», «правонарушение» и др., и выполняя важные связующие функции в системе остальных категорий права. Некоторые авторы соотносят данную категорию с особым институтом в системе права: «Институт юридической ответственности занимает одно из центральных мест в общей теории права. Будучи проявлением взаимной ответственности личности и государства, юридическая ответственность является одним из существенных гарантов правопорядка, общественных и личных интересов»¹. В той мере, в какой категория юридической ответственности «тесно связана с действием принципов права – принципов законности, обоснованности, справедливости, своевременности, неотвратимости»² – вполне правомерно считать эту категорию концептом права.

В той мере, в какой смысл понятия ответственности объединяет собою такие специализированные сферы жизни общества, как право, политика, экономика, а также всю сферу гуманитарных наук

¹ Завальнюк В.В. Понятие и виды юридической ответственности // *Общетеоретическая юриспруденция* / под ред. Ю.Н. Оборотова. – О. : Феникс, 2011. – С. 294.

² Там же. – С. 302.

и гуманитарных практик, – есть основания говорить о функционировании термина «ответственность» как концепта культуры.

Иногда юристы, говоря о юридической ответственности, употребляют термин «ответственность», что размывает границы между категорией права, единицей естественного языка и философской категорией, а также границы с соответствующими концептами права и культуры, обозначенными этим же словом. Формирование философской категории «ответственность» связано со включением ее в систему остальных философских категорий (в частности, с категориями «свобода», «личность», «межсубъектные отношения» и др.). «Ответственность» как концепт культуры возникает в результате взаимодействия языкового смысла (смыслов) со специализированными смыслами, сложившимися в философии (в т.ч. в этике), политике, праве, экономике, религии и т.д.

Кроме «вертикального среза» функционирования слова в коммуникации, можно выделить также «горизонтальный срез», отражающий многофункциональность слова, связанную с многообразием целей и намерений субъектов коммуникации.

В «горизонтальном срезе» следует выделить по меньшей мере три главных функции (роли) слова:

- сообщить информацию о мире, обозначить *образ* предмета, ситуации как целого, или представление об отдельных признаках (свойствах, отношениях, функциях) этих предметов и ситуаций;
- быть знаком определенного *действия* человека в процессе коммуникации, а иногда – *быть самим действием*;
- быть знаком, выражающим внутреннее интеллектуальное и эмоциональное состояние человека, его чувства, его отношение к чему-то внешнему, его непосредственную реакцию на происходящее.

Явное преобладание в слове какой-либо одной из этих трех функций позволяет отнести слово либо к информативам (дескриптивам), либо к регулятивам, либо к экспрессивам. Однако часто одно и то же слово в разных коммуникативных ситуациях может выполнять не только одну из этих функций, но и разные их соединения. Особенно это касается «живой» (устной или письменной) коммуникации.

Возникает вопрос: насколько перечисленные выше «вертикальное» и «горизонтальное» измерения значений юридических терминов могут быть отнесены к области интереса логики? Приемлемый ответ: все перечисленные выше виды значений терминов являются предметом изучения логики в той мере, в какой в них могут быть выделены *устойчивые структуры*, которые выразимы в существующих языках логики и уточнение которых важно для взаимопонимания субъектов правовой коммуникации.

Если языки логики ограничить формализованными языками дедуктивного вывода, то данная проблема – внелогическая. Если же языки логики понимать более широко, учитывая разнообразные виды формализации, используемые в человеческом мышлении, в том числе и формализацию, опирающуюся на выделение и специальное употребление некоторой части естественного языка, то можно считать, что все перечисленные выше значения имеют свой обязательный логический аспект. Поскольку в языке юриспруденции точное различение значений терминов теоретически и практически важно, постольку они вполне могут стать предметом исследования юридической логики.

Вопросы для обсуждения к разделу 2.1.

1. *Какое логическое разнообразие видов уточнения юридических терминов скрывается за формулировкой «дефинитивная норма»?*

2. *Какая иерархия логических форм стоит за каждым юридическим термином:*

- *в вертикальном измерении;*
- *в горизонтальном измерении;*
- *в коммуникативном измерении?*

3. *Можно ли в одной формулировке уточнить сразу все измерения значения юридического термина?*

4. *Какова связь смысла юридических терминов с профессиональной коммуникацией юристов?*

5. *Насколько правомерно выделение особого вида определений – арбитражных определений юридических понятий?*

2.2. Логические формы представления юридически значимой информации на уровне высказывания

Предложение как единица естественного языка – это мини-текст, базовая структура для выражения, хранения и передачи информации в процессах человеческого познания и общения. При этом предложение может представлять разные формы мысли, направленные на знание, действие, поведение, самовыражение и т.д. В качестве общего термина, обозначающего все разнообразие форм мысли, носителем которых может быть предложение, будем использовать термин «высказывание». Логика рассматривает любое высказывание как некоторую структуру (форму) и обозначает ее с помощью специальных знаков, выбираемых в зависимости от вида коммуникации, от ее целей и задач, от тех функций, для выполнения которых строится высказывание. Эти знаки могут быть целенаправленно выделенными элементами естественного языка или знаками и их соединениями искусственных логических языков, созданных для определенных целей. Юриспруденция, как уже отмечалось выше, использует – особым образом – как подязыки естественных языков, так и искусственно созданные знаковые средства.

С точки зрения Л. Витгенштейна, предложение естественного языка – это чувственно воспринимаемый знак (звуковой или письменный), который можно рассматривать как «проекцию», «картину» возможной ситуации¹. «Из картины самой по себе нельзя узнать, истинна она или ложна... Но вне своей формы изображения картина находиться не может. То, что во всякой картине ... должно быть общим с действительностью, суть логическая форма. Всякая картина является *и* логической картиной»². Как видим, логической форме предложения Л. Витгенштейн придает большую познавательную значимость именно потому, что высказывание – знак целой ситуации, факта, а не отдельных предметов или признаков. Любая мысль, выраженная в предложении, внутренне организована. Благодаря этому она приобретает *возможность* «схватывать» образ, картину

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с. – С. 11.

² Там же. – С. 9-10.

ситуации, которая не является буквальным слепком действительности, но очерчивает диапазон возможностей для нее, опираясь не только на языковую, но и на логическую грамматику¹.

Внутренне организованный знак простого атрибутивного суждения – это формула-стандарт, отражающий способ связи имени (субъекта) и предикатора (предиката). Ключевую роль в этом знаке играют связка и квантор, фиксирующие два важных момента связи субъекта и предиката: присущ ли данный признак данному субъекту или не присущ; всему ли объему субъекта или не всему присущ (или не присущ) данный признак. Например, высказывание «Все документы оформлены правильно» в разных логических языках может быть формализовано с помощью таких знаков: Все **S** суть **P** или: $\forall x P(x)$, или: **S a P**. Внутренне организованный знак сложного суждения – это формула, фиксирующая способ связи простых суждений: конъюнкцию, дизъюнкцию, импликацию, отрицание. Например: «Если одна из сторон нарушает условия договора, то он может быть расторгнут»: **a** \rightarrow **b**.

Итак, высказывание в логике – это внутренне организованный знак ситуации, факта, события. Это первый тезис Л. Витгенштейна, который принят современной логикой. Второй, не менее важный тезис: смысл высказывания выражается не только его формой, но и способом употребления, использования этой формы коммуникантами. «Если знак *не используют*, он не имеет значения»². Этот второй тезис означает заявку на введение в логику высказываний, кроме синтаксиса и семантики, обязательного прагматического измерения.

Какое отношение эти идеи Л. Витгенштейна имеют к развитию той сферы исследований, которая касается взаимодействия логики и юриспруденции, и которую мы обозначили термином «юридическая логика»? Думается, что самое непосредственное. Поскольку мышление юриста невозможно себе представить без анализа информации о фактах, о реальных «картинах» событий и ситуаций, действий и отношений. Как должна проявляться прагматика в современной логике и в юридической логике в том числе в изучении высказывания?

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с. – С. 15.

² Там же. – С. 16.

С учетом прагматики в современной логической теории должны уточняться и значительно усложняться два важных аспекта: а) дальнейшая дифференциация форм высказываний и способов их употребления и б) представления об основных категориях семантики высказываний – истинности и ложности – в соотнесенности с прагматикой текста. Что касается возможного вклада юриспруденции в этот процесс, то он должен состоять, по-видимому, не только в проверке, применении и критике результатов, полученных в теоретической логике, но и в генерировании новых схем, фиксирующих применяемые юристами способы связи, образующие типичные для юридической коммуникации высказывания.

Внимание к прагматике в логике проявляется в том, что все более учитываются цели и функции, для выполнения которых строятся высказывания. Все высказывания делятся на дескриптивные, главная функция которых – сообщать информацию о действительности, и модальные, которые в качестве своей главной функции имеют выражение некоторого дополнительного отношения, дополнительной характеристики («необходимо», «случайно», «возможно», «хорошо», «должно быть», «запрещено», «обязательно», «рекомендуется» и т.д.), которые как бы «надстраиваются» над формой первого уровня.

Однако анализ прагматического уровня высказывания не должен быть ограничен только учетом его модальности как своего рода предикации второго уровня. Современная логика вплотную подходит к более широкому, включенному в контекст коммуникации, пониманию прагматики как обязательного уровня используемого языка, как обязательной детерминанты, влияющей и на синтаксис, и на семантику высказывания.

2.2.1. К проблеме классификации высказываний

Первое принципиальное положение, которое мы принимаем здесь в качестве исходного – это положение о необходимости преодоления «монологизма» в трактовке структуры и смысла высказывания в пользу «диалогизма», то есть коммуникативности как понимания существенной зависимости формы и смысла от ситуаций общения, в которые включено высказывание.

Логическая форма высказывания, даже если она направлена на знание о действительности, не выражает смысл как нечто заданное, как константу, полученную и существующую *до* и *вне* коммуникации. А между тем до сих пор смысл высказывания часто представляют как некоторую неизменную данность, которую нужно лишь выразить, понять и сохранить, которая закреплена в тексте, приписывается ему. Юридическая герменевтика нередко сводится к прояснению некоторого «истинного» смысла, которым изначально наделены высказывания о факте или, скажем, правовая норма. Считается, что смысл нормы установлен законодателем и понят теми, кто читает, истолковывает, применяет норму в реальной правовой жизни, а смысл факта понят в момент его фиксации.

Однако реальное функционирование высказываний (суждений, оценок, норм и т.п.) показывает, что *до* и *вне* коммуникации никакого монолитного смысла-константы не существует. Как отмечает И.И. Матюшина, всякий смысл не монолитен, а структурирован: в результате «просеивания» через коммуникативные практики в нем происходит дифференциация ядерной (более устойчивой) и ситуативной (более подвижной, изменчивой) частей¹. «Смыслы возникают и функционируют только в коммуникации, они несут в своей структуре фундаментальные черты коммуникации»². Добавим к этому, что жесткой границы между «ядерным» и «ситуативным» смыслами высказывания нет: их соотношение вырабатывается, устанавливается только в коммуникации, как ее результат. При истолковании высказывания в результате коммуникативного взаимодействия достигается своего рода подвижное равновесие, баланс всех составляющих смысла. Здесь самое время вспомнить о наличии в коммуникации по меньшей мере двух подсистем, имеющих свои контексты: подсистемы адресанта S_1 и подсистемы адресата S_2 . Смысл любого высказывания, по метафорическому выражению Дж. Лэки, – это то «танго», которое S_1 и S_2 всегда «танцуют вдвоем»³.

¹ Матюшина И.И. Коммуникативная природа смысла : автореф. канд. дисс. – О., 2007. – С. 10-11.

² Матюшина И.И. Категория смысла в современной философии // Перспективы. Науковий журнал. – О., 2002. – № 3 (19). – С. 78.

³ Цит. по: Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // ВФ. – 2013. – № 6. – С. 51.

При этом не является оправданной ни одна разновидность редукции смысла высказывания: либо к авторскому смыслу, либо к смыслу интерпретатора, либо к механическому уравниванию или отождествлению этих двух вариантов, либо к нулю – к отказу от всех трех предыдущих вариантов в пользу признания «неуловимости», «случайности», «непредсказуемости», «субъективности» смысла как такового. То же касается соотношения ядерной и ситуативной частей смысла.

Достаточно сослаться на наличие разных точек зрения относительно толкования правовых норм, связанных с разными формами подобной редукции: для одних смысл закона однозначно задается законодателем, для других – закон имеет только тот смысл, который ему придает судья в момент принятия решения, а для третьих – тождество смыслов, придаваемых закону и законодателем, и правоприменителем, принимается и как необходимое требование, и как факт.

Каков путь устранения имеющихся разногласий? Если юридическую логику рассматривать как а) коммуникативную и б) как практическую, то для структурирования каждого высказывания недостаточно отнесения его либо к дескриптивным, либо к модальным.

Начнем с того, что есть такой вид высказываний, который, строго говоря, не относится ни к дескриптивным, ни к модальным. Это высказывание, которое а) эксплицитно коммуникативно по своей природе и б) может быть рассмотрено в качестве пресуппозиции любого другого вида высказываний. Речь идет о *вопросе*. Это самостоятельный речевой акт и самостоятельный мыслительный акт, состоящий в обращении одного коммуниканта (S_1) к другому (S_2) «с целью устранения или уменьшения познавательной неопределенности»¹.

Р.К. Луканин обращает внимание на то, что уже Платон видит происхождение суждения из практики диалектических бесед. Диалектический вопрос в известной мере предопределяет возможный ответ на него. Понимание суждения как ответа распространяется на все ситуации познания: суждение даже вне спора, по Платону, предопределяет беззвучную беседу души с самим собой, в которой она приходит к истине, «сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая»².

¹ Конверский А.Е. Логика традиционная и современная. – М.: Идея Пресс, 2010. – 380 с. – С. 160.

² Луканин Р.К. Органон Аристотеля. – М.: Наука, 1984. – 304 с. – С. 68.

В логике связь суждения с предваряющим его вопросом была потеряна из виду и сейчас начинает снова изучаться. Но в юриспруденции эта связь никогда не терялась; более того, она оставалась основополагающей. Какие фактические данные фиксируются при расследовании преступления и закрепляются в виде суждений? Прежде всего, те, которые отвечают на вопросы: имело ли место само событие преступления? Какое именно преступление совершено? Кто виновен в его совершении? Как именно совершено преступление? Каковы его мотивы и т.д.

Заметим только, что неопределенность, которую помогает уменьшить вопрос, может касаться не только знания, но и поведения, его правил и характера отдельных действий, а также состояния сознания коммуникантов. В случае автокоммуникации S_1 и S_2 совпадают, но цель вопроса остается той же. Как отмечает А.Е. Конверский, ответ может быть сильным, если он полностью устраняет существующую неопределенность, и слабым, если неопределенность устранена лишь частично¹. Представляется, что сама степень полноты ответа может варьироваться и измеряться, и в этом плане могут оцениваться как мера эффективности ответа, так и мера эффективности вопроса – в той степени, в какой вопрос создает возможность в заданной им предметной области найти правильный ответ, т.е. ответ, уменьшающий неопределенность.

Вопросу в коммуникации принадлежит важная регулятивная роль, в частности, структурообразующая роль для любого текста.

Любое высказывание-текст можно рассматривать как *ответ* на некоторый вопрос, явно или неявно сформулированный. Иногда вопрос существует имплицитно или даже потенциально. Его можно реконструировать (эксплицировать) по ответу (в *правильной*, успешной коммуникации). Только уточнение вопроса, ответом на который является данное высказывание, позволяет однозначно определить его логическую структуру, вид и точный смысл. Приведем некоторые элементарные примеры.

(1) Петров – дежурный.

¹ Конверский А.Е. Логика традиционная и современная. – М.: Идея Пресс, 2010. – 380 с. – С. 160.

Если это суждение является ответом на вопрос: «Почему Петров находится в казарме?» в той ситуации, когда все остальные солдаты на плацу, – то субъект этого суждения – «Петров», а предикат – «дежурный». Если это суждение является ответом на вопрос: «Кто сегодня дежурный?» в ситуации, когда ищут ответственного за некоторое происшествие, – то субъектом данного суждения является «дежурный», а предикатом – «Петров». Предикат, как известно, несет главную информацию в высказывании.

Данные варианты могут различаться в устной коммуникации и обычно не различаются в письменной. Речевая и логическая «грамматики» совпадают в письменном тексте и могут не совпадать в устном, где используются дополнительные знаковые средства – ударение, акцентирование, интонация и т.п.

До сих пор различию в структурировании письменных и устных текстов высказываний в логике внимания не уделялось. Такое различие становится возможным на основе интеррогативной логики – логики вопросов и ответов.

(2) Правдивость показаний свидетеля у Петрова не вызвала доверия.

Это высказывание также может быть ответом на разные вопросы, что может быть отражено с помощью перемещения ударения. Но мы обратимся к другому аспекту – к прояснению в вопросе статуса Петрова как субъекта в данном коммуникативном процессе. Например, предваряющие это суждение вопросы могут выглядеть так: «У всех ли присяжных показания свидетеля вызвали доверие?»; «У всех ли сотрудников отдела, ведущих расследование, показания свидетеля вызвали доверие?»; «Доверяет ли адвокат обвиняемого Петров показаниям свидетеля?»; «Доверяет ли пострадавший Петров показаниям свидетеля?» и т.д. В зависимости от того, ответом на какой из этих вопросов является высказывание (2), будет меняться и его структура, и его смысл, и истинностное значение, поскольку здесь существенно учитывать субъектные характеристики этого самого Петрова.

В тех случаях, когда нуждается в уточнении модальность простого суждения («так было на самом деле», «так вполне могло быть», «так должно было быть») эксплицитная постановка

соответствующего вопроса становится практически очень важной. Тогда ответом на вопрос становится высказывание с алетической модальностью.

Когда высказывание – ответ на вопрос о правилах поведения, о правилах какого-то вида деятельности, то оно перестает быть «картиной», «образом» ситуации, о которых писал Л. Витгенштейн. В этих случаях перед нами – типичное нормативное высказывание. Юрист может не формулировать в ответе норму права, а просто назвать закрепленное за нею символическое обозначение. Вопрос: «Какая правовая норма регулирует данный вид правоотношений?». Ответ: «Статья 176 Таможенного кодекса Украины, п. 1 и 2». Для непосвященных текст п. 1 и 2 статьи 176 может быть озвучен.

Однако юрист при этом знает, что за каждым таким обозначением стоит обязательная структура, которая обычно обозначается как единство «гипотезы», «диспозиции» и «санкции». К каждому из этих трех терминов нужны пояснения. Под «гипотезой» здесь фактически понимается указание на те ситуации, условия, с наступлением которых норма начинает действовать, вступает в фазу своей реализации. В термин «гипотеза» обычно вкладывается другой смысл (как предположение), и поэтому этот термин здесь не очень удачен. «Диспозицией» юристы называют не что иное, как характеристику действия, о котором в норме идет речь; это указание на способ регулирования этого действия в случае наступления оговоренных выше ситуаций, условий: действие или запрещено, или разрешено, либо обязательно, либо еще как-то регулируется. Вне указанных ситуаций и условий эти характеристики существуют лишь потенциально, в виде возможностей; с наступлением ситуаций – возможность осуществляется, становится реальной характеристикой данного действия. Такие потенциальные характеристики, которые актуализируются лишь в определенных условиях, в методологии и логике называют диспозитивными. «Санкция» – обычно понимается как наказание, как реакция на невыполнение нормы. Возникает вопрос: а почему указывается реакция только на нарушение нормы, а не на ее выполнение (например, реакция в виде одобрения, публичной похвалы, публичного поощрения, награды и т.п.). Другой вопрос: почему в логике признается обязательность

указания на субъект нормы, то есть ее адресат, а в правовой норме юристы «не замечают» этого элемента нормы, не упоминают его в качестве обязательного. О возможных причинах такого «невнимания» будет сказано позже.

А пока отметим, что существуют и другие виды недескриптивных высказываний. Дж. Остин обратил внимание на перформативы. Автор отмечает, что этот термин может быть осмыслен с помощью юридических контекстов, где четко различаются преамбула, воспроизводящая обстоятельства, и действующая часть (*operative*) – осуществление узаконенного действия¹. Высказывание, иногда выраженное одним словом, здесь становится действием.

В этом случае высказывание может быть ответом на вопросы типа: «Согласны ли Вы заключить этот договор?», «Признаете ли Вы себя виновным?», «Готовы ли Вы взять на себя ответственность за воспитание этого ребенка?», «Каково Ваше распоряжение?», «Что Вы можете обещать?», «Каково решение суда?». Перед нами либо само действие, «высказывание-действие» – перформатив, либо информация о действии – знак перформатива. Типичные выражения в перформативах судебных решений: «признать виновным», «в иске отказать», «назначить меру пресечения в виде...», «признать незаконным решение...», «признать право собственности на...», «суд рекомендует...» и т.п.

Когда высказывание – ответ на вопрос о доверии или недоверии, истинности или фальши, об уверенности или сомнении, о подозрении, о субъективных состояниях, имеющих значимость в данной коммуникативной ситуации, то в значение такого высказывания включается экспрессив (прямое выражение состояния чувств и мыслей). Все перечисленные выше и многие другие чувства человека – это интеллектуальные чувства, как и чувство справедливости или несправедливости, чувство гордости или унижения, чувство защищенности или незащищенности – это особые субъектные состояния (не субъективные в отличие от объективных, а именно субъектные – характеристики субъектов, а не объектов коммуникации). Во многих правовых дискурсах вопрос о доверии, о сомнениях, о чувстве справедливости –

¹ Остин Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы. – СПб : Алетей, 2006. – 335 с. – С. 265.

один из ключевых, ибо без его уточнения невозможно принятие или, напротив, непринятие какого-либо высказывания.

Иногда ответом на вопрос является молчание. Молчание – это тоже знак либо скрыто предполагаемого высказывания, либо не выраженного вербально деяния человека. Этот знак может стать понятным участникам коммуникации. Интерпретация молчания при этом может быть различной. Как указывает О.Ю. Щербина, в одних случаях молчание может быть приемом манипулирования в процессе общения, а в других, по сути, – эквивалентом некоторого высказывания и даже аргументом в споре¹. Молчание может быть аргументом по сути дела в юридической коммуникации в тех случаях, когда речь идет о реализации нормы международного права, разрешающей не давать показаний против себя самого, и, в более широком смысле, дающей право на молчание. Молчание здесь равносильно высказыванию: «Я имею право сохранять молчание; все, что я скажу, может быть использовано против меня» и является ответом на соответствующее предупреждение работника правоохранительных органов. Молчание может быть интерпретировано не только как «молчание сдержанности» (не говорить того, что могло бы тебе навредить), но и как «молчание мужества» (отказ от дачи показаний, которые могли бы навредить кому-то другому)². Иными словами, не только высказывание, но и молчание может быть и знаком ситуации, и действием, и знаком отказа от действия, знаком отказа от коммуникации, ее разрушения. Если коммуниканты адекватно поняли смысл молчания, то оно в этом случае становится эквивалентом, замещающим некоторое высказывание.

Подводя некоторый итог, можно утверждать, что в каждой ситуации общения, где появляется предложение как единица языка, следует логически выделить два компонента: вопрос, явно или неявно обращенный S_1 к S_2 , и ответ S_2 на этот вопрос (само высказывание).

Далее, виды высказываний можно классифицировать по структуре и семантике предваряющих вопросов.

¹ Щербина О.Ю. Логіка та юридична аргументація. Монографія / О.Ю. Щербина. – К.: ВПЦ Київський ун-т, 2013. – 303 с. – С. 208.

² Там же.

Схема 3
Классификация высказываний

Виды вопросов-предположений высказывания	Виды высказываний-ответов
Вопросы о реальном положении дел, о ситуациях и обстоятельствах действительности	Дескриптивное высказывание, в т.ч. суждение простое или сложное
Вопросы о дополнительных характеристиках (модальностях) сообщения о ситуации	Высказывания с алетическими, темпоральными, эпистемическими модальностями
Вопросы о правилах, способах поведения, о правилах действия	Нормативные высказывания, в т.ч. собственно-нормы и нормы типа команды (императивы)
Вопросы о ценности, значимости чего-либо в соответствии с принятой шкалой ценностей	Аксиологические высказывания
Вопросы о действии, производимом в момент высказывания самим этим высказыванием	Высказывания-перформативы
Вопрос о внутреннем состоянии сознания субъектов коммуникации	Высказывания-экспрессивы

Приведенная схема выделения видов высказываний имеет смысл для коммуникативной логики, поскольку основана на диалогической трактовке самого мышления. Последняя далеко не нова, и имеет свои истоки с момента возникновения логики, но в новое время была вытеснена монологическими, индивидуализированными подходами («я мыслю...»; «для меня интуитивно ясно, отчетливо» и т.п.). Разумеется, построенная схема далеко не полна. Для юридической логики была бы интересной и целесообразной дифференциация видов нормативных высказываний, а также прескрипций, перформативов, поскольку и те, и другие часто используются юристами и в разных ситуациях приобретают разные варианты своего смысла, различие которых практически важно. В логике они мало изучены. Сведения о них черпаются то из теории речевых актов, то из психологии, то из не очень четко заданной области когнитивных исследований.

Поскольку здесь речь идет о прагматическом аспекте высказываний, о способах их употребления, то возникает естественный

вопрос: а может ли все это вообще быть предметом изучения логики? Ответ очевиден: может настолько, насколько будут обнаружены устойчивые мыслительные структуры, проявившиеся в профессиональном общении, доступные для фиксации с помощью некоторых общепринятых знаковых средств и для последующего теоретического изучения. Здесь вполне можно согласиться с Джоном Остином: «Нет никаких сомнений в том, что существует великое разнообразие способов использования языковых выражений... Разбор этих способов требует возможно более жесткой структуры, и, я полагаю, что мы не должны слишком легко впадать в отчаяние, признавая, подобно тому, как это делают многие, что их число *бесконечно*»¹. Юридическая логика может фиксировать те из них, которые практически важно различать юристам-профессионалам.

Но обратимся к той части дескриптивных высказываний, которые в логике изучены достаточно хорошо. Они называются суждениями. Простое суждение строится из имен, предикаторов или понятий. Сложное суждение строится из простых суждений. Универсальными свойствами всех суждений в логике признаются следующие три:

– сообщает информацию о действительности, о реальном положении дел; иными словами, относится к дескриптивным высказываниям;

– содержит волевое действие – уверенно утверждает сообщаемую информацию как истинную;

– объективно является либо истинным, либо ложным; иногда добавляется третье значение – неопределенность.

Центральной характеристикой суждения является истинность. «Когда наш ум приходит к *признанию* чего-либо *истинным*, мы *судим*, выносим свое *суждение*, а когда это суждение высказываем, мы утверждаем его. То, что истинно, – истинно независимо от нашего признания. Мы можем ошибаться. Основания, из которых мы исходим в нашем процессе суждения, могут оправдывать признание данной истины; но основания эти могут также служить для нас лишь побудительным мотивом для вынесения суждения, ... не предпола-

¹ Остин Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы. – СПб : Алетейя, 2006. – 335 с. – С. 263.

гая никакого подтверждения», – пишет основоположник современной математической логики Г. Фреге¹.

Здесь важно учесть проводимое ученым различие между *пониманием, признанием* истинности мысли, *высказыванием (утверждением), оправданием* ее и *объективно существующей истинностью*. Г. Фреге намного раньше Л. Витгенштейна указал на необходимость уточнить и «правильно понять тот способ, каким связаны знак, смысл и значение в каждом конкретном случае»². Но вот в чем с Г. Фреге можно поспорить, так это принцип: «Каждая мысль либо истинна, либо ложна, *tertium non datur*; процесс суждения – это выбор между противоположными мыслями»³.

Сегодня существуют системы логики, не принимающие закона исключенного третьего, и тем более не принимающие тезиса, что из отрицания какого-либо суждения *всегда* следует признание противоположного ему суждения.

Вопрос об истинности суждений сегодня выглядит в логике более сложным, чем у Г. Фреге.

Не все ясно с отношениями к истине и в юриспруденции.

2.2.2. Истинность, ложность, правдоподобие, неопределенность дескриптивных высказываний

Любой юрист знает, что в каждой ситуации не так уж велико число суждений, относительно которых можно сказать, что их можно уверенно утверждать как истинные, что есть достаточные основания и для этой уверенности, и для признания их объективной истинности. Во многих случаях проверка истинности дескриптивных высказываний затруднена или практически невозможна. Юрист привык весьма осторожно оперировать категориями «истина», «истинность».

Косвенным подтверждением является то, что, например, в современном Уголовном процессуальном кодексе Украины понятие истины практически отсутствует. Фиксируя этот факт, А.В. Тягло

¹ Фреге Готтлоб. Логика и логическая семантика. Сб. трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с. – С. 287.

² Там же. – С. 231-232.

³ Там же. – С. 293.

отмечает, что «истина как ценность утрачивает в поле права ... приоритетный статус»¹. А между тем, истина – это концепт культуры, концепт права, категория правоведения и ключевое понятие юридических практик. «Сдержанность» юристов в употреблении данной категории частично имеет под собой мировоззренческие основания, отразившиеся в современных философских дискуссиях, а частично – реальные трудности юридических практик. Некоторые философы считают понятие истины признаком мифологического мышления. А между тем отказ от понятия истины в философско-методологическом анализе познания и в юридических практиках может привести к столь кардинальным последствиям, которые можно оценивать как катастрофические. «Сразу же лишаются смысла понятия доказательства, опровержения, спора, дискуссии»², а вместе с ними и понятие правосудия. Рухнет логика как наука, главной целью которой является достижение *достоверных* и *общезначимых* положений, которые важны не только в сфере теоретического мышления, но и, как отмечал Х. Зигварт, в мышлении, «которое должно руководить нашими поступками»³. Отсюда неизбежным становится не только отказ от понятий «прогресс науки», «развитие науки», но и, в конце концов, по мнению А.Л. Никифорова, «мы в значительной мере перестанем понимать поведение людей. Почему люди так пылко отстаивают свои идеи и убеждения? Потому, что считают их истинными именно в классическом смысле, т.е. адекватно отображающими реальное положение дел. Я не знаю, как иначе объяснить действия людей, когда они поступают вопреки своим собственным интересам, иногда даже вопреки инстинкту самосохранения»⁴. Следует согласиться с А.Л. Никифоровым и в том, что вместо отказа от понятия и идеи истины, надо искать более адекватные представ-

¹ Тягло А.В. К вопросу о статусе истины в поле права // Эволюция представлений о преступлениях и наказаниях в общественно-правовой мысли (к 250-летию труда Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях»). Сб.мат. Междунар.конф. [24 июня 2014 г., Харьков]. – Х. : Золота миля, 2014. – С. 206.

² Никифоров А.Л. Философия науки: История и теория. – М. : Идея-Пресс, 2010. – 264 с. – С. 215.

³ Зигварт Христоф. Логика. Т.1. – М. : Изд.дом «Территория будущего», 2008. – 463 с. – С. 31.

⁴ Никифоров А.Л. Философия науки: История и теория. – М. : Идея-Пресс, 2010. – 264 с. – С. 216.

ления о ней, разрабатывать те ее аспекты, которые касаются *условий* истинности конкретных утверждений, теорий, функционирующих в различных видах коммуникации, а также прояснить и дифференцировать признак *соответствия*, заложенный в классическую трактовку истины.

Все это в полной мере касается проблемы истинности высказываний в юридической логике. Не отказ от истины, а переход к более сложному и более соответствующему реальному мышлению, реальным действиям, реальному самосознанию современного человека пониманию истины – вот в чем задача.

Теоретическое и практическое самосознание юристов уже нащупывает *свои* пути, часто стихийно, не очень последовательно, но упорно меняя представления об истине и истинности.

Обратимся, например, к разделу «Докази і доказування в кримінальному процесі», написанному Т.В. Лукашкиной¹, в той его части, которая касается истинности фактических данных («доказательств») в криминальном производстве.

Автор высказывает мысль о том, что выяснить и зафиксировать в полном объеме все фактические обстоятельства дела – и тем самым установить объективную истину – по разным причинам практически не представляется возможным, а потому установление истины не может быть обязательным требованием, предъявляемым к информации о фактах. «Більш слухним було б застосувати поняття конвенціональної істини. Конвенціональною вважають істину, яка визнається такою на підставі конвенції, угоди, тобто люди ніби домовилися вважати істинним знання, отримані з додержанням певних умов. Саме про таке йдеться в кримінальному судочинстві, коли закон вважає істинним знання, одержані за умови додержання певних правил (наприклад, правил про тлумачення сумнівів на користь обвинуваченого, правил про визнання обвинуваченого таким, що не вчиняв злочину, коли бракує доказів для впевненого висновку про винність)»². Далее деликатно отмечается,

¹ Кримінальний процес України. Навчальний посібник для підготовки до іспиту / [Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкіна Т.В., Гловюк І.В.] ; за заг.ред. Ю.П. Аленіна. – Х. : ТОВ «Одісей», 2010. – 328 с. – С. 60-116.

² Там же. – С. 165.

что сведения о фактических обстоятельствах дела, конечно, должны быть истинными, квалификация преступления – тоже; но надо учитывать и то, что преступление – это *деяние*, имеющее свою социальную сущность; оно нуждается в соответствующей *оценке*; решение суда – это волевое *действие*, а не акт познания; назначение меры наказания – тоже действие. Как видим, здесь дескриптивные высказывания четко отделяются от прескриптивных, от перформативов, которые не обладают и не должны обладать истинностным значением. Истинность присуща только дескриптивным высказываниям, и то не всем. Говоря о фактических данных, принимаемых в качестве доказательств, автор не считает требование истинности для них обязательным, в отличие от релевантности (належности) и допустимости¹. Почему? «Достовірність не є властивістю доказів, але кожний суб'єкт, на якого покладено обов'язок доказування, оцінює докази і засновує свої висновки щодо фактичних обставин справи на тих доказах, які він визнає достовірними, аргументуючи свою думку щодо визнання окремих доказів недостовірними»².

Здесь важно различить два разных момента: во-первых, стороны судебного процесса излагают высказывания, которые они *считают истинными*, уверенно *утверждают* их в качестве истинных; а во-вторых, рано или поздно суд вынужден дать свою *оценку истинности* утверждений (и отрицаний) сторон, принять или поставить их под сомнение. Вот тут автор уже не исключает истинность из списка требований к фактической информации³. По каким критериям высказывания о фактах оцениваются судом как истинные? Главный критерий – внутренняя убежденность, основанная на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности⁴. И еще. Важен учет *характеристик* субъектов доказывания, распределение их ролей (функций), прав и обязанностей. К этому вопросу мы вернемся позже, говоря о теории аргументации. А сейчас лишь отметим, что для оценки истинности утверждений сторон в суде да-

¹ Кримінальний процес України. Навчальний посібник для підготовки до іспиту / [Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкіна Т.В., Гловюк І.В.] ; за заг.ред. Ю.П. Аленіна. – Х. : ТОВ «Одіссей», 2010. – 328 с. – С. 83.

² Там же.

³ Там же. – С. 89.

⁴ Там же. – С. 90.

леко не безразличен вопрос о субъектах, которым эти утверждения принадлежат, о их статусе в коммуникации, их целях и внутренних установках. Т.В. Лукашкина ранжирует субъектов процесса доказывания, разделяя их на четыре группы по степени «нагруженности» обязанностями и правами при участии в процессе¹.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что понятие истины все более осознается правоведами как коммуникативно и субъектно зависимое. Но *относительность* и *соотнесенность* истины не превращают ее в чисто субъективную, недостижимую или даже иллюзорную вещь, как это стало модно утверждать в постмодернистских дискурсах. Конвенциональная, или лучше сказать, *коммуникативно принятая* истина остается истиной, которая не может быть сведена к простому чисто условному соглашению уже хотя бы в силу того, что она достигается тяжким трудом профессионалов, требующим всесторонних знаний и высокой культуры мышления на всех его уровнях.

Понятие истинности высказывания стало предметом исследования логики с момента ее возникновения.

Высказывания, по Аристотелю, это «состояние мысли, которыми мы постигаем истину»², но эти состояния мысли обладают разной степенью соотнесенности с истиной: одни из них «о том, что присуще», другие – «о том, что необходимо присуще», третьи – о том, «что возможно присуще»³. В этом разделении философ опирается на онтологический, объектный аспект высказываний, который тесно связан с познавательным: то, что «необходимо присуще» онтологически, «всегда истинно» и «необходимо истинно» логически. Научное познание всегда ориентировано на истину, поэтому его интересуют в первую очередь необходимо истинные знания, в частности, аподейктические высказывания. Но это не означает, что все остальные высказывания логика может игнорировать: ведь они тоже – состояния мысли, с помощью которых мы постигаем истину. Просто «одни всегда истинны, а другие допускают ошибки»⁴.

¹ Кримінальний процес України. Навчальний посібник для підготовки до іспиту / [Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкіна Т.В., Гловюк І.В.] ; за заг.ред. Ю.П. Аленіна. – Х. : ТОВ «Одісей», 2010. – 328 с. – С. 91-92.

² Аристотель. Первая аналитика // Аристотель. Соч. в 4-х т., том 2. – С. 346.

³ Там же. – С. 120.

⁴ Там же. – С. 346.

К числу последних относятся правдоподобные высказывания. Именно им посвящает Аристотель свою «Топику». «Правдоподобно то, что кажется правильным всем или большинству людей или мудрым – всем или большинству из них или самым известным и славным¹. Как видим, здесь меняется ракурс рассмотрения: Аристотель говорит здесь о знании в его соотнесенности с *субъектами* познания и *научной коммуникации* и в его *субъектном* измерении – степени уверенности субъектов: «кажется правильным» – это совсем не то же, что «правильно». Истинность получает некоторую градацию: необходимо истинно, истинно, возможно истинно, правдоподобно (то, что кажется истинным), а далее – то, что кажется правдоподобным². Аристотель ставит в прямую зависимость от степени истинности высказываний степень правильности умозаключений, которые делаются на их основе. При этом интересно отметить, что Аристотель видит зависимость от проблем, которые решаются, т.е. от вопросов, на которые ищется ответ в соответствующих высказываниях и рассуждениях: «Ведь доводы получаются из положений, а то, относительно чего строятся умозаключения, – это проблемы. Стало быть, естественно, что положений столько, сколько проблем, ибо, меняя способ выражения, ты каждому положению можешь придать вид проблемы»³.

Как видим, Аристотель видит здесь те аспекты истинности высказываний (положений, доводов), которые станут предметом горячих дискуссий в XX веке о способах употребления высказываний. Но он видит и корень различий: выбор способа употребления, а значит и структуры, и смысла, и значения высказывания зависит от того, на какой вопрос оно отвечает, в решении какой проблемы участвует. А проблема – это фиксация неопределенности, которую надо устранить, и эта фиксация неопределенности происходит в коммуникативном взаимодействии сторон. «Проблема ставится или относительно того, о чем ни одна из сторон не имеет определенного мнения, или относительно того, о чем мудрые имеют мнение, противное мнению большинства людей, или относительно того, о чем расходятся мнe-

¹ Аристотель. Тописка // Аристотель. Соч. в 4-х т., том 2. – С. 349.

² Аристотель. Первая аналитика // Аристотель. Соч. в 4-х т., том 2. – С. 350.

³ Аристотель. Тописка // Аристотель. Соч. в 4-х т., том 2. – С. 352.

ния внутри каждой стороны...»¹. «Мудрыми» в случае судебного рассмотрения положено быть следователям, прокурорам и судьям. Но не всегда даже мудрым удается ответить на поставленные вопросы, ибо у них может не хватать необходимой информации.

Вопрос, таким образом, имеет не только структурообразующую, видообразующую роль для построения высказываний, о чем мы уже говорили выше; вопрос задает само поле возможных истинных ответов, возможных принятых высказываний: в одних случаях он может ограничивать число возможных истинных ответов, отсекая нерелевантные, недопустимые по правилам данного вида коммуникации; в других случаях может не найтись достаточной информации для адекватного ответа. Так что для осторожности юристов относительно безусловного принятия требования истинности для высказываний о фактических данных есть причины.

Непосредственное восприятие факта и высказывания о нем – далеко не одно и то же. Это подчеркивали и позитивисты: ни одно высказывание о факте не может быть для них абсолютно достоверным². Однако противоположность их взглядов аристотелевским состоит в том, что позитивизм стремится «очистить» фактические высказывания от всякого «внешнего» влияния, свести все к непосредственному наблюдению, а Аристотель, напротив, истинность высказывания о факте стремился рассматривать в контексте решаемых человеком проблем, включенных в разные жизненные ситуации. Это для него и есть *основания* их анализа и оценки. Многие высказывания, отнесенные к числу правдоподобных, затем отсеиваются как недостоверные. Но они могут получить и статус достоверных. Роль вопросно-ответных процедур в процессах верификации и фальсификации высказываний о фактах в правовых дискурсах также немаловажна.

Работа с топиками (правдоподобными высказываниями, которые принимает большинство), проведенная Аристотелем, – это тоже раздел его логики, ограничивать которую лишь «Аналитиками» было бы неправильно. Это важно учитывать, поскольку работа с вероятностными, правдоподобными, неопределенными, сомнительными

¹ Аристотель. *Топика* // Аристотель. Соч. в 4-х т., том 2. – С. 360.

² Айер Альфред Дж. *Язык, истина и логика*. Научное изд. – М.: Канон, 2010. – 240 с. – С. 131.

высказываниями, получившими статус правдоподобного мнения или убеждения у части коммуникантов, становится все более актуальной в современном информационном пространстве. Аристотель при работе с такими высказываниями настаивает на том, что «следует не только разбирать разные значения, но и стараться дать их основания, например, следует указать не только на то, что в одном смысле благо означает справедливость и мужество, а в другом – сильное и здоровое, но и на то, что первые суть благо потому, что они определенные качества, а последние – потому, что они способны чему-то, а не потому, что они определенные качества. И точно так же в других случаях»¹. Другими словами, измеряя степени истинности высказывания и, соответственно, нашей уверенности в истинности, следует использовать целую систему критериев их оценки – онтологических, гносеологических, праксеологических, в т.ч. аксиологических и т.д. Структурный аспект всех этих характеристик изучается в логике для уменьшения их неопределенности, и, соответственно, для увеличения степени определенности, ясности знаний, зафиксированных в высказываниях.

Аристотель высоко ценит роль топов, так как при дальнейшем изучении они могут оказаться необходимо истинными (аподейктическими) суждениями. Однако не для всех топов проверка заканчивается столь благополучно. Они могут быть и не опровергнуты, но и не доказаны, что позволяет относиться к ним как к правдоподобным. Даже если некоторое знание опровергнуто, но это опровержение касается небольшого числа случаев, то топ, фиксирующий то, «что бывает в большинстве случаев», может считаться правдоподобным, достоверным в большой степени. Например, в большинстве случаев телята рождаются с одной головой, но бывают исключения и рождаются телята с двумя головами. В повседневной практике разумно ориентироваться на первый случай, поскольку второе случается очень редко. Однако суждение, отражающее то, что чаще бывает, уже нельзя назвать аподейктическим, и оно не может быть использовано в доказательном силлогизме, но в диалектическом – может. То же касается мнений, принятых большинством.

¹ Аристотель. Топика // Аристотель. Соч. в 4-х т., том 2. – С. 364.

Современная палитра топов (о том, что чаще всего бывает, о том, с чем согласно большинство и т.п.), которые обладают неопределенностью истинностных значений, заметно расширяется с появлением новых форм общения, новых коммуникативных средств, с расширением коммуникативного пространства.

Весьма показателен в этом плане исследовательский интерес к той информации, которая в традиционном понимании относилась к области слухов, к «знаниям понаслышке» и оценивалась весьма пренебрежительно. В настоящее время, в силу разных причин, достаточно серьезно рассматриваются в методологических дискурсах такого рода сомнительные сообщения, особенно в средствах массовой информации, ибо в этих сообщениях проявляются социальная природа человека («захваченность социумом»), а также моменты «коммуникативных игр». «Коммуникативные игры» – куда более сложное и интересное явление, чем «языковые игры» в понимании Витгенштейна. Здесь речь идет не просто об изменении или искажении смыслов высказываний в процессах коммуникации. С помощью слухов, запускаемых или «просочившихся» в коммуникацию, в конечном счете, апробируется знание о фундаментальных проблемах: другие сознания; доверие в познании и общении; значение, понимание, интерпретация; манипулирование; аргументация; источники знания и его трансфер; моральность как измерение познания и общения и т.д.¹ И.Т. Касавин отмечает, что термин *testimonial knowledge* широко употребляется в современной аналитической философии и один из наиболее приемлемых его переводов – «знание-сообщение»². Однако любое суждение – это знание-сообщение; смысл указанного термина может быть лучше понят с учетом того обстоятельства, что он является трансфером из юриспруденции (в философских словарях его нет) и обладает «семейным сходством» с юридическими понятиями «свидетельство», «показание», «довод», «доказательство», «утверждение» и даже «торжественное официальное заявление» и т.д.³ Из логической теории высказываний наиболее подходящим

¹ Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // ВФ. – 2013. – № 6. – С. 47-49.

² Там же.

³ Там же.

здесь является, казалось бы, термин «мнение». Однако термин «мнение» соотносим с одним участником коммуникации, тогда как термин *testimonial knowledge* связан с коммуникацией как процессом, указывает на коммуникацию как свой источник. Это не утверждение какого-либо участника, как в случае свидетельства на суде, это знание, «автор» которого «скрывается» в коммуникации. Перед нами новый ракурс аристотелевского топа, который отражает свое происхождение из предшествующей практики коммуникации; это *послание, сообщение*, источник и смысл которого требуют осмысления, проверки, уточнения, и которое предполагает свободное поведение коммуникантов: они могут доверять или не доверять ему и, соответственно, принять его или отвергнуть, критиковать, сомневаться и т.п. – но просто игнорировать его нельзя. Обращаясь к античной терминологии, коммуниканты могут квалифицировать данное высказывание как «доксу» (чье-то субъективное мнение), а могут как «эпистему» (научное знание, необходимо истинное). Логическая форма высказывания без прояснения со стороны прагматики коммуникации определенно ни о чем не скажет. Диапазон истинности таких высказываний без соотнесения с ситуацией достаточно велик: от 1 до 0, то есть – истинно; весьма вероятно истинно; возможно истинно; маловероятно; скорее ложно, чем истинно; ложно. Истинность, валентность таких высказываний – это не точечное свойство, а линейное. Это не выбор из двух значений как единственно возможных, как в логике Г. Фреге. Есть целая шкала валентностей для любого неопределенного дескриптивного высказывания. Нет резкой границы между «доксой» и «эпистемой»: можно возвысить «доксу» до «эпистемы», а «эпистему» укоренить в «доксе» как считает Х. Арендт¹.

Все сказанное в полной мере касается дескриптивных высказываний и их формы как *формы-образа* ситуаций, реальных событий. Но существует также огромное множество недескриптивных высказываний, которые направлены на действие, правило, на активность и которые в юридических дискурсах не менее важны. Если высказывания-дескрипции оцениваются со стороны истинности, то,

¹ Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // ВФ. – 2013. – № 6. – С. 49.

скажем, оценка и норма – со стороны правильности (адекватности), а вердикт, решение суда – со стороны правильности, справедливости, а также эффективности – как любое публичное, общественно-значимое действие.

Экспрессивное высказывание, смысл которого М.В. Попович называет «жестом» (знаком внутреннего состояния человека)¹, вероятно, соотносится со шкалой искренности-фальши, доверия-недоверия. Возникает вопрос: как связаны между собой в процессах коммуникации шкалы истинности, правильности, справедливости, эффективности, искренности? Или высказывания «утверждение истинно», «оценка верна», «вердикт справедлив», «признание не искренне» и подобные им – относятся к автономным измерениям юридических дискурсов? В общей логике эта проблема пока решения не находит, хотя и осознается как актуальная. А между тем в многообразных юридических практиках, где *все эти шкалы применяются одновременно*, эта проблема решается на интуитивном уровне. И решается тем более успешно, чем более тренированной и опытной является профессиональная интуиция юристов, чем глубже и обстоятельней осмыслены ее практические, теоретические, мировоззренческие основания. Никакой искусственный интеллект пока не может конкурировать с мудростью опытного профессионала-юриста, поскольку в ней объединены *prudencia* (принудительная практическая мудрость, мудрое суждение в решении конкретных дел) и *sapientia* (умозрение как видение сути или «корня» проблем, как теоретическая мудрость законодателя)².

Теоретическое резюме

В логической теории наиболее изученными являются дескриптивные высказывания, несколько менее изученными – некоторые виды модальных высказываний, практически не изученными – предскрипции, перформативы и экспрессивы. В юридических практиках используются *все* виды высказываний; теоретически связь

¹ Попович М.В. Жест як характеристика дискурсу // Філософсько-антропологічні студії 2000. Європейський вектор та основні цінності української гуманістики (до 70-річчя Мирослава Поповича). – К., 2000. – С. 6.

² Шамес Й.А. Філософія для юристів. – Миколаїв : D&P, 2008. – 302 с.

дескриптивного, нормативного, оценочного, перформативного, экспрессивного значений высказываний плохо изучена, а практически в каждой ситуации, анализируемой юристом, такая связь интуитивно устанавливается. Отсюда можно сделать вывод, что именно юриспруденция может стать предметным полем исследования для юридической логики, которая может внести свой вклад в уточнение структуры и правил употребления как для дескриптивных, так и для недескриптивных высказываний. Коммуникативный подход позволяет выделить ключевую роль вопроса во всей системе форм мысли, выраженных на уровне такой языковой единицы как предложение. Отсюда можно наметить такие точки роста современной логики высказываний как раздела юридической логики (то есть логики, включающей направленность исследования от юриспруденции, от юридических дискурсов и контекстов – к общей логике):

- исследование структуры, видов, и правил постановки вопросов, как пресуппозиций для всех высказываний;
- исследование структуры, видов и правил применения нормативных высказываний;
- исследование структуры, видов и правил применения оценочных высказываний;
- исследование структуры, видов и правил применения прескриптивных высказываний;
- исследование структуры, видов и правил применения перформативов;
- исследование структуры, видов и правил применения экспрессивов.

Общеметодологическим основанием исследования всего разнообразия логических форм высказываний должна стать экспликация взаимосвязи между оценочными шкалами: истинности, правильности, эффективности, релевантности, ценности, степени доверия и т.п., – используемыми при формировании этих высказываний.

Другой методологически и мировоззренчески важной, актуальной проблемой в теории высказываний является проблема истинности. Осознание недостаточности традиционного понимания истинности как обязательной характеристики суждения не должна вести к отказу от самого понятия истинности, как это фактически

сейчас происходит в некоторых школах философии и, к сожалению, – в юриспруденции. Показателем этой негативной тенденции является отсутствие понятия истины в действующем процессуальном криминальном кодексе. Это говорит о том, что истинность как семантическая характеристика высказывания нуждается в более полном, более точном изучении. Это более сложная характеристика, чем принято считать в классической математической логике, идущей от Г. Фреге. Истинность высказывания имеет свои градации, о которых говорил еще Аристотель. В логике Аристотеля есть понятие о правдоподобных высказываниях, о топах (общепринятых мнениях или знаниях о том, как бывает в большинстве случаев). Все это неопределенные (по истинностному значению) высказывания. Сегодня к их числу относят *testimonial knowledge* – высказывания-послания, возникшие в коммуникативных процессах и предполагающие свободу коммуникантов – в их принятии или непринятии, в доверии к ним или недоверии.

Без разработки проблемы *условий истинности* высказывания, без дифференциации смыслов самого понятия *соответствия*, лежащего в центре внимания при установлении истинности, невозможна удовлетворительная логическая концепция высказывания.

Вопросы для обсуждения

1. Если признать высказывание «структурированным знаком ситуации», то как можно интерпретировать утверждение Л. Витгенштейна: «Если знак не используют, он не имеет значения»?

2. Элементами простого атрибутивного суждения являются имя (*S*), предикат (*P*), связка (есть, не есть) и квантор (все, некоторые). В традиционной логике заданы структурные стандарты простых атрибутивных суждений:

Все S обладают свойством P (тип A),

Некоторые S обладают свойством P (тип I),

Ни одно S не обладает свойством P (тип E),

Некоторые S не обладают свойством P (тип O).

Но многие простые суждения в живой коммуникации отклоняются от этих стандартов. Что можно сказать об этих «нестандартных» суждениях:

– они логически неправильно сформулированы;
– они могут быть сведены к одному из стандартов, и значит они построены логически правильно;

– они не могут быть сведены ни к одному из стандартов, и значит, – они логически неправильны;

– они не могут быть сведены ни к одному стандарту, значит, возможно, перед нами новая логическая форма, которую надо присоединить к стандартам;

– другие варианты?

3. Какова роль вопросов в процессах понимания ситуации?

4. Всегда ли высказывание – ответ на какой-то вопрос?

5. Что общего и что различного между дескриптивным высказыванием и нормативным?

6. Насколько прескрипции и перформативы могут поддаваться формализации в языках юриспруденции?

Для справки. Прескрипция – высказывание, цель которого – изменить поведение собеседника. Примеры: «Стой!», «Пристегните ремни». Перформатив – высказывание-действие: «Собрание объявляю открытым», «Я согласен».

7. О любом ли суждении можно уверенно знать, истинно оно или ложно?

8. Является ли истинность обязательной характеристикой знания?

9. Свойство истинности – точечное (либо оно есть, либо нет) или линейное (может быть присуще в меньшей или большей степени)?

10. Согласны ли Вы с мнением, что каждое высказывание содержит момент неопределенности, а потому имеет лишь вероятность оказаться истинным, измеряемую в диапазоне от 0 до 1?

Глава III

ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЫВОДА И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

3.1. Проблема вывода и доказательства: общая характеристика

Формирование юридических терминов и текстов, состоящих из высказываний, как уже отмечалось, имеет самостоятельное значение – с их помощью строится картина правовой жизни и – на ее основе – правосознание общества.

И все же главное их предназначение – *быть материалом для рассуждений*, ведущих к принятию соответствующих юридических решений. Термины при этом выступают в качестве смысловых опорных точек, а высказывания – в качестве шагов соответствующих выводов, которые юристы делают из имеющихся фактических и иных данных. Каждое мыслительное действие (или совокупность действий), состоящее в переходе от уже известной информации (посылок) к новой информации (заключению) называется в логике *выводом* или *умозаключением*.

Если же движение мысли происходит в обратном направлении, когда к принятому или гипотетически выдвинутому высказыванию подыскиваются посылки, его обосновывающие, то перед нами процедура доказательства, или шире – обоснования, аргументации (см. схемы 4 и 5).

Схема 4. Умозаключение (вывод)

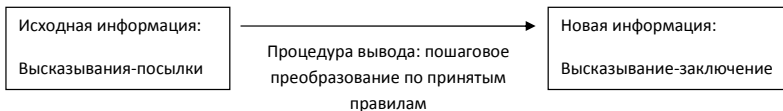
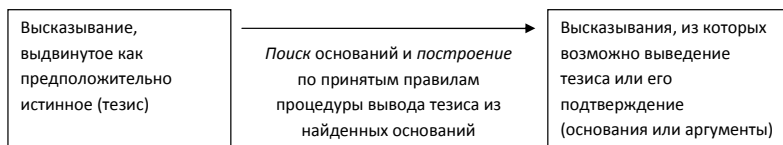

Схема 5
Доказательство (обоснование)

Как видим, процедуру вывода можно рассматривать как встроенную обязательную часть более сложной процедуры доказательства, а можно рассматривать как самостоятельную логическую процедуру. При этом вывод может быть как линейным, когда из посылок и правил вывода строится одна цепочка формул, заканчивающаяся заключением, так и нелинейным, когда из данной совокупности посылок выводятся различные возможные следствия (производится обзор следствий), каждое из которых, возможно, связано с учетом некоторых особенностей, условий рассматриваемой ситуации.

И умозаключение, и доказательство могут быть как правильными, так и неправильными. Правильность вывода обусловлена, как принято считать, двумя факторами: (1) истинностью и полнотой исходной информации (посылок) и (2) правильностью, надежностью процедуры перехода от посылок к заключению.

Оба указанных аспекта умозаключения достаточно сложны для анализа и оценки. Не случайно вся история развития логики характеризуется борьбой разных позиций, подходов к формализации и оценке умозаключений. При этом появлялись и весьма скептические взгляды на логику, близкие к нигилизму. Современную критику логики с позиций постмодерна весьма полезно сопоставить с аналогичными ситуациями в истории логики. Таких ситуаций было немало. И всегда в центре внимания находились проблемы вывода и доказательства, а значит, и проблема истинности, и проблема выводимости. Взгляды на понимание истинности посылок и аргументов, на понимание отношений следования, выводимости часто противостояли друг другу как несовместимые. Как быть в такой ситуации? В поисках ответа обратимся к знаменитому трактату Секста Эмпирика «Против логиков», написанному на рубеже II

и III столетий н.э.¹ Признавая ложными взгляды логиков на истину и на критерии вывода, доказательства, Секст Эмпирик защищает позицию *контрадикторной изостении*, основанную на противоречии всего всему. Говоря об этой позиции, А.Ф. Лосев отмечает, что «в античном скептицизме удивительным образом объединяются и даже отождествляются две разные области, которые всем кажутся не просто разными, но даже и несовместимыми»². Эти области – всеобщее отрицание (всеобщий релятивизм) и абсолютизм. Если то, что А.Ф. Лосев называет «областями», обозначить термином «мировоззренческие установки», то можно предположить, что сочетание этих двух установок – на релятивизацию и на абсолютизацию – характеризует и современное состояние научных и, в частности, логических исследований.

Сам термин «изостения», как замечает А.Ф. Лосев во вступительной статье, означает «одинаковость мысли», «равнозначность», «равновесие», «взаимное предположение», «утверждение и отрицание». У Секста Эмпирика главным значением этого термина является равнозначность именно утверждения и отрицания³. Верность этого принципа равнозначности, по Сексту, подтверждает жизнь, которая состоит из того, что «кажется», а не из того, что «с необходимостью есть». Максимализм, доходящий до нигилизма, выводов философа-скептика, конечно, можно критиковать. Но если грамотно различить внутри отношения несовместимости контрарный (противоположность) и контрадикторный (противоречие) варианты, а также учесть вариант соподчинения, то фактически утверждение Секста Эмпирика о равнозначности утверждения и отрицания означает лишь признание равных шансов оказаться одновременно истинными, или одновременно ложными, или, во всяком случае, одновременно неопределенными у целого ряда несовместимых утверждений. Это вполне согласуется с тем, что выше было сказано о сложности определения истинностных значений многих высказываний.

Примером действия принципа изостении, по-видимому, можно считать появление через несколько столетий неевклидовых геометрий,

¹ Эмпирик Секст. Против логиков // Эмпирик Секст. Соч. в 2-х т., т.1, книги VII и VIII. – М.: Мысль, 1976. – С. 61-243.

² Там же. – С. 49.

³ Там же. – С. 49-50.

а также ряда неклассических логик, основанных на отрицании одного из основных законов логики – закона исключенного третьего. «Равновесное» и «равнозначное» существование разных кажущихся несовместимыми концепций логики, в том числе, концепций умозаключения, а вместе с ними разных взглядов на истинность, правила вывода и их соотношение, – совершенно нормальное для логики положение дел. И еще чему можно было бы поучиться у Секста Эмпирика, так это пониманию того, что логика – необходимая часть философии, и что успеха в разработке логики достигают лишь те, кто занимается философией в целом и понимают единство логики со всеми остальными частями философии; по мнению автора, это, например, Платон, Аристотель, перипатетики, эпикурейцы и стоики¹. Первая же проблема, которая подтверждает тезис о том, что разнообразие логических теорий – неизбежное и нормальное явление, – это проблема классификации умозаключений, рассмотренная в ее историческом развитии.

3.2. Классификация умозаключений как проблема юридической логики

Выделим два направления рассмотрения: от общей логики к юриспруденции и от юриспруденции – к логике.

Что касается общей логики, сразу отметим, что контекст нашего анализа – это логика, взятая в ее историческом развитии и в тесной связи с философией. Наиболее разумной является точка зрения, что не следует «новые» разделы логики противопоставлять «старым» как чему-то отжившему, безнадежно утратившему всякий интерес. «Одночасне існування класичної, традиційної й сучасної логіки не як етапів розвитку, а як повноцінних учасників дослідницьких проєктів сьогодення створює підстави для серйозної розмови як про саму наукову галузь логіки, так і про її соціальні імплікації», – така исследовательская установка участников «круглого стола», состоявшегося в журнале «Філософська думка»². И с ней трудно не согласиться. Выделим некоторые положения, прозвучавшие

¹ Эмпирик Секст. Против логиков // Эмпирик Секст. Соч. в 2-х т., т.1, книги VII и VIII. – М.: Мысль, 1976. – С. 64-65.

² Логіка за часів перемін: академізм vs прагматизм. Круглий стіл «Філософської думки» // Філософська думка. – 2010. – № 5. – С. 5.

на этом «круглом столе», которые особенно важны в контексте дальнейшего обсуждения проблем классификации выводов. (1) «Тип логіки задається типом досліджуваних міркувань» (Володимир Навроцький, с. 6). (2) «Розмежувати формальний, неформальний і філософський аспекти логіки можна далеко не завжди – тим паче важко протиставити їх як окремі дисципліни (Ярослав Кохан, с. 7). (3) «Логіка виконує практичну функцію легітимізації міркувань, які можна здійснювати у будь-якій галузі знання (Ярослав Шрамко, с. 9). (4) «Будь-які судження та умовисновки набувають повноти своїх смислів лише у контексті предметного світу та людського існування. Збагнути ці смисли можна хіба що через неспішне споглядання та роздумливу бесіду» (Андрій Васильченко, с. 17).

Все перечисленные идеи действительно важны при осмыслении теории вывода и теории доказательства как центральных разделов логики. На (1) и (2) из приведенных положений будем опираться при рассмотрении классификаций умозаключений в направлении от логики – к юриспруденции; значимость идей (3) и (4) станет особенно очевидной при постановке той же проблемы в ракурсе: от юриспруденции – к логике. Если сначала нам придется убедиться в том, что какова теория рассуждения, такова и логика, то затем – в том, что от понимания задач юриспруденции зависит и выбор способов рассуждений, их востребованность, независимо от того, разработана ли теория для них в логике или нет.

Умозаключения в логике классифицировались по разным основаниям.

В традиционной логике умозаключения различались *по соотношению предметных областей посылок и заключения* (по соотношению степени их общности).

В *дедуктивном* умозаключении предметная область заключения не выходит за рамки предметной области посылок; это вывод от общего знания к менее общему (частному) или к такому же общему:

В *индуктивном* умозаключении предметная область заключения шире, чем предметная область посылок; это вывод от частного знания (от фактов) к общему:

В случае полной индукции, – когда в посылках учтены все возможные случаи и экстенционально посылки и заключение совпадают, – индукция и дедукция, казалось бы, становятся неразличимыми; однако это не так: направление переноса истинности от посылок о фактах к общему заключению сохраняется как специфический признак индукции.

В *традуктивных* умозаключениях (в том числе выводах по аналогии) посылки и заключение имеют разные, не пересекающиеся предметные области и одинаковую степень общности. Это, в том числе, вывод от одного единичного случая к другому, от частного знания к частному:

В *математической логике* XX века умозаключения различаются по степени формализованности процедуры *перехода* от посылок к заключению, по выполнению специальных правил, регулирующих каждый шаг этого перехода (правил вывода). Здесь центр внимания логиков перемещается на синтаксис текста-рассуждения, что, в свою очередь, предполагает создание специального формализованного языка, фиксирующего синтаксические структуры и отношения между ними. При таком подходе все умозаключения делятся на те, в которых выполняются правила вывода (правильные, демонстративные), и те, в которых правила вывода не выполняются (непра-

вильные, недемонстративные). И, идя вразрез с традиционной логикой, правильные умозаключения называются здесь дедуктивными, а неправильные – недедуктивными. Это совершенно другой смысл терминов «дедуктивный» и «недедуктивный», который стал преобладающим на рубеже XIX и XX веков в научной коммуникации.

По *семантическому* критерию правильные и неправильные выводы в математической логике различаются по принципу материальной импликации: в правильном умозаключении истинность посылок несовместима с ложностью заключения, а в неправильных – совместима.

Чисто синтаксический подход к умозаключению приводит далее к тому, что индукция и аналогия были отнесены к недедуктивным и, что весьма спорно – к априори неправильным, вероятностным умозаключениям. Происходит путаница логических характеристик, имеющих разные смыслы и выделенных по разным критериям.

Можно ли было этой путаницы в терминологии избежать? Можно, если бы традиционная и математическая логика в лице своих теоретиков вступили бы в более активный и конструктивный диалог.

В середине XIX века в логике прекратилось жесткое противостояние «индуктивистов» и «дедуктивистов». Наступил «спокойный» период в развитии логики. Дж.-Ст. Милль построил единую систему логики, в которой практически уравнивал по их значимости в научных доказательствах дедукцию и индукцию: «Индукция имеет такое же право называться умозаключением, как и геометрическое доказательство»¹. Это не мешает ему, правда, отдавать предпочтение индукции, поскольку дедукция имеет, с его точки зрения, крупные недостатки в плане логической корректности и самостоятельности, например: «из общего принципа мы можем вывести только те частности, которые сам этот принцип уже предполагает»², к тому же всякому общему знанию предшествуют индуктивные процедуры³. Многие логики видели в обосновании миллевского

¹ Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер.с 10-го англ.изд. под ред. В.Н. Ивановского. – М. : Книжное дело, 1899. – 781 с. – С. 2-3.

² Там же. – С. 145.

³ Там же. – С. 166.

понимания и теории вывода, и логики в целом преобладание философских и психологических, а не собственно логических доводов. Благодаря трудам Дж. Буля, У.С. Джевонса, Э. Шредера, П. Порецкого, Г. Фреге, Ч. Пирса и многих других ученых в логике происходит смена методологических установок в логических исследованиях, в понимании формализации умозаключений в том числе. «Необходимо теперь связать логику не с философией, а с математикой, – пишет Дж. Буль. – В алгебре правильность процесса «не зависит от интерпретации употребляемых в нем символов, но исключительно от законов их комбинирования»; «изучая законы знаков, мы в действительности познаём основополагающие закономерности рассуждения¹. Метод математического исчисления как комбинирования знаков в рамках принятого символического языка стал основой моделирования умозаключения в математической логике. Этот метод оказался применимым в логике благодаря открытию тождества логических преобразований суждения и известных математических операций. Внимание логиков переключилось с формы-образа (посылки – образ ситуации, сложный знак, соответствующий ситуации) на форму-правило, то есть на правила *перехода* от посылок к заключению, на внутреннее отношение *следования, вывода*, присутствующее в этом переходе. Принятие новой модели вывода означало переход к новому пониманию логики как математически точной науки о дедуктивном выводе. Однако это переосмысление логики не было одномоментным и однозначным. Достаточно сослаться на тот факт, что многие основоположники математической логики не хотели резкого противопоставления ее логике традиционной, более широко понимаемой науке о мышлении. Так, Дж. Буль намеревался, «объединив различные элементы истины, проложить путь к выдвигению некоторых вероятностных указаний, касающихся природы и структуры человеческого мышления»². П. Порецкий рассматривает соотношение основных, с его точки зрения, мыслительных процессов: «дедукции, индукции и идентификации»³.

¹ Цит. по: Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. – М. : Наука, 1967. – 508 с. – С. 318-320.

² Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. – М. : Наука, 1967. – 508 с. – С. 318.

³ Там же. – С. 369.

При этом под «идентификацией» он имел в виду тавтологию («вывод от одной степени общности к той же самой степени общности»); то есть один из ярких разработчиков математической логики не отвергал классификации выводов традиционной логики.

В свою очередь, логики, работающие в фарватере традиционной логики, пытались понять и использовать то конструктивно новое, что появлялось в трудах тех, кто существенно опирался на математические методы. Весьма показателен здесь пример М.И. Каринского (1840-1917). Он считает принципиально важным философское осмысление понятий истинности, достоверности для разработки любой теории доказательства в логике¹. В частности, он не считает убедительными попытки философии «объяснить безусловную всеобщность и необходимость математического знания вообще и прежде всего, конечно, последних посылок этого знания»². Вместе с тем, изучив ряд работ по математической логике, в частности, работы У.С. Дживонса, который считал, что любое суждение выразимо через отношение тождества между субъектом и предикатом, М.И. Каринский пытается использовать идею классифицировать виды умозаключений по типу отношений между субъектами и предикатами в посылках. Автор согласен с тем, что логика должна стремиться к тому, чтобы охватить все известные, уже применявшиеся в науке или жизни формы выводов. «Однако сомнительно, – отмечает М.И. Каринский, – чтобы ею во всей строгости было выполнено даже это требование». И далее: «Прекрасно, конечно, стремиться логические процессы свести к возможно меньшему числу формул. Но для этого нужно отыскать такие формулы, которые обнимали бы разнообразные процессы вывода, не внося в них совершенно излишних для существа дела дополнений»³.

Формулы выводов должны быть *естественными*, то есть соответствовать реальным рассуждениям, *разнообразными* и *достаточно полно* охватывающими пространство используемых в науке

¹ Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. Изд. 2-е. – М. : Кн.дом Либроком, 2011. – 200 с. – С. 3-6.

² Там же. – С. 34.

³ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. – М. Изд. АН СССР, 1956. – С. 45-46.

выводов. Классификация выводов (формул вывода) М.И. Каринского в главных пунктах выглядит так:

А. Выводы, основанные на сличении субъектов двух суждений, или выводы положительные.

- Выводы от отдельных предметов к отдельным предметам.
- Выводы от отдельных предметов к группе предметов.
- Выводы от группы предметов к отдельным предметам.

В. Выводы, основанные на сличении предикатов, или выводы отрицательные и гипотетические.

- Выводы отрицательные.
- Выводы гипотетические.

Для группы А предмет познавательного интереса, «запрос мысли», касается субъекта выводного суждения, и процесс вывода состоит в перенесении на этот субъект признака из другого суждения. Основанием для такого перенесения может послужить только установление некоторого отношения между субъектами выводного суждения и посылки. И отношение это – отношение тождества, которое «может иметь разные виды»¹. Важная деталь: субъект выводного суждения, – уверен автор, – это всегда неопределенно мыслимый предмет, признаки которого никак не исчерпываются содержанием того понятия, которым мы этот субъект обозначили. Это понятие – лишь указание на субъект. В начале рассуждения это всегда некоторый Х, который в пределах данного суждения остается неисчерпанным со многих сторон. Он может быть раскрыт лишь в нескольких суждениях. Но совершенно неизвестным («чистым» жестом указания) он быть не может. Пример автора: археолог открывает развалины города, изучает на них план города, характер его построек и пр. И если при этом на основании исторических и географических сведений он обнаруживает, что это развалины какого-то известного древнего города, то он переносит ряд характеристик, полученных при изучении развалин, на известный ему по историческим преданиям древний город. Понятие о древнем городе – субъект выводного суждения (заключения) и предмет нашего познавательного интереса.

¹ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – С. 60-61.

Это, по классификации М.И. Каринского, – пример вывода от отдельных предметов к отдельным предметам. В современном понимании – это вывод по аналогии. В основании вывода лежит процедура идентификации субъектов по временным и пространственным признакам. Выводы от отдельных предметов к группе предметов включают, по мнению автора, индукцию, третью фигуру силлогизма, выводы от частей к целому и т.п. Соответственно, выводы от группы предметов к отдельным предметам объединяют в себе известные дедуктивные выводы, а также выводы от агрегата к части, ряд вероятностных выводов от логической группы к отдельному предмету.

Для группы В в умозаключении ищется ответ о невозможности перенесения субъекта из одного суждения в другое на основании сличения предикатов этих суждений, то есть выводы этой группы состоят «в заключении от строго логической противоположности двух определений (предикатов) к мысли, что субъект одного из них не может быть субъектом другого¹. В группе А делаются выводы на основании отношения тождества, и потому это положительные выводы. В группе В вывод делается на основании отношения несовместимости, и потому это всегда отрицательный вывод. Типичным примером для выводов группы В является вывод о невиновности подозреваемого лица на основании, что лицо, совершившее преступление, и лицо обвиняемое обладают характеристиками, логически исключаящими друг друга. Если это пространственно-временные характеристики, соотнесенные с моментом совершения преступления, то формула такого вывода заключена в аксиоме (принципе) алиби, которую юристы давно и успешно используют².

К этой же группе Каринский относит разделительно-категорические умозаключения, результатом которых может быть или отрицание одного или более элементов разделительного (дизъюнктивного) суждения, или отрицание самой дизъюнкции, поскольку ни один ее элемент не оказался истинным.

¹ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – С. 140-141.

² Там же. – С. 142.

Классификация М.И. Каринского построена на нескольких важных положениях. Во-первых, выводу предшествует возникающий в мысли вопрос, «*запрос мысли*». Этот вопрос решается или с помощью непосредственного наблюдения, либо на основании других суждений, т.е. с помощью вывода. Во-вторых, целью вывода является убеждение *в истинности* его результата. В-третьих, вывод должен быть произведен так, чтобы «вынуждать признание его *законности*». Для этого в логике должны быть зафиксированы *формулы вывода*, обеспечивающие его надежность, «законность».

Откуда берутся эти формулы? В практике научных рассуждений такие формулы устанавливаются в виде своего рода аксиом, составляющих достояние данной области знания, – уверен автор. Например, историки признают аксиому, что два предмета, современные одному и тому же третьему лицу, не могут не быть современными один с другим. Но это, как считает Каринский, на самом деле не аксиома, а самая настоящая формула вывода для практических рассуждений историков. Для математиков аксиома, что две величины, равные одной и той же третьей, равны между собой, также может функционировать как формула вывода. Можно попытаться свести упомянутые формулы к формуле одной из фигур силлогизма или другой формуле. Но это должно быть естественное сведение, не деформирующее используемые знания. Логика должна выражать аксиомы, добытые в разных областях знания, в виде общих, абстрактных формул вывода, одинаково «естественных» и уместных для разных областей знания.

Насколько классификация самого М.И. Каринского удовлетворяет выдвинутому им требованиям – это предмет особого рассмотрения. Одно бесспорно. Несмотря на ограниченность технических средств анализа, на отсутствие четко разработанного формализованного языка, автор показал, что действительное разнообразие выводов намного богаче, чем это отражено в классификациях традиционной логики и в классификациях первых вариантов математической логики. Например, М.И. Каринский видит крупный недостаток существующих классификаций умозаключений в том, что они неспособны «ассимилировать основные правила теории математической вероятности». «Вне систем логики выросла и развивалась

теория вероятностей и, хотя теперь она принимается в логические системы, так как бесспорно представляет формулы выводов, но на самом деле она остается внешней прибавкой в отношении к традиционным формулам, не составляя с ними одного органического целого, освещенного одной мыслью целого¹.

Хотя прошло более ста лет со времени написания этих строк, данный упрек М.И. Каринского по-прежнему – заслуженный упрек. Вероятностная логика – это сегодня отдельный раздел логики, тогда как вероятностное измерение истинности высказываний (в т.ч. суждений), вероятностное измерение правильности (надежности) выводов должно быть органической частью общей логики как целостной теории.

Резюмируя сказанное, отметим, что традиционная и математическая логика не должны противопоставляться друг другу; они должны друг друга дополнять. В качестве исходной классификации можно, очевидно, принять традиционное деление умозаключений на дедукцию, индукцию и традукцию. Математические модели вывода детализируют, развивают знание о дедукции, но не только. Их способы формализации могут быть использованы и для уточнения процедур остальных видов выводов. Точность моделей вывода, достигнутая в математической логике, должна быть идеалом для логики в целом. Однако надо помнить и о том, что предметная область математики – это область абстрактных объектов и универсальных внутренних отношений между ними. И это обстоятельство отражается на методах математики. Все качества изучаемых предметов определены в той мере, в какой это позволяет рассматривать отношения между ними как внутренние. Само по себе установление внутренних отношений на предметной области не может менять существенные характеристики предметов. Область чисел или область величин удовлетворяют этому требованию, в отличие от области людей или их действий, отношения между которыми свести лишь к внутренним отношениям невозможно.

Теперь обратимся к другому направлению исследования вопроса о классификации умозаключений – от юриспруденции – к логике.

¹ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – С. 52-53.

Какие «формулы вывода», или исходные аксиомы, добытые в практиках юриспруденции, можно рассматривать как материал для логических обобщений? Можно с уверенностью утверждать, что юриспруденция внесла свой весомый вклад в формирование традиционной классификации умозаключений в целом и каждого вида в отдельности. Однако нас интересует здесь другой аспект вопроса: какие типичные, привычные для юристов «формулы вывода» пока еще не нашли в общей логической теории своего точного, последовательного и обоснованного отражения в виде конкретных моделей? Эта проблема серьезно еще не обсуждалась ни логиками, ни юристами. Попытка сформулировать ее, привлечь к ней внимание^{1, 2} производилась, например, в связи с анализом процессов *реконструкции ситуации*, в которой было совершено преступление. Ситуация мысленно реконструируется по тем ее элементам, частям, признакам, которые удалось установить при расследовании дела. Реконструкция события преступления и ситуации, в которую оно было включено, предполагает ответ на целый ряд вопросов: Было ли событие преступления? Какое именно преступление произошло? Кто, когда, где, как и при каких обстоятельствах совершил преступление? Каковы мотивы и каковы последствия совершенного преступления? Какая мера «переступления» через закон имела место, и какая степень опасности и вреда связана с событием для его участников и для окружающих? и т.д. Все эти вопросы в своей совокупности задают своего рода матрицу для будущей реконструкции. Наличие ответов на все эти вопросы, полнота и точность этих ответов – необходимое условие успешной реконструкции ситуации. Сам процесс *поиска ответов* на поставленные вопросы регламентируется криминально-процессуальным законодательством. Но какова логическая сторона этого процесса?

Теоретико-множественное измерение степени общности посылок и заключения здесь не применимо. Под известные схемы дедукции, индукции и традукции этот случай не подходит.

¹ Сумарокова Л.Н. Основы логики. 2-е изд. – О. : Юрид. літ., 2003. – С. 229-231.

² Сумарокова Л.Н. Проблема классификации умозаключений в юридической логике // Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку державності та права. Матер. Міжнар. наук. конф. – О. : Фенікс, 2012. – С. 17-19.

Наиболее релевантными здесь являются интуитивное понятие «построение картины события», а также понятие «система», но не как интуитивное, а как специальное понятие теории систем. Именно теория систем изучает объекты как целостности, которые структурируются с помощью специальных знаковых средств, предполагающих различение как эмерджентных – относящихся ко всему целому, – так и дифференцированных относительно уровней системного представления – характеристик (параметров)¹. Сотрудничество логики и теории систем было бы здесь весьма целесообразным.

Реконструкция ситуации – это процесс мысленного восстановления целой системы по ее известным фрагментам. Для решения этой задачи не все фрагменты равнозначны: одни более, другие менее информативны. С другой стороны, не все типы систем в равной степени поддаются реконструкции. Сбор фактических данных не является хаотической процедурой, он управляется не только вопросами, которые выше были перечислены, но и предварительным гипотетическим образом ситуации или дизъюнкцией таких образов («рабочих идей», гипотез). При этом фактические данные не подгоняются под рабочие идеи и гипотезы, а *распознаются* как их возможные компоненты. Это распознавание может быть и неудачным: фактические данные могут не вписываться в предварительный образ ситуации, что делает неизбежным корректирование последнего или даже отказ от него. Подобные мыслительные операции осуществляют не только юристы, но и археологи, которые по остаткам материальной культуры воссоздают ее целостную картину или системную модель на основе выделения некоторых системообразующих параметров. Диагностическая деятельность врача также может предполагать решение задачи: по отдельным признакам построить образ целого – но уже не как момента прошлого, а как будущего результата процессов, начало которых врач наблюдает. «Формула вывода» как совокупность правил, регулирующих процесс реконструкции целого по его элементам, во всех этих случаях может быть разной, учитывающей специфику соответствующей предметной области и использующей специальные языки. Но задача логики –

¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

всегда поиск своего рода «универсалий мышления»; в данном случае универсальных «формул вывода».

Обычно универсалиями называют категории; однако, учитывая то, что есть не только формализация мыслительного образа, знания, а еще и формализация действия, путем фиксации правил, по которым действие производится, вполне уместно поставить вопрос об «универсалиях мышления» как структурах и правилах вывода. Поскольку «универсалии мышления» понимаются как «категории транслингвистического мышления»¹, можно ставить вопрос о переходе от изучения «формул вывода», существующих в разных областях человеческого познания и выраженных на разных языках, к формулам вывода именно как «трансязыковых универсалий мышления», что, в свою очередь, предполагает «наведение мостов» с помощью метаязыков, возникающих на границах существующих языков науки. И «над» этими языками в данном случае для этих целей подходят язык семиотики, язык теории систем, языки логики, а также другие общенаучные знаковые системы. Выскажем предположение, что «матрица реконструкции ситуации», используемая в криминально-процессуальном праве, может быть использована для построения универсального алгоритма, универсальной системы правил умозаключений «реконструирующего типа».

Умозаключение, в котором в качестве посылок фигурирует знание об известных фрагментах ситуации, а в заключении – знание о всей ситуации – это не единственный пример типичного для юристов вывода, который недостаточно изучен в логике и считается многими внелогической мыслительной процедурой.

В качестве другого, не менее типичного примера можно привести дискуссии вокруг абдукции – рассуждения, с помощью которого происходит выдвижение гипотез. Одни логики считают это рассуждение вероятностным выводом, другие – чисто гносеологической, но не логической процедурой. О деталях этой дискуссии можно получить представление по разделу «Абдукция в юридической аргументации» книги О.Ю. Щербины². Здесь указывается, что сам тер-

¹ Універсалії // Європейський словник філософій: лексикон неперекладностей. Пер.с фр. Том 1. Вид.друге. – К.: Дух і літера, 2011. – С. 271.

² Щербина О.Ю. Логіка та юридична аргументація. Монографія / О.Ю. Щербина. – К.: ВПЦ Київський ун-т, 2013. – 303 с. – С. 185-204.

мин «абдукция» для названия процесса выдвижения гипотезы ввел Ч.-С. Пирс. Однако мы бы хотели обратить внимание на точку зрения позднего Пирса, который, анализируя эволюцию своих взглядов на соотношение дедукции, индукции и абдукции, приходит к выводу о том, что абдукция, в отличие от дедукции, – это *не вывод, не заключение*; это процедура выдвижения временного предположения, некоторой новой идеи, объединяющей наличные факты, дающей им (фактам) *объяснение*¹. Вместо «абдукции» более правильным и более точным термином Ч. Пирс считает «ретродукцию» и далее употребляет именно этот термин.

Итак, предположим, собрав какое-то количество разрозненных фактов, следователь вдруг интуитивно скорее «увидел», чем вывел некоторую идею, которая эти факты объясняет. Можно ли здесь говорить о некоторой «универсалии мышления», о «формуле вывода», лежащей в основе ретродукции? В качестве общей схемы ретродукции Ч. Пирс указывает вторую фигуру силлогизма без отрицательной посылки («неправильный силлогизм») и неправильный модус условно-категорического умозаключения.

У Пирса это выглядит так:

Все, имеющее характер М, должно иметь признак π , выбранный наугад; S имеет признак π . Мы временно можем предположить, что S имеет характер М. Или: Если бы m было истинно, из этого вытекали бы разнообразные следствия π , π' , π'' . Но π , π' , π'' действительно истинны. Мы временно можем предположить, что m истинно.

Если усложнить первую схему, приняв не только S, но и некоторую серию S', S'' и т.д., обладающих признаком π , т.е. опираться не на один, а на несколько фактов, то гипотеза-идея получит большую объяснительную силу.

Что же мешает такие рассуждения считать обычными вероятностными выводами? То, что они построены логически неправильно? Однако выводы, построенные по схеме I фигуры, Ч. Пирс относит к дедуктивным выводам, независимо от того, необходимые они или вероятностные: «Первая фигура охватывает любую дедукцию,

² Пирс Чарльз Сандерс. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года / Ч.-С. Пирс. // Рассуждение и логика вещей / ред. Д.Г. Лахути и В.К. Финн. – М.: РГГУ, 2005. – 371 с. – С. 81.

как необходимую, так и вероятную»¹. Все дело в способе получения первой посылки (гипотезы): она является результатом инсайта, «озарения». Это не логический путь. Многие современные логики также считают, что такое «угадывание» – не более чем интуитивный выбор или создание оптимальной в данной ситуации стратегии поиска, т.е. скорее эпистемологическое, а не логическое действие².

Это *не формализованная процедура* – такой главный аргумент приводят сторонники исключения недедуктивных выводов из числа логически «благонадежных» умозаключений. Такие рассуждения, отмечается при этом, описываются словесно или отражены в некоторых общих схемах, скорее «квазиструктурах», чем собственно структурах³. Но тут хотелось бы возразить следующее. Если перед нами – коммуникация, производимая на естественном языке, то иногда самая общая схема, понятная всем коммуникантам, может значительно повысить уровень определенности знания и помочь оценить, – используя некоторые общезначимые критерии, – степень вероятности вывода, который из этого знания делается. То, что логика пока еще не разработала средств более детального анализа индукции, аналогии, ретродукции (абдукции), не является препятствием для того, чтобы, во-первых, эти формы вывода широко использовались в мышлении, а во-вторых, практический опыт их применения становился бы предметом изучения логики. Иначе получается, что «практические» схемы выдвижения гипотез заведомо отделяются от сферы логического. Это идет вразрез с признанием многими логиками того факта, что посылки для дедукции получают часто с помощью индукции, что результаты и некоторые признаки ретродукции, в понимании Пирса, используются в индукции и дедукции. Сам Пирс признает, что различие между дедукцией, индукцией и ретродукцией не столь радикально, как кажется⁴.

¹ Пирс Чарльз Сандерс. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года / Ч.-С. Пирс. // Рассуждение и логика вещей / ред. Д.Г. Лахути и В.К. Финн. – М.: РГУ, 2005. – 371 с. – С. 169.

² Щербина О.Ю. Логіка та юридична аргументація. Монографія / О.Ю. Щербина. – К.: ВПЦ Київський ун-т, 2013. – 303 с. – С. 189.

³ Там же. – С. 185.

⁴ Пирс Чарльз Сандерс. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года / Ч.-С. Пирс. // Рассуждение и логика вещей / ред. Д.Г. Лахути и В.К. Финн. – М.: РГУ, 2005. – 371 с. – С. 200-201.

И все же ретродукция, которая активно используется в мышлении следователя при выдвижении версий, относится к внелогическому «временному выдвижению временных положений», и, по мнению сторонников Пирса, – это лишь гносеологическая (эпистемологическая, когнитивная и т.п.) процедура. Следует ли отсюда, что критерии определения степени эффективности этой процедуры можно искать только на уровне эмпирических проб и ошибок? Или все-таки надо двигаться в направлении структурирования, формализации (пусть частичной), выявления некоторых устойчивых факторов, которые ранее логикой не учитывались, но которые влияют на надежность, на степень вероятности выдвинутой гипотезы?

Тот же самый вопрос возникает и относительно выводов по аналогии, которые не формализованы, с точки зрения общепринятых в логике критериев формализованности, но которые давно и успешно практически используются в рассуждениях юристов. Это, наряду с абдукцией (ретродукцией), – один из распространенных видов традукции. Используем некоторые обсуждаемые в литературе примеры выводов по аналогии¹.

Вассер проти Шаффер. Ліз Шаффер через недбалість не втримала гальма у своїй машині, і, як наслідок, її машина врізалася у машину, якою керувала Мері Вассер. Мері була доставлена в лікарню із шишками та синцями, але поки вона була там, лікарі помилково ампутували їй абсолютно здорову ногу. Мері подає до суду на Ліз за втрату власної ноги.

Сакко проти Лейна. Лейн недбало використовував бензин, щоб розпалити його барбекю в сильний вітер. Полум'я від барбекю спалахнуло поблизу сусідніх дерев, а потім поширилося на десять будинків у мікрорайоні, спляючи їх щент. Суд постановив, що Лейн несе відповідальність за пошкодження будинків.

Можно ли считать оба случая аналогичными, и почему не вынесено обвинительное заключение против Лиз в первом случае? Обычно в суде разграничиваются понятия непосредственной причины, ограничивающей меру ответственности, и отдаленных звеньев причинно-следственных связей, которые не предполагают такой

² Щербина О.Ю. Логіка та юридична аргументація. Монографія / О.Ю. Щербина. – К.: ВПЦ Київський ун-т, 2013. – 303 с. – С. 173-174.

ответственности. Кроме того, учитывается степень предсказуемости следствий того действия, которое совершил обвиняемый: будучи нормально мыслящим человеком, он может предсказать, предусмотреть, например, последствия разжигания огня в ветреную погоду вблизи жилых строений. Но вряд ли можно было предусмотреть ошибку хирургов в качестве результата неудачного торможения.

Попробуем применить к приведенным примерам разработанную А.И. Уемовым схему аналогии следствий¹. Суть вывода состоит в том, что сходным причинам приписываются сходные следствия.

Основание вывода	Ядро вывода
(a, b) C x	(a) P
-	_____
	(b) P

Основанием вывода является сходство, однородность причин **a** и **b** (в нашем случае – неосторожных действий Лейна и Шаффер), а ядро вывода состоит в переносе информации P о следствии причины **a** на следствие причины **b**. Поскольку общая часть причин **a** и **b** может быть неизвестной, она обозначена через x. При этом **a** выступает как модель, а **b** – предмет исследования. Формула аналогии следствий строилась на материале естествознания. Но ключевые моменты рассуждений юристов и физиков здесь оказываются общими. Во-первых, следует учесть, что утверждение «**a** – причина P» предполагает, что **a** определяет не все свойства P, а лишь некоторый комплекс свойств, достаточных для возникновения P – **c**₁. Модель ситуации должна учитывать это разделение P на **c**₁ (достаточные) и **c**₂ (все остальные) признаки.

В случае с пожаром действия Лейна были достаточными в той ситуации для начала пожара и его распространения. В случае с дорожно-транспортной ситуацией действия Лиз Шаффер нельзя признать достаточными для возникновения комплекса свойств, определяющих событие ампутации ноги.

¹ Уемов А.И. Логические основы метода моделирования. – М. : Мысль, 1971. – 311 с. – С. 83.

Во-вторых, причины **a** и **b** в этих двух ситуациях должны быть однородными и комплексы свойств c_1 в их следствиях должны совпадать. Однако случай с поджогом не может быть моделью (прецедентом) для случая с ампутацией, поскольку связь между признаками внутри **a** и внутри **b** не является однородной, а комплексы признаков следствий c_1 – не являются одинаковыми¹.

Есть и другие примеры недедуктивных выводов. Один из самых ответственных и типичных вариантов умозаключения в юридических практиках – процедура отождествления или идентификации. Обоснование тождества преступника и подозреваемого, обоснование процедуры установления личности, обоснование, что в разных ситуациях использованы были *одни и те же* документы, орудия, схемы действия, способы уклонения и т.п. – все это частные случаи умозаключения отождествления (название весьма условное). На первый взгляд, в современной криминалистике, например, процедуры идентификации или отождествления – это технические процедуры, использующие современные научные знания и технологии. Однако сама по себе техническая процедура без ее логической организации, без логической интерпретации исходных данных и результата, без установления логической связи с соответствующим исследовательским процессом, с решаемыми задачами, – никакой доказательной силы не имеет. В традуктивных выводах всегда присутствуют процедуры сравнения, отождествления, различения. Не случайно Платон Порецкий, как уже отмечалось, называл традукцию идентификацией. В древнеиндийской логике отождествление считалось фундаментальным видом доказательства².

Л.Л. Леоненко обращает внимание на дискуссии относительно статуса процессов сравнения, отождествления в умозаключениях: ряд авторов приходят к выводу, что аналогия – необходимая предпосылка любого рассуждения, а потому теория выводов по аналогии (аналогика) должна стать предпосылочной по отношению к логике. Л.Л. Леоненко считает, что любая теория отождествления, сравнения, аналогии, используемая для оценки правильности,

¹ Уемов А.И. Логические основы метода моделирования. – М. : Мысль, 1971. – 311 с. – С. 186-190.

² Инголлс Д.Х. Введение в индийскую логику навья-ньяя. – М. : Наука, 1975. – С. 36.

достоверности выводов – это не предпосылка, а часть логики¹. И в этом мы с ним согласны.

Список может продолжить такой вид типичного для юристов мыслительного действия как подведение под правовое понятие, подведение под категорию права. Это всегда очень важный шаг – и теоретически, и практически. Иногда это подведение делается правильно, иногда неправильно, с ошибками. Формализовать эту проблему, то есть сделать ее более прозрачной, определенной, последовательной и обоснованной, – это задача юридической логики. При этом не обязательно использовать язык математической логики. Можно обойтись тем специализированным подязыком естественного языка, который используется в современной юриспруденции. Тем более, что в истории логики уже были «наработки» в этом плане; наряду с индукцией, дедукцией и традукцией выделялись и другие виды умозаключений. Например, Л. Рутковский обосновал наличие по меньшей мере трех групп выводов, выходящих за пределы традиционной классификации: умозаключения продуктивного, субдуктивного и едуктивного типов². Процедура подведения, с его точки зрения, – субдуктивный вывод.

Завершая рассмотрение вопроса о классификации умозаключений в юридической логике, отметим, что:

- все виды умозаключений, изучаемые в логике на всем протяжении ее развития, активно используются в юриспруденции;
- существуют важные для юридических дискурсов и для юридических практик такие виды умозаключений, которые не изучались или недостаточно изучались логикой, но изучать которые необходимо для повышения качества выводов и доказательств в юриспруденции;
- формализация такого вида умозаключений – задача юридической логики;
- в процессе формализации могут быть использованы специализированные подязыки естественного языка, выработанного юриспруденцией.

¹ Леоненко Л.Л. Является ли теория аналогий «предпосылкой» логики? / Л.Л.Леоненко/ Проблемы викладання логіки та перспективи її розвитку. VI Міжнар. науково-практ. конф. – К. : 2014. – 155 с. – С. 65-67.

² Рутковский Л.В. Основные типы умозаключений // Избранные труды русских логиков XIX века. – М. : изд.АН СССР. – С. 341-342.

Вопросы для обсуждения к разделу 3.2

1. Как Вы оцениваете наличие двух разных смыслов термина «дедукция» в современной логике?
2. Могут ли недедуктивные выводы быть правильными?
3. Является ли традиционная классификация умозаключений (дедукция, индукция, традукция): устаревшей, успешно работающей и сегодня, завершенной, незавершенной?
4. В каком направлении можно совершенствоваться, уточнять, развивать далее эту (традиционную) классификацию?
5. Каких видов умозаключений, типичных для юридических дискурсов, нет в современных учебниках логики? Почему? Насколько они поддаются формализации? Могут ли они стать предметом изучения юридической логики? При каких условиях?

3.3. Истинность, выводимость, доказуемость: проблема соотношения

Логика XX века позиционировала себя как наука о доказательстве, а свой главный метод – метод формализации – совершенствовала в направлении создания точных искусственных языков, пригодных для построения моделей дедуктивного доказательства. При этом логика преследовала две цели: 1) повышение степени точности, надежности моделей вывода и 2) повышение степени «естественности», то есть приближенности формальных моделей вывода к реальным процессам доказательства, которые осуществляются в науке, преимущественно, в математике. В обоих указанных направлениях были получены фундаментальные результаты, благодаря которым стала возможной и постоянно совершенствовалась компьютерная переработка информации, а также проводились работы по созданию искусственного интеллекта. Увеличилась точность и «естественность» моделей доказательства по мере смены аксиоматических систем системами естественного вывода, а затем секвенциальными и табличными моделями. Тем не менее, логика перестала восприниматься многими гуманитариями как наука о мышлении, как элемент общечеловеческой культуры: в ней видели только «механическое оперирование абстрактными символами, которые не имеют значения сами по себе», а разум здесь «стал слишком похож на машину,

оперирующую символами, ... как это делает компьютер, то есть посредством алгоритмического исчисления»¹.

Эти упреки справедливы лишь отчасти. Нельзя считать недостатком логики то, что она поставила структуру процессов рассуждения в центр своего внимания и тем самым помогла совершенствовать «технологию» процессов доказательства. То, что делает «машина», во многом характеризует человека. Другой вопрос, насколько полно – достаточно ли изучения лишь того аспекта доказательства, который моделируется синтаксисом используемых языков, для широкого практического применения логики в разнообразных ситуациях жизни людей? Доказательство – весьма многогранный коммуникативный процесс. И в центре этого процесса находится то или иное понимание истины. Отношение к категории истины определяет, задает характер всех логических моделей доказательства. М.М. Новоселов обращает внимание на то, что широко известное семантическое определение истины Аристотелем (истина как соответствие действительности) было тесно вплетено в его логику – не только через характеристики посылок силлогизма и через принятие основных законов логики, задающих синтаксис доказательства, но и «в смысле более широком – как неотъемлемый элемент аксиоматической систематизации знания вообще. Последнее обстоятельство ... давало достаточное основание определять истину в ее дедуктивном смысле как доказуемость»². Античная теория доказательства, считает автор, неявно вводила при этом два разных понятия истины: «истина как соответствие», которая усматривается непосредственно, интуитивно (в аксиомах), и «истина как доказуемость», которая постигается дискурсивно как результат последовательности логических шагов, каждый из которых с очевидностью сохраняет истинность знания, выраженного в аксиомах. Это, в свою очередь, привело ученого к выводу, что в силлогистике Аристотеля интуитивный (семантический) и дискурсивный (синтаксический) подходы «использовались на равных»³. Как представляется, это «равенство» – не результат какого-то осо-

¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Гнозис, 2011. – 516 с. – С. 11.

² Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 408 с. – С. 101.

³ Там же.

знанного различения и измерения, а, скорее, – результат нерасчлененности, синкретизма семантических и синтаксических аспектов доказательства в методологических установках логики Аристотеля. В математической логике это «равенство по значимости» заменяется отождествлением истинности и доказуемости, а затем постепенно отождествляемые элементы заменяются одним и принимается вывод о возможности ограничиться только доказуемостью.

Это не исключало наличия разногласий среди логиков относительно места и значимости семантики и синтаксиса в языках логики. Г. Фреге отстаивал монистическое понимание логики: мышление едино, ему должен соответствовать один формализованный язык – улучшенная версия естественного языка, – одна логика и одни критерии истинности. Центральной категорией в логике Г. Фреге и, соответственно, в теории доказательства, была категория истины, а логическое следование рассматривалось как вторичное понятие¹. Сохранение истинности при каждом шаге вывода – здесь главная задача. Но были и сторонники логического плюрализма, признававшие возможность многообразия логик, их языков (Ч. Пирс, Р. Карнап, Я. Лукасевич). Для логика существенно не само различие языков, а различие в понимании отношения следования, а поэтому центральной категорией логики становится понятие логического следования, а не истины, поскольку именно разные трактовки следования дают разные системы логики и разные пути к истине². Эти разногласия имели в своей основе сугубо философские предпосылки, связанные с пониманием мышления, знания, языка в их соотнесенности друг с другом и с миром человеческого бытия.

Однако отождествление истинности, выводимости и доказуемости в самой математической логике было поставлено под сомнение знаменитыми теоремами Геделя и Тарского, которые заставляли понять, что *область интуитивно бесспорных истин намного шире, чем область истин выводимых, доказуемых с помощью принятых современной логикой формализуемых языков*; а потому эти языки нуждаются в постоянном обогащении, развитии.

³ Васюков В.Л. Математический плюрализм и универсальная логика // Логические исследования. Вып.16. Ин-т философии РАН. – М.-СП-б.: ЦГИ, 2010. – С. 107-109.

¹ Там же. – С. 109-110.

При этом в каждой конкретной ситуации приходится уточнять: какие исходные знания могут быть признаны бесспорно истинными; какие формы выводимости и правила, их регулирующие, являются надежными (релевантными); какие формы доказуемости надежны, эффективны? Истинность, как оказалось, существенно зависит от «принятой системы отсчета» – от ситуации познания, коммуникации, от решаемых задач; выводимость различна для разных типов языков и зависит от их возможностей; доказуемость зависит от успешности поиска и оценки аргументов, посылок для вывода.

Возникает вопрос: каковы критерии, позволяющие регулировать наше мышление в целом, устанавливать гармонию между параметрами истинности, выводимости и доказуемости?

Регуляторами, задающими диапазон возможностей для логики в моделировании процессов доказательства, являются два ограничителя, практически давно используемых в логических исследованиях: понятие очевидности и понятие абсурда. Соответственно, в логике действуют два метода доказательства: метод приведения к очевидности и метод приведения к абсурду. «С очевидным не спорят» и «нельзя доходить до абсурда» – это истины, принятые на уровне здравого смысла, топы в смысле Аристотеля: а) они отражают мнение большинства и б) они отражают большинство реально встречающихся ситуаций. Это не характеристики синтаксиса или семантики; это *субъектные* характеристики доказательства, относящиеся не только к прагматике логических языков, но и к прагматике коммуникации.

3.4. Приведение к очевидности и приведение к абсурду как методы доказательства

3.4.1. Приведение к очевидности

Что такое очевидность знания? Прежде всего, это его *антропологическое* измерение. Человек основную долю информации о мире в чувственном опыте получает с помощью зрения. Сама структура термина отсылает нас к этому бесспорному факту: «очевидное – это то, что видно очами». К этому добавилось потом: «видно очами разума». Как отмечает М.В. Попович, термины «теория», «теорема», «тезис» этимологически связаны, как и термин «театр», с древне-

греческим корнем, смысл которого передается приблизительно как «видение-понимание»¹. Другими словами, «видение очами» и «видение очами разума» происходят в единстве друг с другом: «вижу и тем самым понимаю», «понимаю и тем самым вижу». Одним из аспектов очевидности выступает *наглядность* как непосредственная представленность в чувственном, прежде всего в зрительном, опыте. Требование наглядности (демонстративности) доказательства утвердилось в логике со времен римского права: оно состоит в обязательности представления вещественных улик, объектированных в той или иной форме фактических данных. Выполнение этого требования придает доказательству силу, принуждающую к согласию, прежде всего потому, что эта сила действует объективно, выходя за пределы субъективных предпочтений.

Понятие очевидности всегда было в центре внимания философии. У Декарта очевидность связана с ясностью и отчетливостью «начал» – исходного знания, принятого как основа всех рассуждений, которая не нуждается в обосновании. М.И. Каринский критикует Декарта за догматизм, за принятие на веру необъяснимого «обаяния», «неотразимой силы» суждений, которые обладают для нас ясностью и отчетливостью. «Роковой для его философии вопрос о законности этого влияния, роковое сомнение, что, может быть, он обманывается и в том, что он познает ясно и отчетливо»². Насколько *логически* правомерна «невольная вера под оболъстительным именем ясности и отчетливости познания», насколько логически она может быть критерием истины, этого Декарт не сумел рассмотреть, – уверен М.И. Каринский. Он отмечает далее, что «догматизм» Декарта в этом вопросе пытались преодолеть Г. Лейбниц и И. Кант. Г. Лейбниц опирался в своем анализе аксиом на универсальное отношение тождества и на закон тождества, а И. Кант – на логическое оправдание безусловности всеобщности и необходимости аксиом математики с помощью философского понимания созерцания³. М.И. Каринский считает, что

¹ Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. – К.: Наукова думка, 1979. – С. 46-47.

² Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. Изд. 2-е. – М.: Кн. дом Либроком, 2011. – 200 с. – С. 12.

³ Там же. – С. 13-25.

вопрос об очевидности, ясности, отчетливости остается не решенным в философии, что позволяет сделать вывод об относительности всех наших знаний, о необоснованности любых претензий на окончательность, абсолютность любого вида суждений.

Ч. Пирс связывает наблюдение фактов как некоторое интеллектуальное действие с наличием некой «силы» в наблюдаемом предмете: «Подлинное наблюдение, – по Ч. Пирсу, – это то, что нас вынуждает осознать таинственная сила, таящаяся в созерцаемом нами предмете. Акт наблюдения есть осознанное подчинение нас этой ... непреодолимой силе, заблаговременная добровольная сдача, обусловленная нашим осознанием того, что мы – что бы ни делали – в конце концов будем вынуждены склониться перед этой силой. А в случае ретродукции мы склоняемся перед неотступностью идеи. Гипотеза ... неотразима; она повелительна»¹.

То, что Пирс называет здесь «непреодолимой» и даже «таинственной» силой, с нашей точки зрения, есть не что иное как непосредственно переживаемое чувство *очевидности*. Есть очевидность чувственно-визуального наблюдения; есть очевидность осмысления факта; есть очевидность истинности посылок и наличия связи между ними; есть и чувство очевидности при вдруг возникшем «озарении» – идее, позволяющей *объяснить* все факты, до этого казавшиеся разрозненными.

Следует ли отсюда, что понятие очевидности настолько релятивизировано, что становится символом не столько субъектности, сколько субъективности любого знания? В юридических дискурсах этот вопрос стоит особенно *остро*, если учесть, что субъектам юридической коммуникации часто предоставляется право поступать «по своему усмотрению», а судья, например, принимает решение и, соответственно, вариант доказательства на основе «внутреннего убеждения». Среди принципов оценки доказательств существующие процессуальные нормы, как отмечают В.М. Тертышник и С.В. Слинко, содержат, например, следующие:

– Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, свободны в оценке доказательств. Никакие доказательства не име-

³ Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. Изд. 2-е. – М.: Кн. дом Либроком, 2011. – 200 с. – С. 201.

ют заранее установленной силы. Свобода в оценке доказательств гарантируется законом (независимость судей, процессуальная самостоятельность следователя и лица, производящего дознание, соблюдение тайны совещания судей при вынесении приговора и др.).

– Оценка доказательства производится по внутреннему убеждению следователя, лица, производящего дознание, прокурора и суда. Суд в оценке доказательств не связан с выводами, сделанными в обвинительном заключении¹.

Означает ли это, что существующие процессуальные нормы открывают простор для субъективизации понимания процессов доказывания? Нет, не означает. И не только потому, что среди процессуальных требований есть и такие, которые указывают на необходимость объективности.

– Оценка доказательств должна быть основана на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности и изложена в форме мотивированного вывода о том, почему одни доказательства положены в основу решения, а другие отвергнуты.

– При оценке доказательств следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд руководствуются законом и правосознанием².

Эти требования ограничивают ту *свободу* субъектов доказывания, о которой говорилось выше. Но главное не в этом. *Внутреннее убеждение* и *свобода* юриста-профессионала не могут быть субъективными; они тоже должны быть *основательны* настолько, чтобы стать *очевидными* не только для него, но и для всех остальных участников процесса.

В этом плане весьма уместно использовать то понимание логического закона достаточного основания, которое опирается на понятие *объективной достаточности*. В.Н. Брюшинкин разделяет все суждения на а) исходные и б) производные. «Исходные – это аксиомы, определения, суждения о чувственном восприятии или актах веры. Производные – это суждения, истинность или приемлемость которых зависит от суждений класса а). Для каждого производного суждения должны быть предъявлены *основания*,

¹ Тертышник В.М., Слинько С.В. Теория доказательств. – Харьков : Арсис, 1998. – 256 с. – С. 67.

² Там же.

позволяющие считать его истинным или ложным»¹. Эти основания могут быть субъективно достаточными или объективно достаточными. Суждение А имеет субъективно достаточные основания, «если эти основания достаточны для принятия суждения А некоторым субъектом, но недостаточны для принятия его другими разумными субъектами». «Суждение А имеет объективно достаточные основания, если предъявление этих оснований разумному субъекту убеждает его в истинности или ложности суждения А»². Объективно достаточные основания дают информации статус знания, а субъективно достаточные – статус веры³. Свобода принять или отвергнуть чьи-либо доводы для субъектов судебного доказывания, особенно для следователя или судьи, не может опираться на субъективно достаточные основания. «Внутренние убеждения» в данном случае должны – в норме – подкрепляться объективно достаточными основаниями не только в виде закона или бесспорных истин, но и в виде принятых профессиональным сообществом юристов общих *правил коммуникации*. Современное понятие коммуникации, в котором соединены рациональность, этика и свобода, соотносенные с коммуникативным действием (Юрген Хабермас), помогает поновому взглянуть на процесс доказательства и на понятие очевидности. Правила коммуникации – «те и только те правила, которые могли бы быть одобрены всеми возможными заинтересованными лицами – «участниками рационального дискурса»⁴. Это одобрение должно быть свободным и честным. Честность процедуры принятия судебного решения предполагает честность процедур доказательства и честность самой интуитивной способности «взвешивать все», «учесть все» и найти *соразмерность* преступления и наказания друг с другом, с законом, с принципом и чувством *справедливости*. Принцип справедливости и чувство справедливости должны образовывать фундамент «внутреннего убеждения» и «чувства оче-

¹ Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с. – С. 168-169.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Хабермас Юрген. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с. – С. 409.

видности», которые возникают у того, кто доказывает и принимает решение. Судебное доказывание по своей сути и есть «видение-понимание», роднящее его с театром; не в плане «подражания», а в плане вызывания обостренного чувства искренности или фальши, справедливости или несправедливости у тех, кто присутствует при рассмотрении дела, или у тех, кто потом анализирует ход судебного доказывания. Иными словами, очевидность вывода сопровождается активным аксиологическим компонентом.

В юридических доказательственных дискурсах *очевидность* предстает как *коммуникативная приемлемость*, которая опирается на *объективно достаточные* – для любого разумного, нормального участника коммуникации – *основания*.

Очевидными должны быть не только «начала» доказательства (исходная информация), но и вся совокупность шагов, составляющих процесс доказательства (вывод), а также полученный результат (тезис, заключение вывода).

Если математическая логика больше контролирует процесс, оставляя в тени семантический аспект «начал» и «результата», то юридическую логику интересуют все эти компоненты, в том числе, семантические варианты посылок и заключения, взятые в прагматическом контексте целей, задач, ситуаций.

И в этом плане проект юридической логики приобретает общие черты с теми современными проектами логики, которые известны под названиями «неформальная логика» (практическая логика, реально помогающая конкретному человеку решать его повседневные проблемы), «нестандартная логика» (логика решения нестандартных задач, развивающая нестандартное мышление)¹, логика критического мышления². Реализация подобных логик начинается с поиска и вычленения новых классов логических задач, возникающих в разных областях человеческой деятельности, затем должен быть проведен их анализ и, наконец, – построены теории

¹ Михайлов К.А. Логика : учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2012. – 553 с. – С. 132-148.

² Тягло А.В. Критическое мышление в современном украинском образовании // Логіка та багаторівнева система освіти. Матер. Міжнар. Науково-практ.конф. – К. : Київ.ун-т, 2006. – С. 130-131.

решения для отдельных классов, типов задач¹. «Применение метода постоянного задавания вопросов ... с целью оценки качества рассуждений самым тесным образом связано с трактовкой рассуждения как *диалогического*»².

«Метод постоянного задавания вопросов» – главный путь движения к ясности, очевидности «начал», «вывода», «результата» и всего процесса доказательства. Очевидность – итоговое свойство удавшегося, эффективного доказательства.

В.Б. Губин справедливо задается вопросом: почему более фундаментальный прием доказывания – приведение к очевидности – редко упоминается, хотя применяется универсально? Вместо него на уровне обыденного сознания распространено убеждение о значимости числа аргументов, «стремление привести больше аргументов», что «превращает доказательство в уговаривание»³. Ученый далее настаивает на том, что очевидность связана с пониманием *связи* событий, с усмотрением *согласования* всего, что причастно к данному вопросу и с *уместностью самого вопроса*⁴. В силу этого автор считает, что очевидность появляется не столько как начальный пункт (как у Декарта), сколько как результат доказательства. Эти моменты нуждаются, по видимому, в специальном изучении. Но сама постановка вопроса правильна. И для юридической логики актуальна.

Упрек в адрес очевидности как качественной характеристики доказательства обычно состоит в том, что очевидность сугубо субъективна. Однако она связана с установлением отношения между истинностью, выводимостью и доказуемостью. Очевидность не более субъективна, чем перечисленные компоненты доказательства, поскольку она является интуитивно установленным их единством, проверенным и удостоверенным в коммуникации. Очевидным может быть признано лишь то знание, тот процесс его переработки и обоснования, который не оспаривается ни одним участником до-

¹ Николко В.Н. Об одной модели многоуровневой системы логического образования в Украине // Логіка та багаторівнева система освіти. Матер. Міжнар. Науково-практ. конф. – К. : Київ.ун-т, 2006. – С. 95.

² Михайлов К.А. Логика: учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2012. – 553 с. – С. 140.

³ Губин В.Б. О приведении к очевидности как доказательстве в реальности // Философия науки. – 2002. – № 3. – С. 144.

⁴ Там же. – С. 154.

казательственного дискурса как диалога (полилога) сторон. Только в коммуникативном взаимодействии сторон очевидность доказательства как «освобожденность от актуального сомнения»¹ приобретает статус его *объективного* качества. Противостоящие очевидности качества – это сомнительность, неясность, спорность, то есть – неопределенность. Вот почему процесс доказательства явно или неявно всегда сопровождается не только «задаванием вопросов», но и критикой, возражениями. Для судебного доказывания это особенно характерно. Расхождение интересов сторон не способствует консенсусу в коммуникации; «очевидности» сторон могут сильно различаться. Однако в коммуникации есть свои правила. Каждое возражение должно быть обосновано. Безосновательное сомнение, безосновательное несогласие должно уступить место объективно достаточным разумным доводам. Точно так же субъективная очевидность должна уступить место коммуникативной очевидности, признавая обоснованную рациональную критику в свой адрес.

3.4.2. Приведение к противоречию или абсурду

Приведение к противоречию или абсурду в логике считается составной частью одного из видов косвенного (непрямого) доказательства – «от противного». Структура этого доказательства, как известно, включает 1) принятие истинности антитезиса ($\neg T$) в качестве допущения. Затем 2) из принятого допущения и всей имеющейся в наличии информации (аргументов) строится рассуждение. И если 3) в процессе рассуждения мы приходим к противоречию или абсурду, то это означает ложность принятого допущения, что, по закону исключенного третьего, автоматически означает доказанного исходного тезиса T . Наличие противоречия между утверждениями и наличие абсурда здесь имеют одинаковую значимость для хода доказательства. Но смыслы этих двух типов несовместимости разные.

Что значит термин «противоречие» в современной логике? Это один из видов несовместимости. Несовместимость высказываний – это отношение контрарности (одновременная истинность высказываний невозможна, но одновременная ложность – возможна);

¹ Кирющенко В.В. Язык и знак в прагматизме / Виталий Кирющенко. – СПб, 2008. – С. 52.

контрадикторности (ни одновременная истинность, ни одновременная ложность высказываний невозможны); соподчинение (одновременная истинность невозможна, а одновременная ложность имеет место). Закон непротиворечия действует для всех трех указанных видов несовместимости, а закон исключенного третьего – только для отношения контрадикторности. В доказательстве «от противного» обязательно наличие отношения контрадикторности. Однако любое осмысление сути отношения противоречия (контрадикторности) предполагает обращение к пониманию целого, сторонами которого являются противоречащие друг другу высказывания, а также к пониманию противоречия как *одного из видов* несовместимости и далее – различия, соотношенности, равновесия. Это означает выход в контекст философии, более широкий, чем контекст логики.

Категории противоречия, противоположности (в меньшей степени – абсурда) активно обсуждаются на протяжении всей истории философии. И.А. Герасимова констатирует: «С появлением обширного историко-культурного материала классическая методологическая проблема взаимоотношения противоположных начал вновь становится актуальной. Оппозиция диалектики и аналитики в методологических дискуссиях дополняется новым измерением и новыми понятиями – парой противоположностей – *двойственность / недвойственность*. Принцип двойственности предполагает выстраивание познавательных стратегий с разделением на противоположные начала, а принцип недвойственности делает акцент на их едином источнике (холистические стратегии). ... Имеется *множество* различных мыслительных стратегий оперирования противоположными понятиями и началами. Эта множественность имела и в архаическом мышлении, и тем более проявляет себя в современных дискурсах»¹. Оппозиция – аналитики и диалектики, о которой говорит автор, – это, по сути дела, соотношение между логическим и философским пониманием проблемы. Они должны быть гармонизированы, а любой разрыв или несогласованность между ними свидетельствует о нарушениях, об «отключениях» в развитии этих двух аспектов освоения мира.

¹ Противоположности и парадоксы (методологический анализ) / отв. ред. И.А. Герасимова). – М. : Канон +, 2008. – 432 с. – С. 3.

В истоках философии уже отражено мышление древних через оппозиции: свет/тьма, верх/низ, свое/чужое, мужское/женское, добро/зло, правда/ложь, чет/нечет и т.д. Как отмечает И.А. Герасимова, оппозиции были не только бинарными (диадами); они были и триадами, тетрадами, пентадами. Возможны и другие сознательно или бессознательно производимые варианты структурирования мысли. При этом важную роль играло число, организующее и мир, и человека, его познание, творчество и действие. Единица, двойка и тройка в числовой картине мира играли особую роль. *Единица*, или монада, – символ целостности и единства, символ активности, центра мира. *Двойка*, или диада, имела двойное значение: противопоставление, разделение единого, с одной стороны, и соответствие, однородность (двуединство, дополнительность) – с другой. «Для человека двойственность в аспекте отражения глубинной порождающей субстанции... воспринималась и как символ зла и невежества (следствие разделенности и в дальнейшем деградации), и как символ мудрости (которая рождается из преодоления несовершенной двойственной природы человека...)»¹. Для классической логики одновременное утверждение исключających друг друга высказываний (в том числе противоречие) – запрещенная вещь и в определенной мере – зло для легитимности доказательства. Когда наличие противоречия может и не быть злом, – предмет изучения в неклассических логиках. *Тройка* фиксирует начало синтеза, соединяющего воедино противоположные начала, все возможные оппозиции, в том числе Неба, Земли и Человека; духа, души и тела. В диаде противоположности не согласуемы, но в триаде согласование возможно². Триада часто мыслится таким образом, что предполагает либо наличие переходного состояния, либо отсутствие качества (примеры: «за» – «против» – «воздержался»; «симпатия» – «апатия» – «антипатия»; «действие» – «бездействие» – «противодействие»)³.

Изучение противоречий, противоположностей может достигать уровня мудрости только тогда, когда человек постигает триаду

¹ Герасимова И.А. Проблема двойственности в историко-культурном контексте // Противоположности и парадоксы (методологический анализ) / отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: Канон+, 2008. – С. 13.

² Там же. – С. 19.

³ Там же. – С. 20.

как высший по отношению к диаде способ структурирования мира. Только зная о триаде, можно сформулировать принципы работы с бинарными оппозициями. В изложении И.А. Герасимовой, это принципы *корреляции* (одно не существует без другого); *активизации* (если задействуют одно противоположное начало, то проявляется и другое); *аннигиляции* (если иссякает одно противоположное начало, то не будет и другого); *поляризации* (если усиливается крайнее проявление одного противоположного начала, то усиливается и крайнее проявление другого противоположного начала)¹. Энергичная диалектика добавляет сюда также принцип *гармонии* (противоположные начала не могут быть абсолютно равными и устойчивыми, но и слишком большое («грубое») отклонение от равенства губительно и для них, и для целого; принцип *иерархичности* (в иерархическом целом по принципу полярности организуются его соподчиненные уровни – высшие и низшие)².

В классической логике, отмечает автор, противоположные начала «мыслятся как изолированные», «неистинность совпадает с ложностью, а неложность совпадает с истинностью»³.

Элементы диалектического понимания соотношения истины и лжи характерны для неклассических логик. «Неполнота и неопределенность информации, альтернативно-сценарные стратегии, соотнесенность с человеком, процессуальность – признаки неклассических ситуаций», изучаемых неклассическими логиками⁴.

Неистинность и ложность в неклассических логиках не тождественны друг другу. Философия недвойственности предполагает, что в некоторых контекстах оппозиции становятся разрушительными или созидательными силами в зависимости от намерений и дел человека, от его мудрости⁵, а в других контекстах – человек лишен возможности управлять ситуацией, – не будучи в состоянии понять

¹ Герасимова И.А. Проблема двойственности в историко-культурном контексте // Противоположности и парадоксы (методологический анализ) / отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: Канон+, 2008. – С. 16-18.

² Там же. – С. 32-33.

³ Там же. – С. 21-22.

⁴ Герасимова И.А. Оппозиции // Противоречие и дискурс. – М.: Изд. Ин-та философии РАН, 2005. – 185 с. – С. 11.

⁵ Там же. – С. 23.

божественного замысла, он вынужден принять то, что кажется ему разрушительным, злым, абсурдным (Кьеркегор, например, ситуацию абсурда связывал с испытанием человека Богом, с испытанием истинности его веры в Бога).

Абсурдом может казаться человеку (особенно человеку науки) и логическое противоречие. Но категория абсурда применима, главным образом, там, где ее смысл не ограничивается признанием, что *этого не должно быть, не может быть*, а включает экспрессивную составляющую: *это* внушает страх, *это* – знак смерти, разрушения, небытия.

В логике эта «вторая» часть смысла обычно отсекается, во всяком случае, уходит в тень. А в искусстве, напротив, экзистенциальный смысл этой категории включает в себя «страх и трепет» перед таинственной неизвестностью, непонятностью ситуации абсурда. «Абсурд, – нелепица, извращение, то, для чего нет закона, и потому абсурд не жизнеспособен по определению. Но он присутствует в бытии, и даже строит его как систему – хаосомную, бестолковую, бессмысленную, но со строго определенным *концептом*: это путь смерти, – пишет И.В. Дмитриевская; и далее: Для длительного бытия деструктивного абсурда нет закона, значит, он сам приговорен к смерти, лишен трансцендуса, сакральности, отношения к безусловному началу»¹.

С автором во многом можно согласиться: абсурд деструктивен и в этом смысле – путь к смерти. Но только если *исходить из диады* и делить все на существующее необходимо (по закону) и существующее вопреки закону, не по правилам. А если исходить из триады как единства, как целого, то это целое нельзя свести к отношению только компонентов «по закону» и «не по закону» существующих; само возникновение абсурда можно истолковать как знак либо неполноты, неадекватности *нашего понимания целого* либо как знак *неизбежности преобразования*, изменения этого целого. Существование «неправа» – абсурд с точки зрения перспективы построения правового государства. Но, с позиций принципа недвойственности, – сам этот абсурд (неправо) может быть объяснен как неизбежное явление

¹ Дмитриевская И.В. Системная герменевтика: концепты, смыслы, тексты. Монография. – Иваново : ИГСХА, 2014. – 384 с. – С. 364.

при определенном состоянии дел в обществе. Абсурд – здесь знак «смерти» *этого* состояния дел, и знак, необходимости *перехода к другому* состоянию дел, – знак необходимости смены одного целого другим целым. Векторы развития тоже меняются.

Следует отметить, что в юридических доказательственных дискурсах приведение к абсурду гораздо чаще фигурирует, чем в чисто теоретических дискурсах математики или других точных наук. Абсурдными могут быть и жизненные ситуации, и поступки человека – не только в плане их несоответствия правовым нормам, но и в плане их несоответствия общекультурным матрицам – морали, традициям, ценностям, внутренней естественной логике нормальных человеческих отношений, поступков, намерений и т.д. Противоречие поступка с законом иногда может быть разрешено за счет смены закона: но абсурдность поступка с точки зрения его несоответствия общекультурным принципам и концептам разрешается, скорее всего, за счет смены поведения человека.

Резюме и выводы к разделам 3.3. и 3.4.

Истинность, выводимость и доказуемость фактически не совпадают друг с другом даже в самых точных, формализованных вариантах современной логики.

– Очевидность конечного результата доказывания может усиливаться за счет очевидности отдельных составляющих этого процесса, объективированных тем или иным способом: есть очевидность истинности или ложности аргументов; есть очевидность наличия или отсутствия правила; есть очевидность констатации соблюдения или несоблюдения правила; есть очевидность релевантности или нерелевантности информации решаемой проблеме и т.д. Однако оценка доказательства как некоторой целостности все же имеет решающее значение. Главное – установление с очевидностью связей, отношений между компонентами доказательства, а не каждый из них в отдельности.

– *Очевидность доказательства – это внешняя и внутренняя согласованность с объективно-достаточными основаниями, достоверными и принятыми в профессиональной коммуникации.*

– Приведение к противоречию или абсурду как разновидность доказательства является производным, частным случаем применения метода приведения к очевидности, так как предполагает принятие очевидных объективно-достаточных оснований относительно понимания противоречия, противоположности, несовместимости, дополнительности как отношений внутри некоторого целого.

– В классической логике «приведение к абсурду» и «приведение к противоречию» фактически равнозначны в процессах доказательства и поэтому не различаются;

– В неклассических логиках само по себе наличие противоречия не всегда играет важную роль в процессах доказательства (паранепротиворечивые логики, интуиционистские логики, где не действует закон исключенного третьего);

– В философских дискурсах термины «противоречие» и «абсурд» используются иначе; здесь имеет смысл различать двойственные и недвойственные подходы к изучению мира; кроме того, категория абсурда включает в свое значение выраженный экспрессивный компонент, существование которого не обязательно для категорий противоречия и противоположности;

– В юридической логике приведение к противоречию и приведение к абсурду как методы доказывания не совпадают и не являются равнозначными: приведение к абсурду обладает большей общностью и большей доказательной и убедительной силой.

Глава IV

ЛОГИКА СУДЕБНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

4.1. Аргументация и доказательство. Теория аргументации и логика

Современное понимание соотношения доказательства и аргументации, логики и теории аргументации не лишено моментов их противопоставления: считается, что логика занимается изучением доказательства как формализованной процедуры с помощью специально созданных искусственных языков, а теория аргументации изучает процессы убеждения, обоснования, осуществляемые в речевой коммуникации с использованием естественных языков. Это противопоставление – результат тех процессов сужения предмета логики и ограниченного понимания метода формализации, о которых выше уже говорилось. Современная теория аргументации не случайно появилась в 60-х годах XX века под именем «*неориторики*». Логика как наука о доказательстве и риторика как наука об убеждении существовали уже у Аристотеля. «Неориторика» начинала свое современное функционирование с критики логики. Один из основоположников неориторики Х. Перельман отмечал: «Большинство доказательств, используемых в праве, этике, философии, в политических дебатах и в повседневной жизни не могут иметь отношения к логике в строгом смысле этого слова», а «в работах по логике редко рискуют исследовать доказательства, используемые в гуманитарных науках»¹. В процессах создания неориторики особая роль отводилась рациональным схемам и правилам, приме-

¹ Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. – London, New York, 1963. – P. 53, 168.

няемым в судебном доказательстве; именно последнее признавалось образцом для «живой» аргументации, а вовсе не математическое доказательство, как это было ранее. Судья доказывает иначе, чем математик: он обязан принять решение, выбирая из множества возможных решений, выбирая из множества возможных решений наиболее вероятное. Согласовывая с законом свой выбор, судья использует не аналитическую логику, а некоторый вариант рациональности, работающий с мнениями и потому находящийся за пределами логики (это и есть сфера новой теории аргументации – «неориторики»)¹.

Острота критики логики в современной теории аргументации по сравнению с 60-70-ми годами XX века заметно уменьшилась, особенно после того, как неориторике пришлось «переоткрыть» содержание некоторых разделов «Аналитик» Аристотеля, в особенности «Топики», а логика во второй половине XX века обогатилась новыми работами в области теории доказательства. Можно, конечно, отнести «Аналитики» к неформальной, полуформальной логике, или пред-логике, как многие считают, но возможен и другой подход: признать предметом логики более широкую область структур рассуждения, чем это было принято в середине XX века. Соответственно, теория аргументации не может не включать логическую часть, состоящую из учений о доказательстве, об опровержении, о споре, о работе с гипотезами, которые были предметом изучения в «доматематической» логике, и, возможно, будут предметом изучения в пост-математической логике, которая будет опираться на другие способы формализации процессов мышления. О принципиальной возможности пост-математической стадии развития логики писал А.И. Уемов, предполагая развитие интенциональных формализованных языков, построенных на другом категориальном базисе, чем существующие сейчас языки математики².

Аргументацию обычно определяют как процесс обоснования знания или действия, происходящий с использованием естественных языков и имеющий главной целью *принятие* определенного

¹ Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument. – London, New York, 1963. – P. 97.

² Уемов А.И. Некоторые вопросы развития современной логики // Философия науки: системный аспект / Уемов А.И. и др. – О.: Астропринт, 2010. – С. 214.

утверждения или действия *другой стороной*. Другой стороной называются участники коммуникации – адресаты аргументативного воздействия.

В знании обосновываются *истинность* или *ценность* (значимость). В действии обосновываются выбор *цели*, выбор *средств* ее достижения, а также, что главное, может обосновываться *эффективность, результативность* действия, то есть *соотношение* цели, средств и результата, позволяющее говорить об успешности данного действия или его неуспехе.

Если идти от логики, взятой в ее развитии, к юриспруденции, то, вероятно, можно соотношение аргументации и доказательства показать с помощью следующей схемы:

Схема 6
Виды аргументации

В классической логике разрабатывается теория доказательства как один из вариантов аргументации *pro*, то есть как вывод тезиса, – преимущественно дедуктивный – из имеющихся аргументов.

Структура доказательства в традиционном ее понимании – с определенными модификациями – стала интерпретироваться се-

годня как структура любого вида аргументации. Это касается, прежде всего, выделения тезиса, аргументов и формы.

Эти элементы выделяются и в доказательстве, и в опровержении, и в споре. То же можно сказать и о таких правилах доказательства, как точность формулировки и постоянство смысла тезиса, истинность, непротиворечивость аргументов, их обоснованность независимо от тезиса, их достаточность для процесса обоснования тезиса, а также требование к форме обоснования, которая должна подчиняться всем правилам, принятым для вывода в данном виде логики.

Если идти от юриспруденции к логике, то центральным видом аргументации придется признать тот, который в схеме 6 обозначен как «аргументация pro et contra», то есть, в конечном счете, спор. Однако это не означает, что другие виды не употребляются: напротив, юриспруденция – сфера применения всего разнообразия видов аргументации и на теоретическом, и на практическом ее уровнях.

Наиболее типичным, модельным примером аргументации при этом можно считать судебное доказывание – судебную аргументацию. Нельзя не зафиксировать разницу в терминологии: в логике употребляется один термин «доказательство», а в юриспруденции два термина: «доказывание» и «доказательство». В юриспруденции термин «доказательство» чаще используется для обозначения определенного вида аргументов – «фактических данных», и несколько реже – для обозначения процедуры обоснования истинности тезиса, аргумента или другого утверждения, существенного для выяснения обстоятельств дела, для реконструкции исследуемой ситуации. Термином «доказывание» охватывается весь процесс сбора, проверки, фиксации, принятия, оценки и использования аргументов для получения конечного вывода и решения по делу¹.

Иными словами, понимание юристами термина «доказывание» приближает его по смыслу к более широкому термину «аргументация»; однако в контексте юриспруденции нет оснований для противопоставления доказательства и аргументации ни по языку, ни по цели: оба обозначают варианты обоснования, проводимые на естественном языке, в речевой (письменной и устной) коммуникации.

¹ Тertyшник В.М., Слинько С.В. Теория доказательств. – Харьков : Арсис, 1998. – 256 с.; Белкин А.Р. Теория доказывания. – М. : Норма, 1999. – 429 с.

Цель судебного доказывания не предполагает противопоставления «доказательства» и «убеждения»: и доказательность, и убедительность в равной степени обязательны для судебного доказывания, особенно, – производимого публично.

Наибольший вклад юриспруденции в развитие логики может состоять как раз в том, чтобы структуры, эталоны и правила доказывания, сложившиеся в тысячелетней судебной практике, сделать предметом анализа, оценки в современной логике, особенно с точки зрения их возможного использования для развития и обогащения логики в целом и, в частности, логической теории аргументации.

Первое, что следует сделать в этом направлении, – выделить те эмергентные (то есть касающиеся аргументации *как целого*) характеристики судебного доказывания, которые проявились наиболее отчетливо в теории и практике юриспруденции и которые весьма интересны для логического анализа.

4.2. Эмергентные свойства судебной аргументации

С точки зрения логики и с точки зрения права любая юридическая аргументация должна быть *формализованной*, то есть представленной в знаковой форме и быть в максимальной степени *определенной, понятной, прозрачной* для всех участников коммуникации. Но сами способы формализации судебной аргументации должны быть релевантны *той концепции права*, которая принята. Логика права определяется идеей права, принципами и концептами права. Это аксиома для любой формализации, для разработки любого инструментария, который используется при исследовании хода мышления в сфере права. Тем более это касается осмысления судебной аргументации как некоторого единства, как целого.

Специфика «логического самосознания» современной юриспруденции не может не зависеть от той смены парадигм, которая сейчас происходит и которая касается переосмысления сути судебного права. Правоведение избавляется от односторонней трактовки правосудия как своего рода карательной машины: функция наказания, принуждения не только не единственная, но и не главная его функция; главной функцией *должна стать* функция гармонизации правовых отношений в обществе. Реальные правовые отношения

гораздо богаче, чем двойственность позиций субъектов аргументации – обвинения и защиты. Гармонизация отношений не означает нивелирования всех остальных различий, механического уравнивания претензий сторон: «полное равновесие грозит остановкой движения и всякого развития»¹. Однако уравнивание неравного – в определенном смысле – суть судебного процесса: «Специфика суда, его объективная природа и вместе с тем его отличие от других видов социальной регуляции в реализации принципа формального равенства, равного отношения к сторонам-участникам судебного процесса»². Здесь имеется в виду не нивелирование качеств субъектов правоотношений, а уравнивание их *прав на справедливость*. Правила должны быть одинаковыми для всех участников.

Принципу формального равенства наилучшим образом соответствует найденная и закреплённая в судебной практике форма доказывания – *диалог (полилог)*. Этой форме, в свою очередь, релевантны изученные в логике нелинейные схемы доказательства, предполагающие построение целых «деревьев» возможностей. Схемы естественного вывода, опирающиеся на принятие и исследование гипотез, столь же органичны для судебного доказывания, сколь органичны для него и секвенциальные варианты, предполагающие построение деревьев возможностей уже не на уровне дескриптивного знания (например, суждений сторон), а на уровне выводов: «При движении вниз по дереву переходят не от формулы к формуле, а от выводимости к выводимости»³.

Конкуренция доказательств, их сопоставление, оценка и выбор оптимального варианта – типичная ситуация в судебных коммуникативных дискурсах.

Вот почему в качестве первых двух фундаментальных свойств судебного доказывания как целого следует назвать *диалогичность (полилогичность)* и *альтернативность*.

¹ Герасимова И.А. Оппозиции // Противоречие и дискурс. – М. : Изд. Ин-та философии РАН, 2005. – 185 с. – С. 16.

² Пашинский А.И. Специфика правосудия в контексте либертарного правопонимания // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып.2. – М. : ГУВШЭ, 2009. – С. 238 (239).

³ Антонова О.А. История развития теории логического вывода в XX в. // Логико-философские штудии. Вып.3. – СПб : изд-во С-Петербур. ун-та, 2005. – С. 96.

4.2.1. Диалогичность (полилогичность)

Диалогичность (полилогичность) доказывания, закрепленная и в судебных практиках, и в нормах процессуального права, предполагает обеспечение равных возможностей *всех сторон* в судебном споре, состязательный характер процессов рассмотрения дела. Обязанностью суда является определение числа сторон судебного спора, их информирование о времени и месте рассмотрения дела. Поскольку логической формой судебного доказывания является спор, то все логические требования к спору должны выполняться: перед началом спора должны быть уточнены предмет спора (проблема, подлежащая решению), число сторон; каждая сторона должна сформулировать свой тезис и основные доводы; каждая сторона должна получить возможность уточнить и свою позицию, и позиции других участников (с помощью вопросно-ответной процедуры); каждая сторона должна соблюдать законы и правила логики.

При этом структура судебной аргументации складывается из $n+1$ тезисов, $n+1$ рядов аргументов, $n+1$ вариантов демонстрации, где n – число сторон; к позициям сторон прибавляется позиция суда, которая может не совпадать ни с одной из позиций сторон.

Диалог (или полилог) сторон ведет и регулирует судья. По отношению к нему действует правило спора: все стороны должны доверять тому, кто ведет спор.

Диалогичность судебного доказывания проявляется в трактовке известных правил доказательства: истинность или правдоподобность приводимых аргументов должна приниматься не только адресантом, но и адресатом: «Если мы приведем такой довод, который наш собеседник не признает верным, то это будет промах», – пишет С.И. Поварнин в своей книге «Спор»¹, входящей в обширный труд, посвященный прикладной логике. Автор отмечает, что уже при уточнении предмета судебного спора *важно выяснять точки согласия и точки несогласия сторон*. Например, стороны могут «не соглашаться а) с тем, что *все* обвиняемые совершили данное преступление; б) с тем, что вообще *кто-нибудь из них* совершил его; в) с тем, что данный проступок – *преступление*; г) с тем, что он –

¹ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – СПб.: Лань, 1996. – 160 с. – С. 9.

преступление, *предусмотренное такой-то статьей*; д) с тем, что эта мысль *достоверна* и т.д.». Если найдены пункты разногласия, то каждый из этих пунктов становится источником особого спора¹.

Диалогичность (полилогичность) судебного доказывания является ценной не только потому, что она позволяет обеспечить соблюдение таких фундаментальных принципов права, как равенство и справедливость, но и потому, что она способствует всесторонности и полноте и, тем самым, объективности, непредвзятости рассмотрения дела. Отражением диалогичности судебного доказывания можно считать появление понятия «бремени доказывания», связанного с *процедурой распределения функций, ролей* участников судебного спора. Эта процедура закреплена в процессуальном праве, фиксирующем роли обвинения и защиты, истца и ответчика. При этом следует различать право участвовать в доказывании, обязанность осуществить доказывание во всей его полноте, обязанность осуществить некоторые функции в процессе доказывания.

Бремя доказывания как обязанность в полном объеме возлагается на суд и является, как подчеркивает Т.В. Лукашкина, разновидностью юридической обязанности, за невыполнение которой применяются санкции правовой нормы². Понятие *распределения* бремени доказывания приобретает смысл только при наличии нескольких субъектов доказывания. Никакого распределения бремени доказывания не происходит, когда система судопроизводства такова, что судья совмещает функции следователя, обвинения, защиты и собственно суда. При наличии разделения этих функций возможен диалог (полилог) субъектов доказывания; при этом возникает спор как состязание сторон. Каждый субъект доказывания *выполняет свою функцию* в судебном доказывании; внешне это может быть похоже на монолог. Но в целом доказывание в конечном счете приобретает структуру спора, нередко конфликтного. Право, функция и обязанность доказывания совмещаются для суда (судьи) и не всегда совмещаются для остальных субъектов доказывания. Например,

¹ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – СПб.: Лань, 1996. – 160 с. – С. 14.

² Кримінальний процес України. Навчальний посібник для підготовки до іспиту / Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкина Т.В., Гловюк І.В.; за заг.ред. Ю.П. Аленіна. – Х.: ТОВ «Одіссея», 2010. – 328 с. – С. 95.

в судебном рассмотрении прокурор по должности выполняет функцию доказывания вины, но это не означает, что на нем лежит обязанность эту вину доказать, что он во что бы то ни стало должен добиваться обвинительного приговора как конечной своей цели. Как отмечал Л.Е. Владимиров, такая цель противоречила бы тому, что прокурор действует от имени государства как гаранта соблюдения закона и справедливости. Главная цель его действий – объективное раскрытие и предъявление всех поводов, всех оснований для обвинения¹. Найти и проанализировать, оценить все основания для обвинения – это и функция, и обязанность прокурора. При этом каждый пункт этих оснований должен быть доказан, объективно взвешен. Если таких оснований нет, или эти основания недостаточны, или вызывают сомнение, прокурор имеет право отказаться от обвинения. Он, как и судья, обязан быть объективным, что подкрепляется соблюдением принципа презумпции невиновности, охраняющего от необоснованных обвинений.

Прокурор выполняет некоторые (но не все) обязательные функции в процессе судебного доказывания. Можно ли назвать это *бременем* доказывания? Вопрос, скорее, терминологический: если бремя *распределяется*, то, быть может, прокурор несет определенную *часть* бремени. Но *все* бремя доказывания берет на себя только суд. Обвиняемая сторона освобождается от бремени доказывания как обязательной функции и обладает лишь правом добровольного взятия на себя этой функции. Но тогда это уже не бремя (обязанность), а свободная реализация права на собственную защиту.

Распределение бремени доказывания с помощью процессуальных норм гражданского права отражает специфику правовых отношений, регулируемых данной отраслью права; здесь диалогичность процесса доказывания проявляется наиболее отчетливо как состязание сторон, обладающих равными правами. Кто что-либо утверждает в суде, тот и обязан доказывать это утверждение; кто не согласен с каким-либо утверждением, тот обязан построить его опровержение. Если истец не доказал свой тезис, он проиграл процесс. Для ответ-

¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 167.

чика возможен выбор активной или пассивной позиции. Пассивная означает или признание тезиса истца при отсутствии весомых возражений, или непризнание, сопровождающееся молчаливым ожиданием, что истец не справится с бременем доказывания. Активная позиция ответчика, в свою очередь, имеет два варианта: сильный и слабый. Сильный связан с отрицанием тезиса другой стороны, а слабый – с частичным оспариванием лишь полноты, меры его реализации. В любом случае, активная позиция ответчика предполагает взятие на себя бремени доказывания тех возражений, которые он выдвигает. При сильном варианте ответчик должен предъявить доказательство антитезиса, а при слабом – или разрушает доказательство оппонента, либо ищет смягчающие обстоятельства.

Любой участник спора несет ответственность за достоверность сообщаемой информации. Функции доказывания, опровержения и информирования распределяются здесь поровну и могут переходить от стороны к стороне, если все субъекты спора занимают активную позицию. Если же ответчик занимает пассивную позицию, то тем самым он не реализует свое право участвовать в доказывании и возлагает бремя доказывания на истца.

Впрочем, существуют особые категории дел, где функции доказывания распределяются иначе. А.А. Власов приводит в качестве примера дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. В данном случае в гражданском или арбитражном процессе реализуется презумпция добропорядочности, доброго имени гражданина или положительной репутации организации. Опубликованные порочащие сведения считаются не соответствующими действительности, пока не доказано обратное. «Презумпции освобождают от доказывания определенных фактов только одну из сторон и лишь перераспределяют бремя доказывания фактов, но не выводят их из предмета доказывания. Истец только может, но не обязан опровергать порочащие его сведения... Обязанность доказывания, в виде исключения, законодателем возложена на ответчика, что, на наш взгляд, является правильным»¹.

¹ Власов А.А. Адвокат как субъект доказывания в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 240 с. – С. 26-29.

Заметим, об «исключении» здесь можно говорить с некоторой поправкой. Общее правило: кто что-либо утверждает, тот это доказывает – здесь действует; просто действительное начало спора положено ответчиком, он нечто *утверждал* до судебного рассмотрения и должен это свое утверждение, свое действие оправдать, обосновать, но уже в суде, так, чтобы это было принято другой стороной. Выбор стратегии доказательственного диалога во многом зависит от степени рассогласования и противостояния интересов сторон, от наличия объединяющих факторов. Однако существуют «барьеры диалогического взаимодействия», – затрудняющие повышение эффективности диалога, – ситуативные (ситуационная острота конфликта); контрсуггестивные (предубеждение, недоверие, черты характера); тезаурусные (низкий уровень общей культуры, слабая методологическая подготовка); интеракционные (неумение планировать и организовывать участие во взаимодействии, отсутствие навыков контактирования)¹. В теории судебного доказывания наибольшее внимание уделяется трудностям, связанным с первым из указанных «барьеров», то есть степенью несовпадения, противостояния интересов. А между тем, существенную роль может играть несовпадение образов ситуации, образов участников диалога в их собственном сознании. При анализе диалога и «барьеров», мешающих его успеху, важно учитывать, что «именно образы ситуации, а не реальность противоречия сами по себе непосредственно влияют на конфликтное поведение»², а способ налаживания диалога может быть связан с изменением этих образов (чаще всего при участии посредников).

Подводя итог, отметим, что

– логической формой судебного доказывания является спор как *взаимодействие* позиций сторон;

– как бы ни были детализированы логические и процессуальные правила спора, его эффективность зависит не только от выполнения правил, но и от того, насколько способ их применения гармонизирован относительно высшего конституирующего принципа

¹ Буш Генрих. Диалогика и творчество. – Рига : Авотс, 1985. – 318 с. – С. 63-64.

² Овчинникова А.П., Хаджирадева С.К. Основы ораторської майстерності в умовах конфліктної взаємодії. – О. : Пальміра, 2005. – 180 с. – С. 132.

права – принципа справедливости и основного принципа судебного рассмотрения – принципа равенства сторон;

– распределение бремени доказывания – проявление диалогичности, но бремя доказывания в суде нельзя отождествлять с обязанностью доказательства вины: «бремя доказывания» касается обоснования как вины, так и невиновности – в равной степени;

– результат судебного доказывания – это *итог взаимодействия* доказательственных линий, осуществляемых сторонами, и аналитической, творческой деятельности суда. Без этого взаимодействия было бы трудно обеспечить всесторонность, убедительность, полноту и объективность рассмотрения дела.

4.2.2. Альтернативность

Второе эмергентное свойство судебного доказывания – альтернативность – является логическим продолжением диалогичности: там, где есть несколько субъектов доказывания, ведущих между собою спор, там неизбежно появляются исключаящие друг друга (то есть альтернативные) позиции, утверждения, оценки, способы рассуждения, варианты решения и т.п. Если бы цели и позиции сторон не были несовместимыми, не было бы надобности в судебном разбирательстве.

Вот почему любая теория аргументации начинается с обсуждения ситуаций, в которых сталкиваются несовместимые позиции, «имеет место расхождение во мнениях. Анализ аргументации необходимо начинать с определения основного расхождения во мнениях, а далее следует рационально преодолеть его с помощью «аргументативной дискуссии»¹.

Альтернативность судебного доказывания проявляется на всех четырех его стадиях. На «стадии конфронтации» (выявления разногласий) происходит размежевание позиций сторон, выясняются основные пункты несогласия. На стадии «открытия дискуссии» распределяются роли, функции сторон, уточняются исходные данные и правила дискуссии. На «стадии аргументации» происходит

¹ Еемеерен Ф. ван, Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф.С. Аргументация: анализ, проверка, представление. – СПб, 2002. – 160 с. – С. 15.

обмен аргументами и контраргументами противостоящих сторон. На «заключительной стадии» происходит либо *разрешение* спора, либо *урегулирование* разногласий. «Расхождение во мнениях разрешается, когда одна из двух сторон пересматривает свою исходную позицию... Урегулировать разногласия значит просто положить им конец. Цивилизованно это делается с привлечением третьей стороны в качестве судьи»¹. Применительно к судебной аргументации отметим, что термин «разрешение» употребляется для обозначения тех случаев, когда осуществляется опора на внутреннюю структуру процесса взаимодействия сторон конфликта, на возможность сознательного изменения ими своих позиций; термин «урегулирование» предполагает внешнее вмешательство в это взаимодействие. Суд при этом опирается на целостное, более широкое понимание ситуации в контексте права, чем это имеет место в позициях сторон; в первом случае он помогает достижению консенсуса сторон, во втором – устанавливает своим решением другую форму прекращения конфликта.

Альтернативность судебного доказывания предполагает выполнение требования полноты. «В логике свойство альтернативности выражается в возможности разбиения универсума на произвольное число классов, соответствующее числу допустимых способов представления признака, общего всем элементам универсума ... Множество альтернативных классов вещей (гипотез, способов достижения цели, решений проблем и т.п.) является полным, если и только если оно представляет разбиение соответствующего универсума на множество взаимоисключающих и совместно исчерпывающих его классов»².

В логике уделяется большое внимание проблеме полноты охвата альтернатив при построении доказательственных дискурсов. Однако стремление к выполнению принципа полноты может вести к бесконечным «расслоениям» возможностей, к росту неопределенности и, в конечном счете, затрудняет процесс принятия решения.

¹ Емеерен Ф. ван, Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф.С. Аргументация: анализ, проверка, представление. – СПб, 2002. – 160 с. – С. 14-16.

² Светлов В.А. Практическая логика. – СПб-6 : НД М и М, 1997. – 576 с. – С. 17-18.

Вот почему следует согласиться с А.С. Карпенко, который считает, что «спасение от абсолютного хаоса – в ограничении принципа полноты»¹. Это становится необходимым в свете тех результатов, полученных логиками, общий смысл которых состоит в том, что *недоказуемость* современными формальными методами истинных утверждений – *норма* – и класс таких утверждений бесконечен². Актуальной задачей становится не только открытие всей полноты альтернативных возможностей, но также и нахождение путей, критериев ограничения, «отсечения» возможностей³. Это становится тем более важным, что в юридических дискурсах выявить и оценить все реальные возможные варианты поведения людей очень сложно; здесь приходится осуществлять разумный выбор на основе неполной информации.

Неполнота исходной информации, ограниченность технических возможностей исследования фактических данных, некоторые субъектные характеристики коммуникантов, ограниченность при выборе методов – все это может препятствовать достижению идеально полного охвата альтернатив и логически безупречного их анализа, оценивания и выбора. Здесь очень важны оценка фактически установленных альтернатив, их отбор. *Степень полноты охвата альтернатив должна быть достаточной* для принятия решения в данной конкретной ситуации; эта достаточность должна быть *коммуникативно удостоверенной и принятой*.

При этом значительную роль играют мировоззренческие, методологические основания, которые выполняют роль *рамочных конструкций*, ограничивающих неопределенность ситуаций выбора. Следует согласиться с той точкой зрения, что сегодня роль методологии – а вслед за ней и логики – изменилась: она не претендует на указание одного, «единственно верного» пути к истине, а задает «рамки», диапазон, ограничивает предметное и смысловое пространство возможного выбора. Методология и логика отвечают не столько на вопрос «что делать?», сколько на вопросы «из каких альтернатив

¹ Карпенко А.С. Философский принцип полноты. Часть I // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 58.

² Там же. – С. 97.

³ Там же. – С. 103.

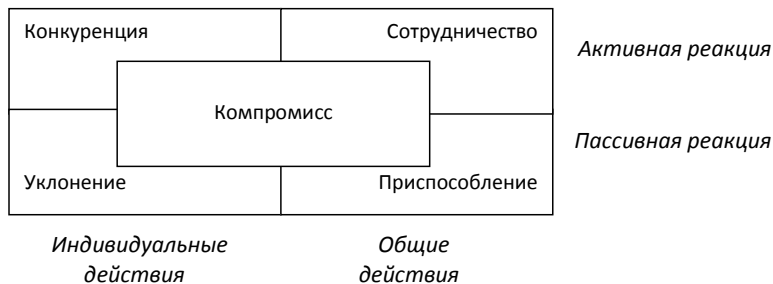
и при каких условиях *можно* или *обязательно* выбирать способ действия, а из каких надежный выбор невозможен?», при этом диапазон выбора может осмысливаться на разных уровнях. На уровне мировоззрения это могут быть схемы разбивки универсума по образцу монады, диады, триады, тетрады и т.д. (см. выше, 3.4.). На уровне философии это различение двойственности или недвойственности выбора, различение видов двойственности и т.п. Логика в своем развитии прошла путь перехода от мышления в моно-схемах к мышлению в схемах-диадах и далее – к поливариантным схемам.

Рамки возможного выбора альтернатив последовательно расширяются при появлении гипотетико-дедуктивных моделей, предполагающих выбор из некоторого конечного числа гипотез (*конкурирование гипотез*) для различных «возможных миров». Затем рассматриваются схемы доказательств, предполагающих соотнесение различных «возможных миров», переход из одного «возможного мира» в другой (*конкуренция доказательств*). При каждой такой разбивке универсума существуют также альтернативные *направления* исследования: от посылок к заключению и от заключения – к посылкам. Из альтернативных направлений судебной аргументации судья может выбрать или путь развития посылок (анализ, сравнение, интерпретация, упорядочивание фактических данных), либо путь развития следствия (анализ, перебор возможных заключений в их соотнесенности друг с другом и с фактическими данными). Многие опытные юристы признают, что второй вариант имеет ряд преимуществ: некоторое интуитивное, «неопределенное предвидение заключения», а точнее – перечень допустимых альтернативных заключений – имеет эвристическую ценность и позволяет «просеять» фактические данные под определенным углом зрения, сокращая время поиска.

Альтернативность вариантов доказывания проявляется также в вариативности способов поведения участников спора в условиях конфликта; каждая сторона выбирает свой стиль поведения (см. схему 7) в зависимости от намерений сторон и от ситуаций¹.

¹ Цит. по: Ішмуратов А.Т. Конфлікт і згода. Основи когнітивної теорії конфліктів. – К. : Наукова думка, 1996. – 190 с. – С. 80.

Схема 7
Способы поведения сторон в конфликтном споре

При этом существенно учитывать логическое отношение между тезисами сторон. Если это отношение контрадикторности (противоречия, дополнения), то установка на компромисс или консенсус без изменения ситуации в целом невозможна. Если это отношение противоположности или соподчинения, то такая установка вполне продуктивна.

С точки зрения целей и принципов права и с точки зрения принципов коммуникативной философии наиболее эффективным для разрешения конфликта является стиль сотрудничества, при котором наиболее вероятно достижение консенсуса сторон.

Менее эффективным, хотя тоже успешным, является способ урегулирования в стиле компромисса, который сочетает в себе элементы и борьбы, и сотрудничества, и приспособления, и уклонения. Менее эффективен компромисс, по сравнению с консенсусом, потому, что он не исключает элементов принуждения (точнее: предполагает их) и сохраняет возможность возобновления конфликта в будущем.

Впрочем, встречается и иной взгляд на соотношение компромисса и консенсуса как способов разрешения правовых конфликтов. Так, С.В. Бобровник считает правовой компромисс основой легитимации власти, «неотъемлемым условием любого двустороннего соглашения в государствах с демократическим строем», а категория правового консенсуса, с точки зрения автора, «применяется в границах недемократических режимов и рассматривается «как

насильственный консенсус»¹. Одним из юридических следствий правового компромисса для участников общественных отношений автор признает применение мер принуждения. Думается, что употребляемое автором понятие «насильственный консенсус» не только противоречит общепринятым смыслам термина «консенсус», но и внутренне противоречиво. Тем более, что автор свой подход называет коммуникативным, а все современные коммуникативные концепции выстроены вокруг поиска свободно, то есть на основе консенсуса принятых принципов и правил, что совершенно исключает любое принуждение, кроме убедительной силы аргументативного дискурса. Правоведы не могут не считаться с теоретическими доводами ученых, обсуждающих пути и способы разрешения социальных конфликтов. Например, с доводами о том, что принуждение должно быть только властью «належного», «справедливого», это *социально-культурная нормативность* в широком ее понимании, а право – лишь часть этой нормативности; что путь компромисса нельзя идеализировать; он исчерпывает себя в той мере, в какой он все более осознается как выгодный лишь сильному. На порядке дня стоит вопрос о разработке технологии принятия консенсусных решений в конфликтных ситуациях. Путь достижения консенсуса в конфликтной ситуации намного сложнее, но перспективы развития права связаны именно с ним. Его основой является недопущение принципиального вреда любой стороне².

В свою очередь, технология принятия компромиссных решений должна совершенствоваться в том направлении, которое ведет к установлению равновесия: надо «находить такой компромисс между разными ценностями, который позволял бы людям с разными моральными, политическими и социальными приоритетами мирно и безопасно жить вместе... Это стремление к равновесию – главный признак хорошего права»³.

Когда мы начинаем обсуждать проблему *критериев выбора* способа разрешения конфликта из имеющихся альтернативных вари-

¹ Бобровник С.В. Компроміс і конфлікт у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу. Монографія. – К.: Юридична думка, 2011. – 384 с. – С. 330.

² Легітимація і насильство. Круглий стіл // Філософська думка. – 2013. – № 2. – С. 34-35.

³ Оноре Тоні. Про право: Короткий вступ. Пер.с англ. – К.: Сфера, 2004. – 124 с. – С. 119.

антов, мы неизбежно приходим к фиксации сложности, многоуровневости самого процесса обоснования, к многослойности судебной аргументации, с наличием в ней явно и неявно присутствующих компонентов.

Таким образом, альтернативность судебного доказывания проявляется как целостное свойство процесса, измеряемое формулой: «доказывание – это постоянный выбор одной из существующих альтернатив».

- Альтернативность судебной аргументации проявляется в противостоянии тезисов и аргументов сторон, в выборе направленности и способов аргументации, а также выборе способов поведения сторон.

- Оптимальным способом разрешения конфликта является сотрудничество сторон и принятие консенсусного решения; суд при этом выполняет роль организатора и посредника взаимодействия сторон.

- Компромисс является способом не разрешения, но урегулирования и тем самым прекращения конфликта и может быть в целом признан положительным результатом судебной аргументации, если вариант сотрудничества оказался невозможным. К недостаткам компромисса как способа преодоления разногласий сторон следует отнести а) наличие неизбежных элементов принуждения; б) наличие явных и скрытых преимуществ у сильной стороны, что не всегда согласуется с принципом справедливости и равенства; в) сохранение значительной степени вероятности возобновления конфликта в будущем.

- Степень полноты охвата альтернатив должна быть достаточной для принятия решения в данной конкретной ситуации; эта достаточность должна быть коммуникативно удостоверенной и принятой всеми субъектами аргументации.

- Идеальным, наиболее востребованным результатом разрешения, урегулирования или прекращения конфликта с помощью судебной аргументации является гармонизация правовых отношений, их восстановление в соответствии с нормами и принципами права.

4.2.3. Многослойность

Мы обратимся к тому пониманию многослойности судебной аргументации, которая предполагает два главных измерения. Во-первых, – взаимодействие эксплицитно заданных элементов (слоев, подсистем) и имплицитно присутствующих элементов, которые, в свою очередь, могут различаться по своим функциям и степени имплицитности. Присутствие «скрытого» знания и «молчаливо предполагаемых» правил или запретов давно было замечено как теоретиками, так и практиками в юриспруденции. На разделение явно заданных посылок и неявно предполагаемых предпосылок в умозаключении обращали внимание и логики.

Второе измерение основано на трехслойной (трехуровневой) модели объекта как системы¹: любая система как целостность включает *уровень заранее фиксированного концепта* (системообразующего свойства или отношения, относительно которого объект понимается, строится как целостность, как единство, то есть система); *уровень структуры* (свойств или отношений, «подобранных под концепт», детерминированных концептом); *уровень субстрата* (тех элементов объекта, которые релевантны структуре и концепту, выбор или само существование которых в качестве элемента системы детерминированы непосредственно структурой и через нее, опосредованно, – концептом).

Выдвинем предположение, что судебная аргументация как целое, как текст, – а точнее интертекст как серия текстов – является результатом взаимодействия и синтеза двух противоположно направленных осей, по которым выстраивается процесс аргументации: одна отражает степень эксплицитности-имплицитности представленных ею слоев, а другая – направление их логической детерминированности. Обе оси иерархически построены. Внешне выраженный дискурс аргументации (план выражения) дополнителен по отношению к ее внутренней мыслительной модели (плану содержания). Лишь единство этих двух планов, их взаимосогласованность в сознании коммуникантов обеспечивают эффективность аргументации как целого.

¹ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М. : Мысль, 1978. – 272 с. – С. 126-130.

Рассмотрим данные аспекты аргументации несколько подробнее.

План выражения: эксплицитное-имплицитное

В каждой судебной аргументации как тексте (или интертексте) можно условно выделить по меньшей мере три слоя: уровень посылок, уровень предпосылок и уровень глубинного базиса.

Уровень посылок – это уровень явно выраженной информации, представленной сторонами: это фактические данные в самом широком их понимании, это прямые ссылки на нормы права, это любая другая информация, сформулированная в процессе рассмотрения дела. На этом уровне четко представлены три главных элемента судебного спора, соответствующие трем функциям судебного спора: доказательство, опровержение и информирование. Доказательство состоит в предъявлении аргументов, опровержение – контраргументов, а информирование включает в себя изложение, уточнение и восполнение имеющейся информации о ситуации в целом и ее деталях, в том числе – информации, полученной с помощью вопросно-ответной процедуры. Публичность, открытость судебного спора, возможность выслушать и взвесить все доводы всех сторон реализуются именно на этом уровне аргументации.

Уровнем предпосылок назовем уровень неявно выраженной информации, которая не озвучивается в аргументативном дискурсе, но с очевидностью предполагается либо в качестве пресуппозиций, либо в качестве следствий, либо в качестве результата процессов эллипсиса («свертывания», замены сложных структур их сокращенными, упрощенными вариантами) компонентов этого дискурса, либо в качестве общеизвестных – в данном контексте – правил, положений, – настолько общеизвестных, что на них опираются молча, как на нечто само собой разумеющееся. Все юристы, включая судью, участвующие в судебном споре, знают процессуальные правила судебного рассмотрения, выполняют их, что, тем не менее, не предполагает обязательного оглашения. Однако эти правила могут быть оглашены, если в этом возникнет потребность, – например, если у кого-то появится сомнение относительно их соблюдения.

К уровню предпосылок относятся также общепринятые правила поведения (речевые, моральные, эстетические, логические, культурные и т.п.).

При сообщении фактических данных, при выдвижении аргументов участниками судебной аргументации часто присутствует «скрытая» часть информации, которая может быть определена и восстановлена остальными коммуникантами. И это не считается нарушением правил коммуникации¹. Например, утверждение свидетеля: «Павла точно не было дома, так как его машины не было на месте», предполагает в качестве пресуппозиции высказывание: «Всегда, когда машины Павла нет на месте, это означает, что Павел уехал на ней, и его нет дома». Аргумент участника спора: «Дети должны воспитываться в семье, где есть отец и мать, потому что так было на протяжении тысяч лет», предполагает истинность утверждения, что «всё, что сохранялось на протяжении тысяч лет, хорошо и правильно». Здесь пресуппозиции выбраны в качестве топов (то, что бывает в большинстве случаев, то, что обычно бывает), и эти топы могут быть приняты остальными участниками аргументации, а могут и подвергнуться критике. Ошибкой аргументации считается как отрицание пресуппозиций своих собственных утверждений, так и неправильная интерпретация («расширение») пресуппозиций утверждений оппонента. Каждый участник отвечает только за то, что действительно относится к его позиции².

Глубинный базис аргументации – это третий уровень, который не выражен эксплицитно, и, в отличие от второго уровня, связан с уровнем посылок более опосредованно, не являясь ни пресуппозицией, ни логическим следствием, ни скрытым цитированием текста, прямо связанного с утверждением участника коммуникации, ни с косвенным указанием на конкретную ситуацию.

К глубинному уровню аргументации, который практически никогда не эксплицируется, но весьма сильно влияет на выбор и интерпретацию первых двух уровней, относятся фундаментальные принципы мировоззренческого характера, ключевые семантические концепты, принятая иерархия ценностей, личные и корпоративные установки, бессознательные симпатии и т.п.

Выделение этого уровня судебной аргументации опирается на понятия «глубинных смыслов», «глубинных структур», которые

¹ Еемеерен Ф. ван, Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф.С. Аргументация: анализ, проверка, представление. – СПб, 2002. – 160 с. – С. 43.

² Там же. – С. 90.

в методологии науки использовались при исследовании соотношения языковых, в частности, грамматических структур, со структурами логическими, мыслительными. Различение «поверхностных» и «глубинных» структур особенно характерно для сторонников понимания логики как универсальной грамматики, а логических структур как общечеловеческих универсалий, которые внешне выражаются через богатое разнообразие средств естественных, национальных языков, «скрываясь» за ними. Выявить их, эксплицировать – это значит реконструировать смыслы – настоящие, истинные, глубинные. Сначала различие логических и языковых структур истолковывалось с позиций признания «несовершенства» естественных языков: «Философ-аналитик, разделяющий подобную установку, выступает в роли своеобразного логического мудреца, которому подвластны скрытые закономерности языка и мышления»¹, при этом главной задачей было «исправление» языка. Но вскоре высокомерное отношение к естественному языку было преодолено; напротив, установка на признание мудрости естественного языка и его неисчерпаемых возможностей победила в методологии науки и в философии языка. Однако проблема соотношения «глубинного» и «поверхностного» уровней коммуникации осталась как заслуживающая внимания методологическая проблема, как проблема истолкования, понимания, осмысления. К ее решению, кроме «логического» мудреца, приобщились мудрецы из области культурологии, лингвистики, истории, психологии, семиотики, философии языка, философии права, теории коммуникации, и, конечно, собственно философии.

Главная проблема, связанная с выделением глубинного базиса судебной аргументации, касается соотношения явных и скрытых ее *целей, ценностей, концептов, принципов*. Все это подлежит изучению на уровне философии права. П. Рикер отметил в 1995-м году, что «в современной философской культуре проблемы права преданы всеобщему забвению: их оставляют юристам и судьям. Но великие классические философские системы (например, Лейбница, Канта, Фихте, Гегеля) включали философию права». И далее: «Поэтому

¹ Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // ВФ. – 1996. – № 4. – С. 41.

проблема правового государства возникает не только в таких странах, как наша: кризис западной демократии тоже ставит вопрос: что такое правовое государство?»¹. Ответ на этот вопрос жизненно важен для такого института права как правосудие. П. Рикер считает, что суд имеет дело «с *глубинной* реальностью конфликта и насилия»; «суд предстает пред нами как *регламентированная* форма конфликта и тем самым – противоположность насилию; «процесс – это правовая переработка насилия посредством перенесения насилия в пространство слова и речи»; «судебная аргументация – *«отграниченное пространство взвешивания-обсуждения, подчиняющегося определенным правилам, а итоговое решение* заключается в вынесении правового суждения в данном конкретном случае»²; (выделено мною – Л.С.). Важно отметить, что П. Рикер различает поверхностное и глубинное не только в речевом выражении столкновения сторон, но и в самой правовой действительности; кроме того, такое решение он проводит и в целях, которые ставятся перед судом и реализуются при принятии решения. Та цель, что на поверхности: прекратить конфликт, положить конец состоянию неопределенности. Фемида не случайно изображается с весами (взвешивание-обсуждение) и мечом (отсекается неопределенность, ставится точка в споре). Глубинная же цель и вторая функция судебного решения, по Рикеру, «заключается в примирении враждующих сторон. Конечно, это утопия права, но эта утопия коренится в сущности права и составляет его основу. Судебное решение исполняет свое социальное назначение лишь когда оно признано, и признано не только судьями, но и общественным мнением и даже, в идеале, подсудимым»³. Основанием эффективного судебного решения является то, о чем на суде явно не говорится никогда: это внутренняя направленность действий суда на примирение сторон, на гармонизацию правовых отношений в обществе, а также опора суда на молчаливую поддержку общественного мнения (отсутствие такой поддержки обычно невидимым, молчаливым не является).

¹ Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // ВФ. – 1996. – № 4. – С. 27.

² Там же. – С. 32-33.

³ Там же. – С. 33.

При этом достижение согласия, примирения сторон во многом становится возможным благодаря наличию общих безусловных концептов, норм и ценностей. И напротив, консенсус невозможен, а компромисс невозможен или непрочен, если непровозглашаемые, но основополагающие концепты, нормы и ценности, принятые сторонами конфликта, несовместимы друг с другом или с господствующими взглядами общества.

Концепты права – это базовые смыслы, сформированные в области правовой жизни и проявляющиеся, пусть и неявно, в ситуациях, ставших предметом судебного рассмотрения.

Концепты права: «право», «справедливость», «закон», «ответственность», «свобода», «правосудие», «права и обязанности», «преступление и наказание» и т.д. – являются одновременно и концептами культуры, вобравшими в себя исторический опыт правовых отношений в данном обществе; это категории, смысл которых не только познается, но и индивидуально переживается людьми, участвующими в судебном споре. На принятие решения судьей влияют не только знание закона, но и личностное отношение к нему и праву в целом, к каждому правовому понятию.

Судебная аргументация – это не просто столкновение идей, интересов, это «столкновение людей, так или иначе воспитанных, обладающих теми или иными знаниями, убеждениями ценностными ориентациями, характером и т.п., короче говоря, это столкновение личностей, индивидуальные особенности которых неизбежно влияют на словесные поединки. Именно это делает их эмоциональными и интересными, но именно это выводит спор за пределы науки и превращает его в искусство. И как во всяком искусстве, здесь мало обладать логическими знаниями, нужно еще уметь применять их, более того, нужно обладать быстрой реакцией, твердостью характера и выдержкой»¹. Соглашаясь в главном с А.Л. Никифоровым, следует, однако, заметить, что изучение убеждений участников спора, их ценностных ориентаций не обязательно «выводит спор за пределы науки»: все это может измеряться, оцениваться в рамках методов

¹ Никифоров А.Л. Логика и теория аргументации: Вводный курс. – М. : Изд. УРАО, 2003. – 144 с. – С. 93.

соответствующих гуманитарных наук, в границах принятой рациональности. Например, могут быть предметом научного исследования ценностные иерархии, различные их варианты. То, какие именно ценности занимают высшие позиции в этих вариантах, может изучаться социологическими методами, может реконструироваться с помощью анализа фактически принимаемых решений.

Например, признается ли само право ценностью теми, для кого оно стало профессией? Социологические исследования, проведенные в России, показали, что закон может восприниматься как угодно – как рельеф местности, как стихийное бедствие, как явление природы, как непогода, к которой надо приспособиться или от которой надо спрятаться («Что поделаешь?»), но никак не как ценность – даже юристами или студентами юридических вузов¹. При такой господствующей мировоззренческой «нейтральности» по отношению к праву вероятность использования закона как инструмента достижения неправовых целей возрастает. Как можно говорить о признании права высшей ценностью теми судьями, которые сознательно принимают неправовые решения? То, что они декларируют на словах, цинично игнорируется ими на практике. Это, в свою очередь, резко снижает уровень доверия в обществе и к позитивному праву, и к юриспруденции, что может вести к росту аномии, к формированию и укреплению преступности как своего рода социальной практики, как социального института².

Способ связи указанных трех уровней судебной аргументации должен стать предметом особого изучения. Актуальность такого изучения не осознана в достаточной мере. И пока дело обстоит так, проблема адекватного понимания сущности и перспектив развития судебной аргументации решена быть не может.

Некоторым шагом в нужном направлении может послужить построение мыслительной модели судебной аргументации с помощью теории систем, а точнее – с помощью той трехуровневой модели объекта как системы, которая уже упоминалась выше³.

¹ Фуллер Лон Л. Анатомия права. Пер. с англ. – К. : Сфера, 2004. – 144 с. – С. 10-11.

² Дремин В.Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества. Монография. – О. : Юридлит., 2009. – 616 с.

³ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.

План содержания: системная модель судебной аргументации

Диалогичность, альтернативность и многослойность судебной аргументации были представлены как свойства некоторого сложного интертекста, состоящего из мини-текстов и их подтекстов, отражающих соотношение позиций сторон. Однако возможен и другой подход, который отвлекается от особенностей текстов и предполагает структурирование аргументации как целостного мыслительного процесса, имеющего внутреннюю логику и организованного как система.

В качестве *концепта* системы или его системообразующего свойства, которое задает всю иерархическую структуру судебного доказывания, и тем самым делает его системой, выступает, как это ни парадоксально, самая скрытая его часть, которую мы обозначили как «глубинный базис» аргументации. Именно базовые категории и принципы права, принятая шкала ценностей и сознательные или бессознательные установки детерминируют выбор цели, а затем стратегии и тактики доказывания, а потом и порядок введения фактических данных, иной относящейся к предмету спора информации. Единицы эксплицитного уровня аргументации, обозначенного нами как уровень посылок, подбираются, «просеиваются» через «сито» правил релевантности (относимости), допустимости и достоверности, действующих на втором уровне – уровне предпосылок; – однако и сами эти правила требуют обоснования, которое, в конечном счете, возможно на уровне метатеории и на уровне философии права.

Каждый человек обладает самосознанием, мировосприятием, миропониманием и определенной свободой выбора базовых принципов, концептов, ценностей. Как отмечают многие современные философы, актуальное поведение людей, их выбор принципов и моделей мышления и практической жизни во многом «направляется воображаемой реальностью», изображающей возможные положения дел¹, а эта воображаемая реальность, «зона виртуального», на деле оказывается «не менее значима и не менее объемна», чем сфера действительного, практического, утилитарного². Когда свободный выбор «глубинного базиса» заменяется политическими,

¹ Гусев С.С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. – СПб : Алетейя, 2002. – 192 с. – С. 12.

² Кримський С.Б. Запити філософських смислів. К.: Вид: ПАРАПАН, 2003. – 240 с. – С. 53.

экономическими или иными внеправовыми прескрипциями и перформативами, то происходит перерождение, деструкция самой сути судебной аргументации.

На языке теории систем здесь можно говорить о такой подмене концепта системы, которая порождает рассогласование, несоответствие ее концепта и структуры, концепта и субстрата, структуры и субстрата. Нерациональным становится подбор структуры и субстрата системы: игнорируются существенные связи и факты, акцентируется внимание на несущественных внешних связях, обстоятельствах и фактических данных. Иными словами, «скрытые» концепты могут превращать судебную аргументацию в ее противоположность – произвольное манипулирование информацией и правилами.

Отсюда возникает вполне естественное требование уточнения реальных концептов аргументации, а также достижение на этой основе целостности, системности аргументации, то есть согласованности, соответствия всех уровней аргументации – и эксплицитно, и имплицитно заданных. Кроме того, выбранное нами понимание системы предполагает иерархическое единство, иерархическую согласованность, подчиняющиеся схеме: концепт → структура → субстрат. В теории систем выделяются два возможных варианта этой схемы: (1) концепт как системообразующее свойство → релятивная структура → субстрат; (2) концепт как системообразующее отношение → атрибутивная структура → субстрат. Следует обратить внимание на то, что в данной работе термин «концепт» мы понимаем в двух различных смыслах: в теоретико-системном понимании концепт – элемент системы, системообразующий признак; и в обще-логическом, семантическом смысле концепт – особый вид понятия, мыслительная форма, особая смысловая единица, то есть особый способ употребления термина.

Эти два разных смысла, по сути – два разных термина – могут быть использованы при построении системной модели аргументации.

В «глубинном базисе» аргументации, который выступает как ее системообразующий фактор, то есть как *концепт системы* (концепт 1), присутствуют в качестве элементов принципы, концепты, ценности и т.д. Концепт *как элемент* глубинного базиса (концепт 2) –

это *ведущие правовые категории*, которые, с одной стороны, играют важную объединяющую роль в системе категорий права, а с другой – соединяют право с остальными сферами человеческой жизни, с культурой общества.

Подводя итог, можно отметить в качестве самых общих выводов:

- Логика аргументации зависит от вопроса или серии вопросов, на которые она призвана ответить.

- Диалогичность, альтернативность и многослойность как эмергентные свойства судебной аргументации, с одной стороны, имеют эмпирическое происхождение, поскольку сформировались в реальных судебных аргументативных практиках, а с другой – могут быть обоснованы с позиций общих принципов права, задающих направленность и структуру правового мышления.

- Системность судебной аргументации также должна стать ее эмергентным свойством, что определяется в узком смысле потребностью объединить многослойность дискурса некоторой общей системой координат, а в более широком смысле – потребностью дополнить стремление к аналитичности, к разнообразию аспектов рассмотрения судебной аргументации не менее четко выраженным стремлением к синтезу, к осмыслению диалогичности, альтернативности и многослойности в рамках единого образа, единой модели судебной аргументации.

Фундаментальными *проблемами, нуждающимися в дальнейшем обсуждении*, являются:

- вопрос о критериях измерения степени истинности, достоверности, общезначимости, вероятности выводов, получаемых с помощью судебной аргументации;

- выяснение соотношения консенсуса и компромисса, борьбы и сотрудничества в судебной аргументации;

- изучение соотношения эксплицитных и имплицитных компонентов, уровней в судебной аргументации;

- исследование взаимодействия концептов права и концептов культуры в судебной аргументации.

Глава V

КОНЦЕПТЫ И ПРИНЦИПЫ ПРАВА; ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

5.1. Концепты права и концепты культуры: проблема их соотношения в правовых дискурсах

«Право» – логически первый концепт, от понимания которого зависит понимание всех остальных концептов в системе правовых понятий. Единства в его определениях до сих пор нет. Ясно одно: из всех разнообразных трактовок права, существующих в теории права, ни одна не может быть отброшена, ибо отражает определенный познавательный и практический опыт, а также различные аспекты права, различные ситуации реальных правовых отношений, с их целями и специфическими условиями. Как отмечает Р. Циппелиус, есть понятие «гарантированного права» (все нормы поведения, осуществляемые через организованные принудительные действия государства), и есть понятие части «гарантированного» права, опирающейся на понятие справедливости. С этими понятиями права юристы соотносят разные совокупности норм. Анализируя соотношение этих понятий права, Р. Циппелиус считает выбор того или другого вопросом целесообразности¹. Это вызывает некоторые сомнения уже в силу того, что два указанных понятия права не являются несовместимыми. Сам автор отмечает, что нормы, гарантированные государством, могут быть в то же время справедливыми. Правда, при этом возникает вопрос: а как быть с теми нормами, гарантированными государством, которые не отвечают критерию справедливости? Это «неправо» или просто «принудительные нормы», но все же право? Здесь,

¹ Циппелиус Р. Філософія права: Підручник. Пер. з нім. – К.: Тандем, 2000. – 300 с. – С. 109.

по-видимому, следовало бы уточнить, что значит не отвечать критерию справедливости: быть несправедливой нормой, т.е. нарушающей требование справедливости, или быть нормой, к которой критерий справедливости не применим? Справедливость *императивна* лишь там, где она применима. Но то же касается и принудительности со стороны государства: «гарантированная норма» императивна в той мере, в какой соответствует заранее оговоренным ситуациям, условиям своей приложимости. Каждая норма императивна, поскольку ограничивает рамки возможного поведения человека; но каждая норма в то же время диспозитивна в том смысле, что всегда задает некоторый диапазон возможностей, а не какую-либо одну единственную возможность и в этом плане всегда оставляет «пространство выбора», обусловленное особенностями ситуации и ее участников, пространственно-временными условиями и т.п. Человек, который выбирает способ поведения, сообразуясь при этом с законом, является подлинным субъектом права. Человек, лишенный возможности выбора, – пассивный участник, он не может, скорее всего, относиться к праву как к ценности.

В логике различают собственно нормы и нормы типа команды. Собственно норма – это эксплицитно принятое в данном социуме, то есть легитимное, правило поведения. Норма типа команды таким свойством легитимности не всегда обладает: это определяется уровнем доверия, степенью легитимности полномочий лица, отдающего приказ, дающего совет, рекомендацию, указание и т.п. Правовая норма относится к собственно нормам.

Двумя крайностями в понимании концепта права являются «чистый нормативизм» (сведение права к системе норм, управляемой ее внутренней логикой) и «чистый аксиологизм» (подчинение всех норм заранее установленным ценностям, например, интуитивно принятому чувству справедливости, чувству собственного достоинства личности и т.п.).

На самом деле система норм должна быть укоренена в правовом сознании социума, в том числе в его системе ценностей, а ценностные установки и правовые чувства личности должны реализовываться в поведении только через посредство принятой системы норм, только в диапазоне, заданном законом. Право просто «обрече-

но» на это единство нормативного и аксиологического своих измерений, которые в своей совокупности присущи *праксеологическому пониманию права*, дополняющему онтологическое и гносеологическое его истолкования в современной философии права.

Все существующие концепты права так или иначе связаны с указанными аспектами его понимания, составляющими единый современный образ права. Тем не менее, остаются два смысловых центра, вокруг которых они организованы. Эти центры – человек и социум. И, соответственно, понятие прав и обязанностей человека и понятие того объективного содержания права, которое представлено и защищается государством. Оба эти центра взаимозависимы.

В публикациях последних лет (в том числе в учебниках) в качестве положительного изменения в развитии отечественного правоведения отмечается перемещение акцентов в сторону прав человека, поскольку только человек – настоящий субъект правовых отношений.

Однако следует отметить, что в философии происходит постепенный переход от субъектоцентризма к признанию роли «другого», к парадигме интерсубъективности, к признанию не только «суверенитета личности», но и «суверенитета народа», и затем – к интерсубъективности. Юрген Хабермас, например, считает односторонними те понимания правопорядка, которые базируются либо только на признании прав индивида, либо только на признании прав социума, имеющих объективно-правовое содержание. Правовые нормы имеют интерсубъективное и интерсубъектное содержание и требуют «обоюдного соблюдения прав и обязанностей в симметрических отношениях взаимного признания». *«Концепт права»* (выделено мною – Л.С.) приписывает целостности отдельного лица и его субъективных прав *тот же вес*, что и целостности сообщества, в рамках которого отдельные лица только и могут взаимно признать друг друга...»¹. При этом Хабермас отводит решающую роль «правильно организованным» *дискурсам самосогласования* и коммуникативной рациональности как их результату. Для нас важно отметить, что Ю. Хабермас употребляет термин «концепт права» для обозначения

¹ Хабермас Юрген. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с. – С. 386.

основы права как целостности, изучаемой с разных сторон и в разных системах отсчета, но существующей как сбалансированное, уравновешенное, рационально понятое единство.

Важнейшим средством формирования коммуникативной рациональности является язык, и, в частности, те способы его употребления, которые возвышают *слово* до уровня *концепта*.

Термин «концепт» в последнее время часто употребляется, но у разных авторов значения его достаточно разнообразны – от фактического отождествления с понятием до своеобразного понимания концепта как «открытого множества» понятий, смыслов, соответствующих одному термину; и более того, оказывается, что совокупности концептов могут организовывать «метаконцепты», как своего рода «множества множеств»¹. Л.Н. Богатая считает, что «множество смыслов, входящих в концепт, должно быть актуализировано одновременно»². Однако это не совсем соответствует фактическому употреблению термина «концепт» в методологии науки, в философии, в теории языка; все-таки точнее было бы не «размышлять» его значение до «множества понятий», «множества смыслов», а напротив, видеть в концепте смысловую константу (своего рода «сгусток смысла»), сложно устроенную, многослойную, но целостную, «свернутую» – то есть смысловую структуру, которая в разных ситуациях, в разных взаимодействиях может обнаруживать тот «высокий креативный потенциал», о котором далее – и совершенно справедливо – говорит Л.Н. Богатая³. Этот креативный потенциал задается не столько «множественностью элементов», сколько, на наш взгляд, их качеством, а именно, – *обобщающей силой* и той *энергией экспрессива*, которая в концепте неустранимо присутствует, отличая его от «рядовых» понятий и даже от категорий.

Это в полной мере касается концептов права, которые рождаются не просто в «дискурсах самосогласования» с помощью рационально принятых правоведами правил коммуникации; концепты права – это смыслы, всегда выходящие за пределы собственно

¹ Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению. Монография. – О. : Печатный дом, 2010. – 372 с. – С. 20.

² Там же.

³ Там же. – С. 225.

права, взаимодействующие с более общими смыслами культуры того общества, в котором это право существует. *Концепты права структурируют само право и «отвечают» за осуществление его органичного вхождения в бытие общества и личности, в культуру, понимаемую самым широким образом. Попробуем конкретизировать эту мысль на некоторых примерах.*

5.1.1. «Справедливость» как концепт права и концепт культуры

Термин «справедливость» в языке юриспруденции может быть именем, предикатором, понятием, категорией, концептом, идеей в том понимании, о котором мы уже говорили в разделе 2.1.1.

В функции концепта этот термин особенно отчетливо употребляется в той области философии права, которая изучает правовую аксиологию. Особенно важным представляется такое понимание правовой аксиологии, которое опирается на «постулат intersубъективности ценностей правовой сферы», в котором, в отличие от субъектоцентризма, носителями ценностей правовой сферы считается не только человек, но и общество, человечество в целом¹. К.В. Горобец приходит к выводу, что правовые ценности всегда центрированы вокруг той или иной идеи, и предлагает рассматривать в качестве центральной правовой ценности справедливость, которая является не только свойством правовых отношений, отношений между правовыми ценностями, но и синтезирует в себе саму идею права². Таким образом, здесь признаются две основные функции понятия справедливости как концепта: имплицитно содержать в себе «саму идею» целого, которое данный концепт представляет, и осуществлять связующую функцию для элементов этого концепта. Мы бы хотели обратить внимание на третью функцию концепта: осуществлять связь данного целого с целостностью более широкой. В данном случае речь идет о связи правовой аксиологии со всей системой права и о связи системы права с культурой, частью кото-

¹ Горобец К.В. Аксиосфера права та її компоненти. Автореф. канд. дис. на здоб. наук. ступ. канд. юрид. наук. – О., 2012. – 17 с. – С. 5.

² Там же. – С. 6.

рой это право является. В порядке обсуждения и продолжения темы справедливости выдвинем предположение, что понятие справедливости как концепт аксиологии права и тем самым системы права в целом не только детерминирует и объединяет остальные ценности права и правовые ценности, но и, в свою очередь, само детерминировано идеей справедливости как универсальной идеей культуры и, в теоретико-системном понимании, – концептом культуры. Эта внешняя детерминация не только не ослабляет внутреннюю детерминацию, о которой говорит К.В. Горобец, считая внутренний для права смысл понятия справедливости генетически предшествующим общекультурному его смыслу, но, напротив, усиливает ее и, в конечном счете, повышает статус права в жизни общества.

Можно, конечно, считать, что генезис идеи справедливости связан исключительно с формированием идеи права, что идея справедливости, тем самым, – «исконно-правовая» по существу. Но возможна и другая интерпретация. Анализ самых ранних понятий о справедливости приводит к выводу, что их истоком является общее и фундаментальное представление о космическом порядке, основанное на противопоставлении космоса хаосу, на идее пропорции, гармонии, на данном свыше распределении почестей верховным бжюстителем порядка – Зевсом, который не только делегирует свои полномочия царям и судьям, но и сам надзирает над соблюдением этого порядка. Возникновение этого образа связано и с правом, и с поэзией, и с этикой, политикой¹. Иными словами, можно говорить о широком, синкретичном образе справедливости космического масштаба, а затем о его последующей дифференциации, о появлении на его основе смыслов, касающихся разных сфер человеческой жизни, в том числе – морали и права. Спор о том, пришла ли идея справедливости из области морали в право или из права в область морали – во многом вопрос терминологический. Для нас важно такое понимание общечеловеческого контекста истории концептов права, которое могло бы противостоять сильной тенденции к автономизации права в системе культуры, к утверждению идеи абсолютной самодостаточности и самоценности права. Появляется

² Бугай Д.В. Правовое мышление в архаической Греции // ВФ. – 2012. – № 1. – С. 79-88.

много работ, авторы которых устанавливают границы между правом и моралью, правом и политикой, правом и экономикой, между научно-рациональными и вне-научными подходами в методологии юриспруденции. Эти границы понимаются иногда настолько жестко, что это ведет к неоправданной изоляции юриспруденции от остальных областей научного и практического освоения мира. Мир ценностей систематизирует, структурирует мир человеческого бытия. Наличие общечеловеческих, общекультурных ценностей дает шанс на возможное единство человечества при решении глобальных проблем и при поиске ответов на глобальные вызовы Логоса.

Осмысление аксиологического и еще шире – праксеологического – измерения категориального базиса юриспруденции становится особенно актуальным в периоды формирования и реформирования отечественного права.

В теоретико-системном понимании именно выбор смыслов фундаментальных категорий права задает, детерминирует структуру и элементы всей системы права. А выбор, установление целей и иерархии ценностей, в свою очередь, является системообразующим началом (концептом в смысле А.И. Умова) при формировании категориального базиса юриспруденции. Формирование и развитие иерархии целей и ценностей, как известно, происходит только в социуме, при взаимодействии коммуникативных процессов, происходящих во всех его частях, подсистемах, слоях. Вот и получается, что аксиологический компонент права выступает в качестве системообразующего признака (концепта) для нормативного компонента как структуры права, выражающей сущность его функционирования и детерминирующей, в свою очередь, все остальные компоненты права (субстрат системы права).

Справедливость как концепт (особое понятие) права обладает всеми необходимыми признаками концепта в понимании таких исследователей, как Ю.С. Степанов, который, собственно, и ввел в язык философии и методологии термины «концепт», «концепт культуры», «константы культуры» в их современном понимании. Ю.С. Степанов пришел к выводу о существовании в национальных языках особых групп слов – носителей константных смыслов, которые, с одной стороны, являются базовыми, общезначимыми,

а с другой – имеют огромное количество производных смыслов, образующих своего рода связанное смысловое пространство, вне которого нельзя выразить ментальность народа-носителя языка, нельзя понять данную культуру. При всей размытости значения термина «концепт культуры» в разных контекстах его употребления, все же можно говорить о некоторых устоявшихся его характеристиках.

Во-первых, концептам культуры, в отличие от научных понятий, присуще единство рациональной и чувственно-эмоциональной составляющих. Концепт не просто понимается, он переживается, он всегда включает экспрессивный компонент. Концептом культуры может стать только такой смысл, который принимается носителями данной культуры не только как образ действительности, но и как личное отношение к ней, как оценка. В украинской ментальности «справедливость» находится по соседству с «правдой».

Во-вторых, концепты культуры используются универсально во всех сферах человеческой жизни и человеческого сознания, от обыденного опыта – сферы здравого смысла – до ноосферного мышления как одного из наиболее высоких и сложных проявлений духовной жизни человека.

В-третьих (это, по-видимому, – следствие предыдущего признака), концепты культуры организованы иерархически: в них есть уровень основных, наиболее устойчивых, «ядерных» смыслов (константные смыслы культуры) и уровень производных от них ситуативных, локальных, «эксклюзивных» смыслов.

Справедливость как концепт аксиологии права истолковывается в терминах языка права, в тех смыслах, которые связаны с юридическими практиками, и в этом смысле локальны. Но было бы ошибкой изолировать эти смыслы от ядерных, глубинных смыслов общекультурной коммуникации по той простой причине, что они взаимозависимы, принадлежат к общему, интересубъектному смысловому пространству, включающему в себя правосознание общества как важную часть.

5.1.2. О других концептах права в соотносительности с концептами культуры

Продолжая рассмотрение проблемы соотношения концептов права и концептов культуры, отметим, что сам термин «концепт» в его современном употреблении далеко не случайно привлекает к себе пристальное внимание. Это сигнал о необходимости преодоления разобщенности «частных», ограниченных подходов к пониманию права – «чисто понятийного», «чисто деятельностного» (процессуального), «чисто нормативного», «чисто практического», «центрированного вокруг личности», «центрированного вокруг государства» и т.п. Дело в том, что концепт, будучи понятием, выходит далеко за пределы понятийного мышления в его привычном, классическом понимании. Он включает в качестве неявных своих компонентов и дескрипцию, и оценку, и норму. Он *переживается*. Переживания человека – неотъемлемый элемент его экзистенциального опыта. Экзистенциальный опыт – не что иное, как «синтез жизненных переживаний и концептуальных средств их понимания, структурирования, связывания»¹. Появление концептов права, концептов культуры – это результат поиска новых знаковых структур как способов понимания опыта человеческой жизни во всей ее полноте. И в научных, и в политических, и в экономических, и в моральных, и в правовых контекстах присутствует один и тот же действующий субъект (актор, актант) – человек, индивид, личность. Он – участник всех «жизненных миров» как «естественных, стихийно формирующихся, эмергентных явлений, нелегко поддающихся концептуализации»². Правовая жизнь, «жизнь права» – это тоже экзистенциальный опыт; переживания субъектов права становятся элементами последнего только в результате процессов «понимания, структурирования, связывания», то есть концептуализации.

Вся гамма человеческих переживаний проявляется в правовой коммуникации, которая сопровождается конфликтом интересов субъектов права, потребностью в выявлении, уточнении, согласова-

¹ Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры // ВФ. – 2012. – №7. – С. 64.

² Там же. – С. 63-64.

нии, размежевании этих интересов. А.Т. Ишмуратов выделяет три группы интересов: интересы личности, вступающей в общение; коммуникативные интересы, возникающие в непосредственных отношениях субъектов права; интересы, возникающие в общении и обусловленные требованиями справедливости и лояльности, то есть подчиненные принятым нормам. Если первая группа интересов присуща личности («Я»), вторая – совокупности взаимодействующих личностей («Я и Ты»), то третья – социуму¹. Интерес в качестве своих образующих начал имеет цели и ценности, которые могут меняться в процессе реализации. С точки зрения А.Т. Ишмуратова, «интерес формируется благодаря цели», затем «выступает оценкой средств для ее достижения, и все то, что может быть средством достижения этой цели, является сферой интересов. Как только интерес меняется, меняется и ценностная картина мира. То, что называется добром и злом, опирается на ценностные глобальные установки в структуре Вашего Я, и вы подсознательно оцениваете мир, исходя из ваших установок. В конфликте человек эгоистичен, даже когда он опирается на общечеловеческие ценности»².

Не менее значимую роль в конфликтной ситуации, наряду с интересами, целями, ценностями, играют также и опасения (страхи), которые «производны от интересов и участвуют в формировании намерений»³.

Столь подробное изложение моментов учения о конфликтной коммуникации произведено нами с той целью, чтобы использовать их для прояснения некоторых причин и обстоятельств формирования в современной юриспруденции двух концепций права и, соответственно, двух рядов концептов, которые часто воспринимаются в качестве альтернативных. Речь идет о широко обсуждаемых «либеральной» и «коммунитаристской» парадигмах. Центральным концептом «либеральной» парадигмы исследования права является концепт «права человека» и, соответственно, производный от него концепт «защита прав человека». Центральными концептами

³ Ишмуратов А.Т. Конфлікт і згода. Основи когнітивної теорії конфліктів. – К.: Наукова думка, 1996. – 190 с. – С. 22-27.

¹ Там же. – С. 29.

² Там же. – С. 28-29.

«коммунитаристской» парадигмы являются принятые в социуме идея и понятие справедливости. Понятие справедливости и правила справедливости связаны с установлением некоторой эквивалентности или равенства в обмене продуктами труда, в участии во власти, подчиненности закону, в наделении социальными статусами и т.д.¹

Противопоставление и особенно изоляция указанных парадигм и их системообразующих концептов – уважения прав человека и признания необходимости человеческой солидарности – можно критиковать. Но критика обычно ведется с позиций приоритетности либо одной, либо другой парадигмы, которые дополнительные по отношению друг к другу². На наш взгляд, дело здесь не в степени приоритетности указанных парадигм или концептов. Они *равноценны* теоретически и практически *для права в целом*. Будучи дополнительными по отношению друг к другу, они едины в рамках единой картины правовой жизни *праксеологически*, поскольку являются ответами на разные угрозы, связаны с разными опасениями и страхами субъектов правоотношений. Эти угрозы и эти опасения историчны и ситуативны. Если существует угроза самому существованию государства, концепт солидарности становится системообразующим для правовой организации общества, если, конечно, граждане считают государство и его суверенитет ценностью для себя. Если же государство становится тоталитарным и попирающим права человека на жизнь, личное достоинство, свободу, то актуальным для общества становится концепт защиты прав человека. Если государство и общество нормально развиваются в демократическом и гуманистическом понимании, то оба концепта должны уравнивать и сдерживать друг друга.

Вопрос о приоритетных ценностях, принятых обществом и государством на определенном этапе их развития, – это далеко не отвлеченный, абстрактный вопрос. У Платона в основе государства было стремление к благу, у Гоббса – к безопасности, а у современных теоретиков права – либо к защите неотчуждаемых прав человека, либо

³ Кірюхін Д. Універсалістський концепт обставин справедливості: межі практичного застосування // Філософська думка. – 2010. – № 4. – С. 84.

⁴ Зимовець Р. Повага vs солідарність: Ліберальна та комунітаристська стратегії обґрунтування прав людини // Філософська думка. – 2014. – № 4. – С. 51-66.

к защите прав на участие человека в жизни социума. Ф. Рено выражает опасение, что «объективный разум» коммунитаристов может приобрести черты субъективизма и индивидуализма¹. Р. Зимовец обращает внимание на то, что гражданская солидарность – гарантия свободы, что опыт разрушения солидарности ведет к легитимации универсальных прав, которые, в свою очередь, требуют солидарности для своей реализации². Можно к этому добавить, что признание приоритетности гражданской солидарности над правами индивидуума может, в свою очередь, привести к обесцениванию прав и свобод граждан, что сделает солидарность мнимой, ибо истинная солидарность предполагает свободу личного выбора.

И здесь мы снова должны констатировать, что проблема выбора концептов системы права – не юридическая, не логическая, не гносеологическая, а *праксеологическая* по своему существу. Спор либерализма и коммунитаризма может быть полезен в какой-то мере как средство уравновесить роли субъектов права – личности и социума. Но это не должно быть механическое равновесие, получаемое с помощью простого «равенства голосов». Данный спор не имеет большой ценности перед лицом целого ряда глобальных угроз, которые сегодня делают проблематичным само существование человека на Земле. Сегодня важно *качество* тех личностей, которые образуют социум, и *качество* тех социумов, которые образуют человечество как мегасоциум и мегасубъект в коэволюции человека и природы. Природа – это не только то, что окружает человека, а прежде всего – сам человек, соотношение в нем материального и идеального, душевного и духовного, разумного и эмоционального, волевого начал.

Кроме правовых императивов, выражающих человеческую солидарность, должны появиться императивы ноосферного уровня. Как писал Н.Н. Моисеев, «для того, чтобы на Земле возникли структуры, способные обеспечить экологический императив и дальнейший прогресс рода человеческого, недостаточно коллективных Разума и Памяти. Необходима еще и коллективная Воля,

¹ Рено Ф. Разум, право і справедливість // Філософська думка. – 2013. – № 2. – С. 102.

² Зимовець Р. Повага vs солідарність: Ліберальна та комунітаристська стратегії обґрунтування прав людини // Філософська думка. – 2014. – № 4. – С. 63-64.

т.е. коллективный Духовный мир, должна возникнуть некая новая шкала общечеловеческих ценностей»¹. Теперешнее развитие права, целью которого является гармонизация человеческих отношений, в качестве перспективы должно иметь движение в том направлении, о котором говорит Н.Н. Моисеев, то есть – в направлении гармонизации отношений личности, общества и их совместной коэволюции с природой (и внутренней, и внешней). А это значит, будут меняться концепты права, концепты культуры. Заранее трудно предвидеть, как именно они изменятся; может быть, это будет возврат к Платону, понятию по-новому.

Если же говорить о современных концептах права, то, наряду со справедливостью, следует признать значимость концепта человеческого достоинства. Чувство собственного достоинства, самоуважение, существующие лишь в единстве с признанием этого чувства другими, с уважением к нему со стороны социума, – нуждается в правовой защите в такой же мере, как и справедливость, и права человека. Ю. Хабермас доказывает, что нормативным истоком современных базисных прав человека является именно идея человеческого достоинства. Эта идея, считает автор, «подразумевает, что права человека укоренены в универсальном содержании морали»². Кроме того, автор уверен, что эта идея осуществима лишь в рамках действия социальной справедливости, присущей самим институтам демократического конституционного государства. Концепт человеческого достоинства стал концептом права сравнительно недавно, после Второй мировой войны, – как ответ на нацизм, холокост и как средство защиты от угрозы их повторения в будущем. В движении к ноосферному уровню развитости права, как представляется, правовая защита чувства собственного достоинства личности должна стоять в одном ряду с правовой защитой жизни на Земле, с правовой защитой самой возможности коэволюции человека и природы, с правовой защитой ноосферы как развивающейся реальной возможности, как вполне осуществимого шанса человека стать свободным по-настоящему. «Ноосфера – это и есть царство свободы.

¹ Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // ВФ. – 1990. – № 6. – С. 45.

² Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // ВФ. – 2012. – №2. – С. 66.

Это качественно иная среда и форма бытия... В ней будет господствовать Разум»¹. Хотелось бы добавить: ноосферный уровень развития человека предполагает и развитость его чувств, эмоций, воли, а также защищенность его правовых чувств: чувства справедливости, чувства собственного достоинства. Правда, пока мы наблюдаем наше движение в обратном направлении: человек, мягко говоря, пока настолько далек от осознания истинных целей и ценностей, что вместо решения жизненно важных проблем сам себе создает все новые и новые, «необязательные» проблемы. В любом случае, право может помочь человеку организовать свою жизнь только при условии, если система норм релевантна человеческому бытию как некоторой развивающейся системе, входящей в бытие мира. Не жизнь должна пониматься и выводиться из норм, а нормы порождаются и управляются жизнью – в конечном счете. В противном случае, происходит деструкция системы, состоящая в перевертывании отношения детерминации: не концепт «управляет» структурой и субстратом, а субстрат «навязывает» свои характеристики структуре и концепту системы. Это является отходом и от рациональности, и от логики, и от права.

5.2. Принципы права и принципы юридической логики

Категории, концепты и идеи, выражающие фундаментальные правовые смыслы, функционируют и как принципы права или их ведущие компоненты.

Исследователи отмечают, что, несмотря на высокую частотность ссылок на принципы права, «современный уровень разработки данной проблемы не отвечает потребностям юридической теории и практики»². И тем не менее, существуют хотя и неоднозначно представленные, но достаточно разнообразные варианты трактовки принципов права разных уровней. Обратимся к тому уровню, который обозначается как «основополагающие принципы права»

¹ Ивакин А.А. Единство бога ,человека и ноосферы: философское эссе / А.А. Ивакин. – Одесса : Феникс, 2012. – 244 с. – С. 240.

² Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика) : Монографія. – Х. : Право. – 240 с. – С. 4.

С.П. Погребняк отмечает, что если подходить в режиме «стерео», то многомерность принципа права высвечивается такими терминами как «идея», «положение», «требование», притом не простые, а «основные», «отправные», «ведущие». Эти элементы в структуре принципа «синтезируют знания в систему», выполняют эвристическую роль. Если «требование», «правило», то «не вызывает возражений», императивно, категорично, обязательно; если «идея», то отражает генетический аспект принципа, благодаря чему принцип относится к интеллектуально-духовным основам права, является самоочевидным, самодостаточным, универсальным¹.

С логической точки зрения важно отметить, что принцип может быть «идеей», «положением» или «правилом», «императивом». В первом случае принцип – это понятие, в остальных – нормативные модальные высказывания. Концепт как форма мысли тоже упоминается автором, но несколько позже, когда объясняется разница между идеей и императивом: «концепт – это максима, инвариант, центральный элемент некоторой идеи»; но необходимы критерии, чтобы использовать его как стандарт, он не может быть «средством управления человеческим поведением»². Автор выделяет такие *признаки* основополагающих принципов права, которые делают термины «идея» и «концепт» равно применимыми. В самом деле, на первом месте среди этих признаков оказываются большая степень общности и то, что принцип является концентрированным выражением самых важных сущностных черт и ценностей, которые присущи данной системе права. Как раз единство выражения сущности, большой степени общности с аксиологической составляющей – специфическое отличие концепта как особого вида понятия. Тем более что автор отмечает общечеловеческий характер смыслов, зафиксированных в принципе, и обязательность выполнения им аксиологической функции.

Вторая важная черта основополагающих принципов права проявляется при их соотнесении с нормами и касается *способа употребления* в коммуникации. Если имеет место конфликт двух норм,

¹ Погребняк С.П. Основоволожні принципи права (змістовна характеристика) : Монографія. – Х. : Право. – 240 с. – С. 25.

² Там же. – С. 31.

то обе они не могут быть применены: одна применяется, а другая в таком случае не действует. Если же в конкретном деле сталкиваются принципы, противоречащие друг другу, то участники конфликта должны принять во внимание относительный вес каждого из них; принимается как главный из действующих тот, который в данной ситуации имеет больший вес; остальные не перестают быть действующими и могут «победить» в других ситуациях¹. В качестве примера приводятся ситуации, когда применимы одновременно принципы, утверждающие разные права человека, взаимно ограничивающие друг друга (свобода слова, защита репутации от неправдивых сведений и т.д.).

Как видим, способ употребления принципов, в отличие от «рядовых» норм, таков, что предполагает не жесткий выбор только «одного из» (строгая дизъюнкция), а предпочтение, ранжирование значимости по схеме слабой дизъюнкции: «по крайней мере один, а может быть и все».

С нашей точки зрения, концепт, функционирующий в качестве принципа, имеет в своей структуре и дескриптив, и норматив, и экспрессив в качестве обязательных составляющих. Это касается таких основополагающих принципов права, как *справедливость*, *равенство*, *свобода* и *гуманизм*. Каждый из них функционирует здесь не только как понятие или категория права, а именно как концепт и как идея. Идея – это «свернутый» концепт, являющийся либо итогом, ядром, выведенным из реальных коммуникативных (теоретических и практических) «испытаний», «проверок», либо зародышем, потенциально содержащим в себе направленность, способность к развертыванию, к развитию в будущем.

Ранжирование принципов права на основополагающие и производные зависит от выбранного критерия сопоставления и разделения и, в частности, от соотносительности с типами ситуаций и обстоятельств применения. Одни из них применяются универсально к любому правоотношению, к любому действию, регулируемому правом, другие – применяются с учетом типа правовой

¹ Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістова характеристика) : Монографія. – Х. : Право. – 240 с. – С. 28.

ситуации, с учетом целей участников правовой коммуникации. Представляется, что *определенность* и *добросовестность* могли бы пополнить список принципов основополагающего уровня: без них невозможно понять сущность права как такового, в каких бы ситуациях оно ни функционировало; они касаются и мышления, и поведения участников правоотношений.

Именно эти принципы могут быть включены в юридическую логику: принцип добросовестности относится к уровню предпосылок, пресуппозиций, регулирующих правовое мышление, а принцип определенности – к уровню явно принятых регулятивов представления, переработки и обоснования информации. Определенность может быть дифференцирована относительно перечисленных мыслительных действий: при представлении информации важны ясность, четкость и последовательность; при переработке информации – важны тождество при трансфере и трансформации, последовательность при преобразованиях; при обосновании главной является разумная достаточность приводимых доводов.

Задача юридической логики как подсистемы философии права состоит в том, чтобы обеспечивать понятность, связность, единство, самосогласованность сферы права. Все это можно понимать как разные стороны, разные составляющие определенности права. Главный метод логики – формализация – как раз и направлен на увеличение степени определенности, простоты и отчетливости знания и моделей деятельности, что, в конечном счете, должно способствовать повышению эффективности мышления при решении познавательных и практических проблем.

Определенность не следует отождествлять с неизменностью, абсолютным постоянством. Определенность не исключает относительности, подвижности в процессе функционирования принципов логики и права. Это связано с изменчивостью контекстов их применения и с особенностью структуры концептов, являющихся элементами любого принципа: это иерархическое единство «свернутых» смыслов, способных к «развертыванию» в разных «жизненных мирах».

5.2.1. Общность и практическая применимость принципов

Основополагающие принципы, нормы и эталоны правового мышления имеют общекультурную составляющую в виде своего рода смыслового ядра, и в то же время подвижны, вариативны при взаимодействии с ситуативными смыслами, целями, интересами субъектов права. Недостаточное понимание этого обстоятельства приводит иногда к тому, что универсальность применения основополагающих принципов права истолковывается как проявление чрезмерной абстрактности, что позволяет относить их к «интеллектуальным явлениям, обобщениям, не имеющим прямой юридической значимости», в отличие от таких принципов, как «скажем, принцип презумпции невиновности, принцип состязательности в процессе, принцип диспозитивности в гражданском праве и т.д.». Об этом пишет С.С. Алексеев, отмечая, что «поворот» в представлениях о роли принципов «высшего уровня» происходит в юриспруденции в связи с ее ориентацией в сторону защиты прав человека¹. Они начинают восприниматься не как нечто внешнее по отношению к юридическим дискурсам, а как внутренне организующее их начало.

Следует добавить к доводам С.С. Алексеева то, что значимость основополагающих принципов права становится очевидной не только в связи с каким-либо очередным «поворотом», но и, главным образом, в связи с пониманием самой сути принципа справедливости как главного из принципов права. «Спрос на справедливость, – как отмечает О. Хеффе, – существует во всех сферах человеческих отношений, как в отношениях кооперации, так и в отношениях конкуренции. Мера справедливости состоит в дистрибутивной и одновременно коллективной пользе: пользе для каждого в отдельности и для всех вместе взятых»². «К ядру справедливости относится взаимность»³. Личность и социум – равны в своих правах. Что касается «прямой юридической значимости», то следует вспомнить, что нормы права, как бы детально они ни были проработаны, никогда

¹ Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1998. – 336 с. – С.136-137.

² Хеффе О. Справедливость: философское видение. – М.: Практикс, 2007. – 192 с. – С. 40.

³ Там же. – С. 47.

не смогут урегулировать все правовые отношения; в случае пробелов в праве, в случае затруднений в интерпретации и применении норм общие принципы права становятся «нормой прямого действия», задавая направленность принятию решения.

Аналогичное положение складывается в логике XX века: основные законы мышления, сформулированные в традиционной логике, многими были выведены за пределы логики в сферу философии. Им отводилась роль принципов, а не законов, и не в логике, а в общей методологии научного познания. Может быть, термин «принцип» здесь действительно больше подходит, чем «закон». Однако суть дела не в этом. Сохранить традиционное использование термина «закон» или нет – это терминологический вопрос, но считать или не считать закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания основополагающими компонентами логического знания, логической теории – это далеко не терминологический вопрос.

Заметим, что введение термина «закон» для формул, доказанных в логических исчислениях, иногда приводит к путанице разных пониманий термина «закон логики». Например, формулы $a \rightarrow a$, $\neg(a \wedge \neg a)$, $a \vee \neg a$ являются логическими тавтологиями; будучи доказанными в исчислении высказываний, они не становятся при этом законами логики; может быть, это законы, конкретизирующие законы логики внутри данного исчисления, хотя на роль законов исчисления больше подходят правила преобразования формул (например, законы де Моргана). Приведенные формулы – результат действия аксиом и правил вывода, соответствующей «техники вывода» *внутри конкретной логической системы*, а общие законы логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания) действуют – с определенными модификациями – *для всех систем логики*, для мышления человека в его самом общем понимании.

Появление паранепротиворечивых логик свидетельствует не об опровержении соответствующих законов (принципов), а о необходимости их усложнения, развития, совершенствования в тех случаях, когда от двухвалентной логики мы переходим к трехвалентным, многовалентным.

Изучение принципов логики и принципов права приводит к выводу о том, что принципы логики не только признаются, действуют в сфере юриспруденции, но и могут прямо пересекаться с принципами права. Как уже отмечалось, принцип добросовестности явно формулируется в юриспруденции и неявно выступает как пресуппозиция логики как науки. Принцип определенности имеет и логический смысл, и правовой; оба эти смысла не только согласуются друг с другом, но и усиливают действие друг друга. С.П. Погребняк отмечает, что принцип определенности, именуемый иногда принципом юридической безопасности (*legal security*), в качестве своего смыслового стержня имеет понятие предсказуемости. Принцип определенности требует, чтобы правовые акты заблаговременно обнародовались, были ясными, простыми, точными, четкими и непротиворечивыми, чтобы люди могли понимать их правовые последствия, и в соответствии с этим планировать свои действия с уверенностью, что они юридически безопасны. Применение этих актов в судах тоже должно быть прозрачным и предсказуемым. Именно «принцип правовой определенности создает альфу и омегу формальной реализации права»¹.

Принцип определенности реализуется во всех разделах логической теории – от учения о понятии и суждении до учения о доказательстве и аргументации, конкретизируясь в виде многих частных правил – в правилах определения и деления; в правилах преобразования суждений; в правилах вывода; в понятии выводимости; в правилах доказательства и понятии доказуемости и т.д.

5.2.2. Интерсубъектность, общность и адресность права

Единство знания и правил деятельности человека в полной мере может быть понятым только при условии, что и то, и другое рассматривается в контексте коммуникации. А это значит, что и понимание общих принципов, касающихся и знания, и деятельности, предполагает учет целей, ценностей, интересов, «жизненных миров» и «жизненных ситуаций» субъектов права – и индивидуальных,

¹ Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика): Монографія / С.П. Погребняк. – Х. : Право. – 240 с. – С. 178-179.

и коллективных – от конкретного «Я» до субъекта ноосферного уровня. Главной формой прояснения этих моментов является диалог. В процессе конструктивного диалога уменьшается или исчезает *неопределенность* информации, появляется возможность *креативного синтеза, консенсуса*. Субъектами коммуникации могут быть личность, группа личностей, социум, государство как представитель социума. В «ноосферном диалоге», как отмечает И.В. Дмитриевская, главной целью является «создание целостности человека и природы, духовной целостности человечества», что достигается с помощью «диалога поколений и культур»¹. Такой диалог многим представляется утопией; однако его возможность становится все более реальной при практическом осуществлении любого конструктивного диалога культур, социумов, а также личностей, их представляющих.

Немаловажную роль при этом может сыграть виртуальный диалог правовых систем, правовых культур, осуществляемый исследователями в теории права с помощью сравнительных методов. «Сравнительное правоведение ... является мощным инструментом в решении не только сугубо правовых проблем, но и общецивилизационных проблем», поскольку «обладает междисциплинарным комплексным характером, ... включает в себя все многообразие права в его геоправовом аспекте»².

Такая постановка вопроса о функционировании права делает весьма актуальным уточнение понятия субъекта права. И речь здесь идет пока не о субъектах права ноосферного или планетарного масштаба, а субъекте права как таковом.

В существующих правилах рационально организованной коммуникации есть пункт о равенстве субъектов коммуникации. В юриспруденции, признающей одним из главных принципов права принцип равенства, тем не менее, устойчиво сохраняются представления о неравенстве субъектов правовой коммуникации.

При сопоставлении императивных и диспозитивных норм часто подчеркивается в качестве одного из критериев их различения

¹ Ноосферные исследования / сост.: Дмитриевская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. – Иваново : Ив.гос.ин-т, 2002. – Вып.2. – 177 с. – С. 58.

² Бехруз Х. Сравнительное правоведение. Учебник для вузов. – Од.: Феникс; М.: Транслит, 2008. – 504 с.

именно равенство или неравенство сторон. Как представляется, любое признание неравенства субъектов права все более становится анахронизмом. Практика Европейского суда по правам человека приучает нас к тому, что отдельная личность и государство равны перед законом, они – равноправные субъекты правовых отношений. Формулировки вида: «Герст против Соединенного Королевства» здесь привычны¹.

Стоит обратить внимание также на такую характеристику норм права, которая обозначается термином «неперсонифицированность» и которая, на наш взгляд, служит скрытым поводом нарушения принципа равенства субъектов права перед законом.

Обратимся снова к книге С.П. Погребняка. Обосновывая нормативность права, автор говорит об общности норм и принципов, ссылаясь на такие их характеристики как «неисчерпаемость» (возможность многократного применения) и «неперсонифицированность»². Неперсонифицированность проявляется в отсутствии указания на отдельные адресаты, поскольку норма предназначается не какому-то одному субъекту, а всем членам сообщества. Казалось бы, в подтексте здесь содержится признание равенства всех субъектов перед законом. Однако «неперсонифицированность» норм права, как оказывается, может быть истолкована так, что это создает возможность конфликта двух пониманий. Первое связано с признанием неявного присутствия во всех текстах правовых норм квантора общности: «Для всех верно, что...», «Каждый обладает правом...», «Каждый обязан...» и т.п. Квантор всегда предполагает некоторую фиксированную область, множество, «возможный мир», которые четко заданы в данной правовой коммуникации. Уже в Дигестах Юстиниана сказано, что «права устанавливаются не для отдельных особ, а общим образом», что «закон является общим (для всех) предписанием»³.

Второе понимание неперсонифицированности норм права переносит акцент на *отсутствии указания* на конкретного адресата,

¹ Практика Европейського суду з прав людини. Рішення. Коментарі. №2 (07), 2012. Мін. Юст.України. – 240 с. – С. 6.

² Погребняк С.П. Основоволожні принципи права (змістовна характеристика): Монографія / С.П. Погребняк. – Х.: Право. – 240 с. – С. 22.

³ Там же.

то есть на *безадресность* правовых норм. О «молчаливом присутствии» квантора общности в этом случае уже не говорится. С.П. Погребняк, например, использует такой оборот: «не якійсь одній особі, а відразу багатьом, поіменно не перерахованим», «для невідомої кількості осіб певної категорії»¹. Выражение «відразу багатьом» ближе по смыслу к частному, а не к общему квантору: «при-суще многим, но не всем». Общий квантор говорит об отсутствии исключений, независимо от того, определено ли число элементов предметной области или нет, велико оно или мало. Частный квантор исключения допускает.

В логике норм, как известно, указание адресата нормы обязательно. В теории права среди структурных элементов правовой нормы адресата нет – называют лишь гипотезу, диспозицию и санкцию. Это, по-видимому, следствие принятия указанного выше второго понимания «неперсонифицированности», которое фактически делает норму «неопределенно-субъектной». Можно предположить, что у теоретиков права есть основания для отказа от общего квантора, опирающиеся на принципы «незавершенности», «относительности» правовых норм, на некоторые юридические основания. Но факт остается фактом. Субъект как элемент в структуре правовых норм в теории права не упоминается. Вопрос: «все или некоторые?» здесь даже не обсуждается. А это, как это ни печально признавать, создает реальную возможность для нарушения принципа общности, универсальности понимания и применения права, для появления «исключений», «избирательного правосудия», «особого статуса» там, где это не является обоснованным с правовой точки зрения. Бессубъектных, безадресных норм не должно быть. Логическая неопределенность адресата нормы может быть устранена или путем квантификации, если множество адресатов однородно и однозначно задано (что совсем не предполагает его счетности), или путем дифференциации, учета разнородности этого множества, учета разных категорий субъектов и соответствующей модификации способов применения нормы. Без таких способов уточнения адрес-

¹ Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика): Монографія / С.П. Погребняк. – Х. : Право. – 240 с. – С. 22.

ности каждой правовой нормы происходит опасное «смещение беспристрастности с безличностью»¹, которое нарушает принцип справедливости для всех субъектов правоотношений – и для личности, роль которой неоправданно умалается, и для солидарного социума, который проявляет равнодушие к своим членам, и уже поэтому не заслуживают признания его претензии на «общее благо».

5.3. О значимости концептов и принципов права для формирования юридической логики

Первый вопрос, который неизбежно возникает у всех, кто знакомится с проблемой концептов и принципов права, концептов и принципов культуры, – это вопрос: а причем здесь юридическая логика? Принципы и концепты осмысливаются исключительно с *содержательной* точки зрения, а логика – наука *формальная*.

Ответ на такие вопросы, а в сущности – возражение, – заставляет вернуться к проблемам понимания предмета логики, предмета юриспруденции и отношения взаимодетерминации логики, юриспруденции с культурой общества, в жизнь которого они входят. И, конечно, к пониманию формализации.

Если понимать логику так, как понимало ее большинство логиков XX века, – то есть как науку о дедуктивных моделях рассуждений, построенных с помощью специальных формализованных языков по методам математики, то эти возражения справедливы, а ответ на поставленный выше вопрос: ни при чем.

Если понимать логику как традиционную логику, исторически предшествующую математической логике, детищу рубежа XIX и XX веков, то критика предлагаемого нами понимания юридической логики неизбежна, хотя, может быть, не убийственна. Однако вопрос о значимости «концептов» и «принципов» права в юридической логике в этой «системе отсчета» также будет, скорее всего, решен отрицательно: «понятие» – это логический термин, а «концепт» – уже вне логики. Этот термин относится к общекультурным дискурсам, к смысловому пространству функционирования естественных языков, других языков культуры.

¹ Хеффе О. Справедливость: философское видение. – М.: Праксис, 2007. – 192 с. – С. 55.

Однако в настоящее время формируется более широкое понимание логики и более широкое понимание формы, при котором в число логических систем входят и те, которые формализованы иначе, чем математическая логика¹.

Метод формализации мысли как образа действительности (знания) предполагает многоуровневый характер логических моделей действительности, их многокачественность. При этом всегда используются специальные знаковые средства, некоторые из которых могут быть выделенными элементами или подязыками естественных языков, *особым образом употребляемыми*. В этом случае может различаться целая иерархия форм мысли, выраженных словом, несколько разнообразных форм, выраженных предложением, мини-текстом и т.д.². Главными требованиями остаются: увеличение степени определенности, конструктивности, удобства и, как результат, – повышение эффективности, эвристичности мышления. Это общие требования к любой формализации³.

Метод формализации мышления как деятельности, как процесса, предполагает особое внимание к последовательности шагов, к правилам, по которым эти шаги выполняются, а, следовательно, к повышению определенности мышления как ограничению диапазона возможностей – с помощью норм, конституированных в качестве основных, фундаментальных, задающих направленность мышления.

Имя, предикатор, категория, концепт, идея, суждение – это формы-образы, дескрипции. Правила вывода, правила обоснования, процессуальные правила – это формы-правила, формы-алгоритмы. Оценка, норма, мнение – это формы-эталоны, формы-образцы, соединяющие дескриптивное знание с практическими действиями, с интересами, целями и ценностями субъектов коммуникации.

¹ Сумарокова Л.М. Про поняття форми у сучасній логіці / Л.М. Сумарокова // Актуальні проблеми держави і права. Зб. наук. праць. Вип.25. – О. : Юрид. літ., 2005. – С. 22-26.

² Сумарокова Л.Н. О многомерности смысла научных терминов / Л.М. Сумарокова // Політична наука. Контури міждисциплінарного перетину. Тема IV Конвента МАСП (Україна). – О. : Гельветика, 2014. – С. 286-287.

³ Сумарокова Л.М. Про поняття форми у сучасній логіці / Л.М. Сумарокова // Актуальні проблеми держави і права. Зб. наук. праць. Вип.25. – О. : Юрид. літ., 2005. – С. 22-26.

Концепт как особый вид понятия соединяет в себе и дескриптивный, и оценочный, и нормативный аспекты значения. То же можно сказать о принципе. То, что логика раньше изучала по отдельности, в своих разных разделах (логика суждений, логика оценок, логика вопросов и т.д.) современная логика должна синтезировать в более сложные и емкие структуры, упорядочивающие разные сведения в одной смысловой единице. К этому вынуждает развитие мышление современного человека, которому свойственны «свернутость», «концентрированность» и многофункциональность структур.

Раньше знание и мнение, например, понимались как противоположности, и из них к науке принадлежало только знание как устойчивое, связанное с постижением сущности. А сегодня мы понимаем, что мнение может быть ступенью к знанию, что нужны четкие критерии измерения степени истинности, вероятности, правдоподобия тех или иных мнений, утверждений. Один из таких критериев – проверка в коммуникативных процессах, установление степени приемлемости для коммуникантов, занимающих разные позиции, наличие способности привести их к консенсусу в данной ситуации. *Истинность* была и остается в логике центральной категорией (соединяет другие понятия), концептом (обозначает цель и ценность), идеей («свернутым» смыслом). *Логическая правильность*, касающаяся как структуры знания, так и правил, алгоритмов, эталонов мышления, также важна. Для логики правовых дискурсов истинность дескриптивных положений и правильность как изложения, так и переработки информации не менее важны, чем в математике. Но формы контроля над истинностью и правильностью здесь другие. И изучать их может и должна юридическая логика.

В традиционной логике понятие было практически единственной формой мысли, выражаемой словом. Но сегодня этот уровень явно недостаточен. Значит ли это, что все остальные виды организации мысли в слове следует оставить за границами логики, вытеснить их в сферу некоторой когнитивистики, где логические, лингвистические и психологические методы анализа плохо различаются? Ответ зависит от того, насколько поддаются формализации эти новые формы организации мысли. Изменчивость смысла термина определяется видом, целями научной коммуникации, ее контекстом, а также

степенью единства участников коммуникации, уровнем и масштабом детализации, точности рассмотрения. Означает ли этот ряд зависимостей неизбежную «размытость» и субъективность значений терминов, недоступность их для логического анализа? Думается, что нет. Стремление к определенности и понятности терминологии для всех участников дискурса остается обязательным. Однако определенность и понятность нельзя отождествлять с неизменностью. Определенность в существенном не исключает изменчивости проявления сущности; сама эта изменчивость может быть – в известной мере – понятной и ожидаемой, предсказуемой, структурированной. Если один и тот же юридический термин в разных коммуникативных ситуациях мог быть то просто понятием, то категорией, то концептом, то идеей, то принципом, то может ли юридическая логика изучать эти разные способы употребления, разграничив при этом «ядерную» часть смысла и «ситуативные» коннотации, различаемые в разных правовых контекстах? Думается, что да. Интересно ли для юриста знать, как и в каких случаях в смысле юридических терминов-концептов «справедливость», «свобода», «ответственность», «правовой порядок», «равенство», «законность», «преступность» и т.д. – разграничиваются ядерная, константная часть и ситуативные, меняющиеся части, как в них сочетаются дескриптивное, нормативное и оценочное значения? Ответ на такие вопросы может быть получен в юридической логике.

И последнее. В юридической аргументации, как отмечалось нами выше, системообразующим фактором является «глубинный базис», который детерминирует выбор аргументов, стратегии и тактики их использования, весь процесс доказывания. И важнейшей составляющей «глубинного базиса» являются концепты и принципы права, концепты и принципы мировоззренческого уровня. Поэтому изучения процедуры доказывания должно быть доведено до этапа выделения глубинных смысловых структур, имплицитно принятых субъектами коммуникации, до исследования их логической связи с остальными компонентами аргументации.

Концепты и принципы формализуемы, но это особый вид формализации, выполняемой с помощью выделения и особых способов употребления элементов естественных языков и других специально вводимых символических средств.

В качестве главных выводов раздела V отметим следующие.

- Концепты права – это смыслы, обладающие большой обобщающей силой и энергией экспрессива; они соединяют в себе дескриптивный, регулятивный (нормативный) и аксиологический аспекты, что характерно для праксеологического уровня освоения действительности.

- Концепты права – многослойные смыслы, которые могут функционировать в отдельных областях права, в праве как целостной системе и в сфере взаимодействия права как подсистемы человеческого бытия с остальными его подсистемами. В последнем случае концепты права одновременно выступают и как концепты культуры.

- Принципы права – это концепты или их соединения, в которых на первый план выходит их нормативность, которые обладают не только общностью, обязательностью, но и приоритетностью среди других норм в процессах их применения.

- В современной методологии понятие «концепт» употребляется не только в семантическом измерении – как особый вид смысла, – но и в логико-системном измерении – как системообразующий фактор (свойство или отношение) в некоторой модели объекта как системы. Оба эти смысла релевантны для определенных видов функционирования концептов и принципов в правовом мышлении.

- Такие концепты права как «справедливость», «права человека», «свобода», «ответственность» и др. не просто понимаются, а переживаются субъектами правовых отношений, а переживания, как известно, – это элемент экзистенциального опыта человека. Этот опыт, накапливаясь, создает общий фон, влияющий на выбор и интерпретацию концептов и принципов права, концептов культуры, на их принятие или непринятие субъектами правоотношений.

- Противопоставление широко обсуждаемых «либеральной» и «коммунитаристской» парадигм, ориентированных на разные системообразующие концепты – права человека и справедливость и, соответственно: уважение прав человека и признание необходимости человеческой солидарности, – должно рано или поздно закончиться согласием с тем, что они равноценны теоретически и практически для права в целом. Будучи дополнительными по отношению друг

к другу, они едины праксеологически в рамках общей картины правовой жизни, поскольку являются ответами на разные угрозы, связаны с разными опасениями и страхами субъектов правоотношений. Проблема выбора концептов и принципов права не юридическая, не логическая, не гносеологическая, а праксеологическая по своему существу.

- Предыдущий вывод не исключает участия юристов и логиков в исследовании концептов и принципов права; напротив, в силу системообразующего характера их для права в целом, юристы и логики не могут их игнорировать: нельзя заниматься элементами, частями, подсистемами, не выяснив сути целого, его эмергентных качеств, направленности развития.

- Коммуникативный подход и к праву, и к логике предполагает рассмотрение концептов и принципов как результата коммуникативного взаимодействия, согласования субъектов права. В существующей теории права проблема субъекта как адресата права практически не исследуется. Среди элементов правовой нормы субъект нормы (адресат) почти не упоминается, а если и упоминается, то достаточно неопределенно, что ведет к своего рода «анонимности», к смешению беспристрастности и всеобщности нормы с ее безличностью, а это создает возможность для скрытой «избирательности права», произвольной субъективности в процессах правоприменения.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Осуществление проекта под названием «юридическая логика» представляет интерес и для логики, и для юриспруденции по нескольким причинам.

Первая состоит в том, что разработка дисциплины, анализирующей результаты взаимодействия логики и юриспруденции, способствовала бы преодолению негативной тенденции к чрезмерной автономизации, которая, к сожалению, имеет место в обеих этих сферах и мешает их дальнейшему развитию.

Вторая касается тех кризисных моментов, которые проявляются в отношениях и логики, и юриспруденции с обществом, в существующих оценках их места и роли в современной культуре, в самосознании науки, в самосознании общества в целом. Речь идет о необходимости качественных перемен, о переходе на новый уровень развития, связанный с переоценкой ценностей, стандартов, целей, направленности исследований.

Когда мы рассматриваем логику под углом зрения: чем она может помочь юриспруденции в решении ее проблем? Когда мы рассматриваем юриспруденцию с той точки зрения, насколько важны для современной логики те результаты формализации и знания, и деятельности, которые здесь получены, закреплены в теоретических выводах и в юридических практиках, – то это может помочь не только дополнить, но и переосмыслить многие привычные вещи в обеих названных областях. В частности, может быть переосмыслена роль традиций. Об этом в самом общем философском понимании пишет М.В. Попович, когда он признает возможность того, что традиция перестает быть основой национальной культуры: «Новітні етапи пізнання є не надбудовою над старими, а навпаки – базисом і основою для по-новому прочитаних старих і класичних. Як узгодити вчорашній день із майбутнім – це питання для культури взагалі

завжди залишитися джерелом проблем і конфліктів»¹. Автор ссылається на аналогію з історії науки: не можна розуміти квантової або релятивістської механіки з точки зору класическої, але можна розуміти класическу механіку з точки зору сучасної фізики². Можливо думку М. Поповича висловити в менш жорсткій формі: традиція перестає бути *єдиною*, головною основою національної культури; повинна відбуватися постійний *діалог*, точніше полілог минулого, сучасного і майбутнього. Минуле представлено в історическій пам'яті, в традиціях; майбутнє – в цілях і програмах, мріях і планах, в загрозах і небезпеках. А суб'єкти цієї комунікації – люди, здатні висловити, розуміти, порівняти, оцінити існуючі базові значення во всіх трьох вимірах.

Комунікативний підхід в юриспруденції може допомогти по-новому осмислити роль суб'єктів правових відносин в процесі і виникнення, і функціонування права. В цьому ж напрямку «працює» антропологічний підхід. Це збіг не випадково. Людина завжди була в центрі права. Але цей людина переважно був державцем, законодавцем, суддею, іншим олицетворенням держави. А юридическі практики розвивалися в напрямку все більшого усвідомлення і закріплення ідеї інтерсуб'єктності права. Договірне право накопичило цінний досвід в цьому усвідомленні. В судових практиках століттями шліфувалася модель судового доказування як діалогу, суперечки, *взвешування* аргументів всіх сторін. Найбільш модні сьогодні моделі комунікативних аргументативних дискурсів фактично повторюють багато правил і норм, встановившіся в практиці судового доказування, закріплені в процесуальному праві. Однак традиції, накоплені в судових практиках і узагальнені в теоретическій юриспруденції, потребують свого переосмислення в контексті нашої епохи і тих щоденних проблем, які встали перед сучасною особою і сучасними суспільствами, перед людством. Юристам пора відмовитися від безлічності, безадресності норм, від байдужості до анонімно існуючому адресату

¹ Попович М. Бути людиною. Наукове видання. – К. : «Києво-Могилянська академія», 2011. – 224 с. – С. 223.

² Там же.

правовых норм, – с одной стороны. А с другой – от резких различий статусов субъектов правоотношений, от деления на «старших» и «младших», «управляющих» и «управляемых»: перед законом все должны быть равны. Более того, в ряд равноправных участников правовых отношений и правовой коммуникации должны быть включены и личность («Я»), и социальная группа («Я» и «Ты»), и социум, и государство, а затем и человечество – потенциальный носитель ноосферного мышления, который должен проявлять себя и через личность, и через социальные группы, социумы, государства – ибо в противном случае жизненные интересы и тех, и других, и третьих обеспечены быть не могут, по крайней мере, в долговременной перспективе.

Третья причина, которая делает востребованными разные варианты практических логик (а юридическая логика – практическая логика, объединяющая прикладную и креативную ветви взаимодействия логики и права) – необходимость защиты рациональности, бытия человека, обновление самой идеи рациональности. Нужно искоренить смешение рациональности с рационализмом¹. Рационализм – это редуцированное, свехупрощенное понимание разума: например, он сводится к какому-то одному своему аспекту – то к теоретическому, то к эмпирическому, то к дедуктивному, то к индуктивному, то к анализу, то к синтезу, то к индивидуальному, то к коллективному и т.д. и т.п. Кроме того, разум в рационалистических учениях изолируется от остальных компонентов сознания человека – от его чувств, эмоций, воли, различных форм бессознательного (интуиции, например). Вот почему столь важно было для нас обратиться к таким новым реалиям в мышлении современного человека как концепты, идеи, принципы, в которых соединены и знание, и переживание (эмоция, ценностная окраска, волевой импульс). Это в полной мере касается правосознания и правового мышления.

Рациональность – неотъемлемая черта и логики, и юриспруденции. Но при этом надо осознавать, что сегодня нужно более адекватное понимание рациональности и разума. Это рациональность

¹ Сумарокова Л.Н. Рациональность vs рационализм в современной методологии юриспруденции. // Актуальні проблеми держави і права: зб. наукових праць. Вип. 67. Ред. С.В. Ківалов та ін. – О. :Юридліт, 2012. – С. 118-125.

и разум целостного человека, не изолированные от чувственно-эмоциональной и волевой сфер; разум без переживания, чувственно-эмоциональной и волевой поддержки просто мертв.

Противоположность, антипод, соперник рациональности не вся внерациональная сфера, как это часто утверждают, а только иррационализм, хаотичный поток сознания, мракобесие и их различные варианты, враждебные разуму, отрицающие его важную роль в жизни человека. К сожалению, иррационализм в настоящее время очень агрессивен, он наступает, спекулируя на чувствах человека, его опасениях, страхах, мечтах и надеждах. Без него не обходятся разные формы фанатизма, экстремизма; без него не обходятся анония, правовой нигилизм.

В качестве *четвертой причины* выделим необходимость развития критичности мышления современного человека и, в частности, необходимость развития критичности правового мышления.

Среди необходимых параметров мышления юриста Р. Циппелиус называет конкретность, то есть привязку к ситуациям, топиковость, то есть умение находить и оценивать общепризнанные положения (топы) в юридической аргументации, а также способность к сравнению и умение видеть функциональное единство права¹. Среди этих параметров к развитию критичности мышления юриста непосредственное отношение имеет *способность к сравнению*: нужно уметь сравнивать эталон и действительное, реальное его воплощение; норму и ее реализацию; провозглашаемые нормы, принципы, концепты и фактическое их воплощение или невоплощение; одну систему норм с другими системами норм; теоретическую модель действия, процесса и ее реализацию или нереализацию в «живом» дискурсе и т.д. Общая логика права не может быть выявлена без опоры на сравнение разных правовых традиций, ценностей, способов организации системы норм и механизмов их осуществления.

Право должно помогать развивать и критичность, и способность противостоять критике с позиций справедливости, рациональности, приоритетных ценностей.

¹ Циппелиус Р. Філософія права: Підручник. Пер. з нім. – К. : Тандем, 2000. – 300 с. – С. 258-277.

Критика в адрес юристов и в адрес логиков в обществе существовала всегда. В качестве примера можно привести два случая критики логики – один из них относится к рубежу II и III веков н.э., а другой – к рубежу XX и XXI веков. Первый связан с трудом Секста Эмпирика «Против логиков». Перед нами высший уровень критичности по отношению к логической науке, по существу переходящий в нигилизм. А ведь к тому времени уже состоялись в логике труды Аристотеля, стоиков. Планка, поднятая критиком, очень высока. Он критиковал результаты логиков, исходя из своего понимания места логики в философии: логика «отвечает» в философии за разработку достоверных принципов поиска и распознавания истины, а также теории «о критериях и доказательствах»¹. Иными словами, с точки зрения Секста Эмпирика, при оценке логики надо опираться на некоторую целостную философию, центром которой является понимание истины, ее критериев и ведущих к ней путей.

Другой, современный пример критики логики связан с критикой односторонности, неполноты логических моделей мышления: мышление в современной логике выглядит как «механическое оперирование абстрактными символами», а разум человека стал слишком похож на «машину, оперирующую символами... посредством исчисления»². Эта критика Дж. Лакоффа справедлива, поскольку направлена на отождествление логики с формализованными моделями математического доказательства. Однако преодоление ограниченности так понятой логики автор видит не в изменении концепции логики за счет расширения ее предметной области и методов исследования, а в выходе за пределы логики. Получается, что автор молчаливо принимает сведение логики к математической логике, оставляя все как есть, и тем самым признает логику не интересной для не-математиков. Однако это противоречит как истории логики, так и истории ее взаимоотношений с правом.

¹ См. подробнее: Сумарокова Л.Н. Критика логики от Секста Эмпирика до Дж. Лакоффа: методологический аспект // Правове життя сучасної України. Матер. міжнар. наук-практ. конф., присвяч. ювілею акад. С.В.Ківалова. – О. : Юрид. літ., 2014. – С. 13-15.

² Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М. : Гнозис, 2011. – 516 с. – С. 11.

Юриспруденция – та сфера человеческой познавательной и практической деятельности, которая всегда была не только хранилищем логических стандартов логической культуры, но и их источником и испытательным полигоном. Работа по созданию юридической логики как варианта практической логики может быть успешной, если юристы и логики усвоят ту истину, что не только нормы, правила, концепты и принципы конституируют действительность мышления, но и, главным образом, наоборот: жизнь человека, практика мышления, действительное мышление генерируют внутри себя алгоритмы, нормы, формы, концепты и принципы. И главным при этом становится не вопрос техничности, а вопрос ценностей, целей в аспекте перспективы Человека, его судьбы.

Самый крупный вклад юриспруденции в современную логику может быть связан с осмыслением в терминах логики не только юридических стандартов доказывания: его диалогичности, альтернативности и многослойности, но и его стратегических целей – гармонизации человеческих отношений. Такое осмысление стало бы полезным и для юриспруденции, сделав ее формы и процессуальные нормы более понятными, прозрачными и эффективными, а главное – ценными в глазах общества и каждой личности для самосохранения и развития.

В 1893 году проф. Эбердинского университета В. Минто в предисловии к своему учебнику логики писал: «Логика Аристотеля, по ее первоначальному назначению, была таким же практическим руководством, как трактаты о мореплавании или руководства к игре в вист». И далее связывает это с национальной чертой греков – любви к спору как утонченной умственной игре. Они не спорят с жаром и гневом, кончая спор дракой, как ирландцы. Они не доводят спор до потасовки. Именно из этих споров, считает В. Минто, «вышли логические трактаты Аристотеля»¹. И логика, и юриспруденция призваны помогать людям решать жизненно важные проблемы «без потасовок», без применения насилия, опираясь на мудрость и энергетику Разума.

¹ Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. Пер. с англ. С.А. Котляревского. 6-е изд. – М., 1909. – 549 с. – С. 5-6.

При этом следует ответить на вопрос: является ли логика неизменной основой рациональности, как считал И. Кант, или же понимание природы логического должно стать иным, а в истории логики следует увидеть процесс смены логических эпох?¹ В какой логической эпохе находится нынешняя наука? Сама идея юридической логики заставляет переосмыслить возможный спектр ответов на эти вопросы.

¹ Солонин Ю.Н. Логика: ожидания и разочарования / Юрий Никифорович Солонин // Современная логика. X Общерос. науч. конф. Мат. пленарных докл. – СПб., 2008. – С. 126-129; там же: Драгалина-Черная Е.Г. Границы логики: перспектива обобщенной квантификации / Елена Григорьевна Драгалина-Черная. – С. 105-116.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айер Альфред Дж. Язык, истина и логика / Альфред Дж. Айер. Научное изд. – М. : Канон, 2010. – 240 с.
2. Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції : Монографія / Ю.М. Оборотов, В.В. Завальнюк, В.В. Дудченко та ін. ; За ред. Ю.М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – 492 с.
3. Алексеев С.С. Философия права / С.С. Алексеев. – М. : Норма, 1998. – 336 с.
4. Антонова О.А. История развития теории логического вывода в XX в. / О.А. Антонова // Логико-философские штудии: Вып. 3. – СПб : изд-во С-Петер. ун-та, 2005. – С. 84-97.
5. Аристотель. Первая аналитика // Аристотель. Соч. в 4-х т., Т. 2. – М. : Мысль, 1978. – С. 117-254.
6. Аристотель. Топика // Аристотель. Соч. в 4-х т., Т. 2. – М. : Мысль, 1978. – С. 347-531.
7. Асмус В.Ф. История античной философии / В.Ф. Асмус. – М. : Высшая школа, 1965. – 320 с.
8. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля / А.С. Ахманов. – М. : Изд. соц-экон. лит., 1960. – 316 с.
9. Бандурка О.М. Юридична логіка / О.М. Бандурка, О.В. Тягло. – Х. : Золота миля, 2011. – 224 с.
10. Бейкер Г.П. Скептицизм, правила и язык / Бейкер Г.П., Хакер П.М. – М. : Канон, 2008.
11. Белкин А.Р. Теория доказывания / А.Р. Белкин. – М. : Норма, 1999. – 429 с.
12. Бехруз Х. Сравнительное правоведение : учебник для вузов / Х. Бехруз – О. : Феникс ; М. : ТрансЛит, 2008. – 504 с.
13. Бобровник С.В. Компроміс і конфлікт у праві: антрополого-комунікативний підхід до аналізу : монографія / С.В. Бобровник. – К. : Юридична думка, 2011. – 384 с.

14. Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению : монография / Л.Н. Богатая. – О. : Печатный дом, 2010. – 372 с.
15. Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев / В.Н. Брюшинкин. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с.
16. Бугай Д.В. Правовое мышление в архаической Греции / Д.В. Бугай // В.Ф. – 2012. – № 1. – С. 79-88.
17. Буш Г. Диалогика и творчество / Генрих Буш. – Рига : Авотс, 1985. – 318 с.
18. Васюков В.Л. Математический плюрализм и универсальная логика / В.Л. Васюков // Логические исследования. Вып.16. Ин-т философии РАН. – М.-СП-б : ЦГИ, 2010. – С. 106-126.
19. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. Часть I. [Пер. с нем.]. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
20. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
21. Власов А.А. Адвокат как субъект доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.А. Власов. – М. : Юрлитинформ, 2000. – 240 с.
22. Войшвилло Е.К. Логика / Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. – М. : Владос, 2001. – 528 с.
23. Вступ до сучасної юридичної логіки / за ред. М.І. Панова та В.Д. Титова. – Х. : Ксилон, 2001. – 198 с.
24. Герасимова И.А., Новоселов М.И. Искусство убеждения в традициях логической науки // Мысль и искусство аргументации. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 9-43.
25. Герасимова И.А. Проблема двойственности в историко-культурном контексте / И.А. Герасимова // Противоположности и парадоксы (методологический анализ) / Отв. ред. И.А. Герасимова. – М. : Канон +, 2008. – С. 7-35.
26. Герасимова И.А. Оппозиции / И.А. Герасимова // Противоречие и дискурс. – М. : Изд. Ин-та философии РАН, 2005. – 185 с.
27. Горобець К.В. Аксіосфера права та її компоненти : автореф. канд. дис. на здоб. наук. ступ. канд. юрид. Наук / К.В. Горобець. – О., 2012. – 17 с.
28. Гражданский Кодекс Украины. – Х. : ООО «Одиссей», 2008. – 400 с.

29. Губин В.Б. О приведении к очевидности как доказательстве в реальности / В.Б. Губин // *Философские науки*. – № 3. – 2002.
30. Гусев С.С. Смысл возможного. Коннотационная семантика / С.С. Гусев. – СПб : Алетейя, 2002. – 192 с.
31. Дмитриевская И.В. Ноосферные исследования / И.В. Дмитриевская, А.Н. Портнов, Д.Г. Смирнов. – Иваново : Ив. гос. ин-т, 2002. – Вып. 2. – 177 с.
32. Дмитриевская И.В. Системная герменевтика: концепты, смыслы, тексты : Монография / И.В. Дмитриевская. – Иваново : ИГСХА, 2014. – 384 с.
33. Драгалина-Черная Е.Г. Границы логики: перспектива обобщенной квантификации / Елена Григорьевна Драгалина-Черная // *Современная логика. X Общерос. науч. конф. Мат. пленарных докл.* – СПб., 2008. – С. 105-116.
34. Дремин В.Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества : Монография / В.Н. Дремин. – О. : Юрид.лит., 2009. – 616 с.
35. Дудченко В.В. Традиция правового развития: плюрализм правовых вчень : Монография / В.В. Дудченко. – О. : «Юридична література», 2006. – 304 с.
36. Еемерен Ф. ван. Аргументация: анализ, проверка, представление / Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, Ф.С. Хенкеманс. – СПб, 2002. – 160 с.
37. *Європейський словник філософій*. Т. 4. – К. : Дух і літера, 2013. – 328 с.
38. Жильсон Э. *Философия в средние века*. / Этьен Жильсон ; Пер. с фр. 2-е изд. – М. : Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с.
39. Завальнюк В.В. Понятие и виды юридической ответственности / В.В. Завальнюк // *Общетеоретическая юриспруденция* / под ред. Ю.Н. Оборотова. – О. : Феникс, 2011. – С. 294-306.
40. Закомлистов А.Ф. *Юридическая философия* / Закомлистов А.Ф. – СПб : Юридический центр Пресс, 2003. – 548 с.
41. Зигварт Х. *Логика* / Христоф Зигварт. Т.1. – М. : Изд.дом «Территория будущего», 2008. – 463 с.

42. Зимовець Р. Повага vs солідарність: Ліберальна та комунітаристська стратегії обґрунтування прав людини / Р. Зимовець // Філософська думка. – 2014. – № 4. – С. 51-66.
43. Ивакин А.А. Единство бога , человека и ноосферы: философское эссе / А.А. Ивакин. – Одесса : Феникс, 2012. – 244 с.
44. Инголлс Д.Х. Введение в индийскую логику навья-ньяя / Д.Х. Инголлс. – М. : Наука, 1975.
45. Ішмуратов А.Т. Конфлікт і згода. Основи когнітивної теорії конфліктів / А.Т. Ішмуратов. – К. : Наукова думка, 1996. – 190 с.
46. Каринский М.И. Классификация выводов / М.И. Каринский // Избранные труды русских логиков XIX века. – М. : Изд. АН СССР, 1956. – С. 3-178.
47. Каринский М.И. Об истинах самоочевидных / М.И. Каринский. Изд. 2. – М. : Кн.дом Либроком, 2011. – 200 с.
48. Карпенко А.С. Философский принцип полноты / А.С. Карпенко. Ч. I. // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 58-70.
49. Карпенко А.С. Философский принцип полноты / А.С. Карпенко. Ч. II // Вопросы философии. – 2013. – № 7. – С. 95-108.
50. Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии / И.Т. Касавин. – ВФ. – № 6. – 2013. – С. 46-57.
51. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становление структуры / Н.А. Касавина. – ВФ. – 2012. – № 7. – С. 63-72.
52. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. Т. 3. – М. ; СПб : Университетская книга, 2002. – 398 с.
53. Кірюхін Д. Універсалістський концепт обставин справедливості: межі практичного застосування / Д. Кірюхін // Філософська думка. – 2010. – № 4. – С. 76-85.
54. Кирющенко В.В. Язык и знак в прагматизме / Виталий Кирющенко. – СПб, 2008. - С. 52.
55. Козловський А.А. Гносеологічні принципи права / А.А. Козловський. // Проблеми філософії права. Т. 3. (№ 1-2). – Київ – Чернівці : Рута, 2005. – С. 32-44.
56. Конверский А.Е. Логика традиционная и современная / А.Е. Конверский. – М. : Идея Пресс, 2010. – 380 с.

57. Кримінальний Кодекс України. Загальна частина. Розділ Х. Стаття 50. – Х. : Одіссей, 2013. – 232 с.

58. Кримінальний процес України. Навчальний посібник для підготовки до іспиту / [Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкіна Т.В., Гловюк І.В.] ; за заг. ред. Ю.П. Аленіна. – Х. : ТОВ «Одіссей», 2010. – 328 с.

59. Кримінальний Кодекс України. – Х. : Одіссей, 2013. – 232 с. – Р. 3, ст. 12.

60. Кримський С.Б. Запити філософських смислів / С.Б. Кримський. – К. : Вид: ПАРАПАН, 2003. – 240 с.

61. Крипке Сол А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Сол А. Крипке ; пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева ; общ. ред. В.А. Суровцева. – М. : Канон+, 2010. – 256 с.

62. Куайн У.В.О. С точки зрения логики. Девять логико-философских очерков / Уиллард Вэн Орман Куайн ; пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева ; общ. ред. В.А. Суровцева. – М. : Канон+, 2010. – 272 с.

63. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М. : Гнозис, 2011. – 516 с.

64. Легітимація і насильство. Круглий стол // Філософська думка. – № 2. – 2013. – С. 4-92.

65. Леоненко Л.Л. Является ли теория аналогий «предпосылкой» логики? / Л.Л.Леоненко/ Проблемы викладання логіки та перспективи її розвитку. VI Міжнар. науково-практ. конф. – К. : 2014. – 155 с. – С. 65-67.

66. Логіка за часів перемін: академізм vs прагматизм. Круглий стіл «Філософської думки» // Філософська думка. – № 5. – 2010. – С. 4-18.

67. Луканин Р.К. Органон Аристотеля / Р.К. Луканин. – М. : Наука, 1984. – 304 с.

68. Маковельский А.О. История логики / А.О. Маковельский. – М. : Наука, 1967. – 502 с.

69. Матюшина И.И. Коммуникативная природа смысла : автореф. канд. дисс. / И.И. Матюшина. – О., 2007.

70. Матюшина И.И. Категория смысла в современной философии / И.И. Матюшина: науковий журнал «Перспективи». – № 3 (19). – О., 2002. – С. 72-80.

71. Мельничук О.С. Право та держава в концепції правосвідомості І.О. Ільїна : Монографія / О.С. Мельничук. – О. : Фенікс, 2008. – 178 с.

72. Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж.Ст. Милль [Пер. с 10-го англ.изд. под ред. В.Н. Ивановского]. – М. : Книжное дело, 1899. – 781 с.

73. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного / М. Минский // Новое в лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281-309.

74. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто [Пер.с англ. С.А. Котляревского]. Изд. 6. – М., 1909. – 549 с.

75. Митний Кодекс України. Офіційний текст. Вид. Паливода А.В. – Київ, 2013. – 368 с.

76. Михайлов К.А. Логика : учебник для бакалавров / К.А. Михайлов. – М. : Юрайт, 2012. – 553 с.

77. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле / Н.Н. Моисеев. – ВФ. – 1990. – № 6. С. 32-45.

78. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.

79. Никифоров А.Л. Логика и теория аргументации: Вводный курс / А.Л. Никифоров. – М. : Изд.УРАО, 2003. – 144 с.

80. Никифоров А.Л. Философия науки: История и теория / А.Л. Никифоров. – М. : Идея-Пресс, 2010. – 264 с.

81. Николко В.Н. Об одной модели многоуровневой системы логического образования в Украине / В.Н. Николко // Логіка та багаторівнева система освіти : Матер. Міжнар. науково-практ. конф. – К. : Київ. ун-т, 2006. – С. 94-96.

82. Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ / М.М. Новоселов. – М. : Идея-Пресс, 2010. – 408 с.

83. Оборотов І.Г. Темпоральні грані права : Монографія / І.Г. Оборотов. – Миколаїв : ТОВ «Фірма Іліон», 2009. – 230 с.

84. Общетеоретическая юриспруденция как наука и учебная дисциплина / под ред. Ю.М. Оборотова. – О. : Феникс, 2011. – 436 с.

85. Овчиннікова А.П. Основи ораторської майстерності в умовах конфліктної взаємодії / Овчиннікова А.П., Хаджирадева С.К. – О. : Пальміра, 2005. – 180 с.

86. Оноре Т. Про право: Короткий вступ / Тоні Оноре. [Пер. с англ.] – К. : Сфера, 2004. – 124 с.

87. Остин Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы / Дж. Остин. – СПб : Алетейя, 2006. – 335 с.

88. Пашинский А.И. Специфика правосудия в контексте либертарного правопонимания / А.И. Пашинский // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. – М. : ГУВШЭ, 2009. – С. 238.

89. Пирс Ч.С. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года. // Чарльз-Сандерс Пирс. Рассуждение и логика вещей / Ред. Д.Г. Лахути, В.К. Финн. – М. : РГГУ, 2005. – 371 с.

90. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора / С.И. Поварнин. – СПб. : Лань, 1996. – 160 с.

91. Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика) : Монографія / С.П. Погребняк. – Х. : Право. – 240 с.

92. Попович М.В. Бути людиною / М.В. Попович. Наукове видання. – К. : «Києво-Могилянська академія», 2011. – 224 с.

93. Попович М.В. Жест як характеристика дискурсу / М.В. Попович // Філософсько-антропологічні студії 2000. Європейський вектор та основні цінності української гуманістики (до 70-річчя Мирослава Поповича). – К., 2000. – С. 3-14.

94. Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте / М.В. Попович. – К. : Наукова думка, 1979.

95. Практика Європейського суду з прав людини. Рішення. Коментарі. – № 2 (07). – 2012. Мін. Юст. України. – 240 с.

96. Противоположности и парадоксы (методологический анализ) / Отв. ред. И.А. Герасимова. – М. : Канон+, 2008. – 432 с. – Предисловие.

97. Рено Ф. Разум, право і справедливість / Ф. Рено // Філософська думка. – № 2. – 2013. – С. 93-102.

98. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права / П. Рикер. – ВФ. – № 4. – 1996. – С. 27-36.

99. Рутковский Л.В. Основные типы умозаключений / Л.В. Рутковский // Избранные труды русских логиков XIX века. – М. : изд. АН СССР – С. 265-342.

100. Светлов В.А. Практическая логика / В.А. Светлов. – СПб : НД М и М, 1997. – 576 с.

101. Светлов В.А. Современная логика / В.А. Светлов. – СПб : Питер, 2006. – 400 с.

102. Секундант С.Г. Логика и метафизика у Лейбница // С.Г. Секундант. Критика та метод. Ідея критичного методу в німецькій філософії 17-18 ст. Ст.1. – Київ : Дух і літера, 2012. – XXVII. – 365 с.

103. Секундант С.Г. Эпистемология Лейбница в ее нормативно-критических основаниях : Монография / С.Г. Секундант. – О. : Печатный дом, 2013. – 556 с.

104. Символическая логика : Учебник / [И.Н. Бродский, Э.В. Караваев, Е.Н. Лисанюк и др.] ; под. ред. Я.А. Слинина, Э.Ф. Караваева, А.И. Мигунова. – СПб. : СПб ун-т, 2005. – 506 с.

105. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык: Изд. 3-е / Абрам Соломоник. – М. : ЛКИ, 2011. – 408 с.

106. Солонин Ю.Н. Логика: ожидания и разочарования / Юрий Никифорович Солонин // Современная логика. X Общерос. науч. конф. Мат. пленарных докл. – СПб., 2008. – С. 126-129.

107. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

108. Стяжкин Н.И. Формирование математической логики / Н.И. Стяжкин. – М. : Наука, 1967. – 508 с.

109. Сумарокова Л.Н. Критика логики от Секста Эмпирика до Дж. Лакоффа: методологический аспект / Л.Н. Сумарокова. // Правове життя сучасної України. Матер. міжнар. наук-практ. конф., присвяч. ювілею акад. С.В. Ківалова. – О. : Юрид.літ., 2014. – С. 13-15.

110. Сумарокова Л.Н. О категориальном базисе естественных языков / Л.Н. Сумарокова // Мова. Науково-теоретичний часопис. – 2013. – № 20. – С. 46-51.

111. Сумарокова Л.Н. О многомерности смысла научных терминов / Л.Н. Сумарокова // Політична наука. Контури міждисциплінарного перетину. Тема IV Конвента МАСП (Україна). – О. : Гельветика, 2014. – С. 286-287.

112. Сумарокова Л.Н. Основы логики: 2-е изд./Л.Н. Сумарокова. – О. : Юридична літ., 2003. – С. 229-231.

113. Сумарокова Л.Н. Проблема классификации умозаключений в юридической логике / Л.Н. Сумарокова // Теоретичні та практичні проблеми забезпечення сталого розвитку державності та права. Матер. Міжнар.наук.конф. – О. : Фенікс, 2012. – С. 17-19.

114. Сумарокова Л.М. Про поняття форми у сучасній логіці / Л.М. Сумарокова // Актуальні проблеми держави і права. Зб. наук. праць. Вип. 25. – О. : Юрид. літ., 2005 – С. 22-26.

115. Сумарокова Л.Н. Рациональность vs рационализм в современной методологии юриспруденции / Л.Н. Сумарокова // Актуальні проблеми держави і права: зб. наукових праць. Вип. 67 / Ред. С.В. Ківалов та ін. – О. : Юрид. літ., 2012. – С. 118-125.

116. Сурилов А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Сурилов. – К.-О. : Вища школа, 1983. – 439 с.

117. Тертышник В.М. Теория доказательств / Тертышник В.М., Слинко С.В. – Харьков : Арсис, 1998. – 256 с.

118. Титов В.Д. Историческое развитие философско-логических концепций языка права : Монография / В.Д. Титов, С.Э. Захарина. Изд. 2-е, доп. – Х. : Финн, 2011. – 560 с.

119. Титов В.Д. Логическое знание в его социально-исторической детерминации. Монография / В.Д. Титов. – Х. : Регион-информ, 2004. – 260 с.

120. Титов В.Д. О специфике определений в юриспруденции / В.Д. Титов // Логико-философские штудии. Вып.3. – СПб, 2005. – С. 197-205.

121. Титов В.Д. Юридическая логика в США / В.Д. Титов. – Харьков : Ксилон, 2007. – 250 с.

122. Тягло А.В. К вопросу о статусе истины в поле права / А.В. Тягло // Эволюция представлений о преступлениях и наказаниях

в общественно-правовой мысли (к 250-летию труда Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях») : Матер. Междунар. конф. 24 июня 2014 г., Харьков. – Х. : Золота миля, 2014. – С. 202-207.

123. Тягло А.В. Критическое мышление в современном украинском образовании / А.В. Тягло // *Логіка та багаторівнева система освіти* : Матер. Міжнар. Науково-практ. конф. – К. : Київ.ун-т, 2006. – С. 130-131.

124. Тягло О.В. Критичне мислення / О.В. Тягло. – Х. : Основа, 2008. – 189 с.

125. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования / А.И. Уемов. – М. : Наука, 1970.

126. Уемов А.И. Логические основы метода моделирования / А.И. Уемов. – М. : Мысль, 1971. – 311 с.

127. Уемов А.И. Некоторые вопросы развития современной логики / А.И. Уемов // *Философия науки: системный аспект* / [Уемов А.И. и др.]. – О. : Астропринт, 2010. – С. 214-223.

128. Уемов А.И. Основы практической логики с задачами и упражнениями / А.И. Уемов. – О. : ОГУ им. И.И. Мечникова, 1997. – 388 с.

129. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.

130. Універсалії. // *Європейський словник філософій: лексикон неперекладностей*. [Пер.с фр.]. Т. 1. Вид. 2. – К. : Дух і літера, 2011. – С. 271-275.

131. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

132. Фреге Г. Логика и логическая семантика : Сб.трудов / Готтлоб Фреге. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

133. Фуллер Лон Л. Анатомія права / Лон Л. Фуллер. [Пер. с англ.]. – К. : Сфера, 2004. – 144 с.

134. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Юрген Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.

135. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Юрген Хабермас. – ВФ. – № 2. – 2012. – С. 66-80.

136. Хабермас Ю. Междунатурализмомирелигией. Философские статьи. / Юрген Хабермас ; Пер. с нем. М.Б. Скуратова. – М. : Весь Мир, 2011. – 336 с.

137. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие // Юрген Хабермас. Моральное сознание и коммуникативное действие. [Пер. с нем.]. – СПб. : Наука, 2000.

138. Хеффе О. Справедливость: философское видение / О. Хеффе. – М. : Праксис, 2007. – 192 с.

139. Циппелиус Р. Філософія права: Підручник / Р. Циппеліус. [Пер. з нім.] – К. : Тандем, 2000. – 300 с.

140. Шамес Й.А. Філософія для юристів / Й.А. Шамес. – Миколаїв : D&P, 2008. – 302 с.

141. Шевцов С.П. Метаморфозы права / С.П. Шевцов. Ч. 1. – О. : Освіта України, 2013. – 448 с.

142. Щербина О.Ю. Логіка та юридична аргументація. Монографія. / О.Ю. Щербина. – К. : ВПЦ Київський ун-т, 2013. – 303 с.

143. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Умберто Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 544 с.

144. Эмпирик С. Против логиков // Секст Эмпирик. Соч. в 2-х т. Т. 1, кн. VII и VIII. – М. : Мысль, 1976. – С. 61-243.

145. Юридический научно-практический словарь-справочник (основные термины и понятия) / Под общ. ред. Скакун О.Ф. – Х. : Эспада, 2007. – 488 с.

146. Юридична термінологія. Довідник. – К. : Юринком, 1998. – 224 с.

147. Lex / jus // Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. [Пер. с фр.] Том другий. – К. : Дух і літера, 2011. – 488 с.

148. Perelman Ch. The Idea of Justice and Problem of Argument / Ch. Perelman. – London, New York, 1963.

149. Walton Douglas N. Legal argumentation and evidence / Douglas N. Walton // The Pennsylvania State University Press, 2002. – 374 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ГЛАВА I О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

1.1. О предмете юридической логики	10
1.2. Понятие формы, формализации в юриспруденции и в логике. Метод формализации как основной метод юридической логики	22

Глава II ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

2.1. Формы представления информации на уровне слова	35
2.1.1. Слово с точки зрения семиотики	37
2.1.2. Понятие в логике и в юриспруденции	44
2.2. Логические формы представления юридически значимой информации на уровне высказывания	63
2.2.1. К проблеме классификации высказываний	65
2.2.2. Истинность, ложность, правдоподобие, неопределенность дескриптивных высказываний	75

Глава III ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЫВОДА И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

3.1. Проблема вывода и доказательства: общая характеристика	89
3.2. Классификация умозаключений как проблема юридической логики	92
3.3. Истинность, выводимость, доказуемость: проблема соотношения	111
3.4. Приведение к очевидности и приведение к абсурду как методы доказательства	114
3.4.1. Приведение к очевидности	114
3.4.2. Приведение к противоречию или абсурду	121

Глава IV
ЛОГИКА СУДЕБНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

4.1. Аргументация и доказательство. Теория аргументации и логика.....	128
4.2. Эмергентные свойства судебной аргументации	132
4.2.1. Диалогичность (полилогичность).....	134
4.2.2. Альтернативность	139
4.2.3. Многослойность	146

Глава V
**КОНЦЕПТЫ И ПРИНЦИПЫ ПРАВА;
ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ**

5.1. Концепты права и концепты культуры: проблема их соотношения в правовых дискурсах	156
5.1.1. «Справедливость» как концепт права и концепт культуры	160
5.1.2. О других концептах права в соотнесенности с концептами культуры	164
5.2. Принципы права и принципы юридической логики	169
5.2.1. Общность и практическая применимость принципов	173
5.2.2. Интрасубъектность, общность и адресность права	175
5.3. О значимости концептов и принципов права для формирования юридической логики	179
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	185
ЛИТЕРАТУРА	192

Наукове видання

СУМАРОКОВА Людмила Миколаївна

**ЮРИДИЧНА ЛОГІКА:
КОМУНІКАТИВНА КОНЦЕПЦІЯ**

Монографія

Редактор Т.Р. Короткий
Техн. редактор О.Т. Нерушева

Підписано до друку 22.01.2015.
Формат 60x84/16. Ум.-друк.арк. 11,9. Тираж 300 прим.
Зам. № 1501-05.

Видано і видруковано ПП «Фенікс»
(свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1044 від 17.09.2002)
65009, м. Одеса, вул. Зоопаркова, 25, тел.(048)7777-591
e-mail:maritimebooks@yandex.ru
www.law-books.od.ua